

С.Тышко

Странствия Глинки

Часть IV

КАВКАЗ

С. Тышко

Странствия Глинки

Часть IV

Кавказ

Об авторе этой книги

Тышко Сергей Витальевич (р. 1953). Музыковед, культуролог, автор многочисленных исследований в областях истории музыки и музыкальной культуры, теории и истории художественного стиля. Доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Национальной музыкальной академии Украины им. П.И. Чайковского, профессор Киевского института музыки им. Р.М. Глиэра.

Сергей Тышко

Странствия Глинки

Комментарий к «Запискам»

Часть IV

КАВКАЗ

lat&k
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Киев
2015

УДК 78.071.1 Глинка
ББК 85.313 (4 Рос) 47-8 Глинка
Т93

Рекомендовано к печати
Ученым советом Национальной музыкальной академии
Украины им. П.И. Чайковского
(Протокол №4 от 27 ноября 2014 г.)

Рецензент:
доктор философских наук, профессор Т.К. Гуменюк

Тышко С.В.
Т93 Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть IV.
Кавказ. — К.: ЛАТ&К, 2015. — 244 с.: ил.
ISBN 978-617-7061-12-9

Новая книга киевского музыковеда и культуролога С.В. Тышко продолжает исследование творческой биографии великого русского композитора XIX века М.И. Глинки. Жанр культурологического комментария к автобиографическому тексту, впервые примененный в музыковедении, положен в основу серии из четырех книг «Странствия Глинки. Комментарий к “Запискам”».

В четвертой книге автор воссоздает уникальный культурный контекст кавказского путешествия М.И. Глинки, привлекая массив научной, мемуарной, эпистолярной, художественной, справочной и энциклопедической литературы.

Книга адресована музыковедам, культурологам, а также всем интересующимся историей искусства эпохи романтизма.

УДК 78.071.1 Глинка
ББК 85.313 (4 Рос) 47-8 Глинка

ISBN 978-617-7061-12-9 © С. Тышко, 2015
© Издательство «ЛАТ&К», оформление, 2015

От автора

О принципах построения и научных задачах «Странствий Глинки» автор и его коллеги достаточно основательно высказались в предисловиях к предыдущим трем томам¹. Стержнем каждой из книг этой серии является разработанный нами метод культурологического комментария текстов, связанных с музыкальным искусством. Добавлю лишь, что Л.М. Баткин в свое время дал исчерпывающее объяснение самой сути комментирования, исследуя культуру итальянского Возрождения: «Для автора-гуманиста и читателя-гуманиста решает дело не столько заимствованный материал, сколько его свободное и непринужденное *интонирование*, перекомпоновка, остроумная реминисценция, ученый намек, всяческое обыгрывание чужого слова. Не средневековое его присвоение в качестве надличной мудрости, бесхозного общего места, а именно хозяйское общение с осознанно-чужим и далеким, *как если бы оно было домашним*, спонтанно возникающим здесь, только что, сугубо интимным [...] В гуманистической среде ценили умение, беря то, что всем известно, делать это как бы новым и неизвестным»². К этому стремился (в меру своих сил) и автор книги, предлагаемой читателю.

Что же касается М.И. Глинки, то он в своих воспоминаниях так подвел итог путешествия на Кавказ через тридцать лет после описываемых событий: «*Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске*» [42, 224]. Имея в виду не только впечатления от кавказских вершин и долин, горный воздух и проч., и не столько лечение водами (тут опыт был скорее негативный!), сколько радость общения с людьми, которую всю жизнь стремился раздобыть и без которой едва ли мог бы творить. Буду рад, если теперь эти лица давно ушедшей эпохи, как и природные или городские ландшафты Кавказских минеральных вод, как и звуки черкесских песен, давным-давно покорившие молодого Глинку, оживут и для нас.

¹ См.: [175, 3-6; 176, 3-8; 177, 3-9].

² Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности [10, 53].

Технически книга оформлена так же, как предыдущая. Ссылки на библиографический указатель помещены в квадратные скобки: первая арабская цифра жирным шрифтом — номер источника по указателю, следующая (в случае необходимости) — номер тома (части, выпуска и т. п.), затем — номер страницы. В ссылках на главы I и II римская цифра указывает на соответствующую главу; в ссылках на комментарии после сокращения *комм.* указаны их номера арабскими цифрами. В разделе «Фрагмент текста "Записок" М.И. Глинки» номера комментариев к тексту обозначены жирным шрифтом, в круглых скобках.

Автор глубоко признателен рецензенту, доктору философских наук, профессору Т.К. Гуменюк за ценные замечания и предложения, высказанные по ходу написания и окончательного редактирования этой книги. Автор также благодарен кандидату искусствоведения, доценту И.А. Тимченко-Быхун, аспирантке НМАУ имени П.И. Чайковского Е.А. Павелко и директору издательства «ЛАТ&К» В.Ю. Быхуну за помощь в подготовке издания к печати.

Глава I

О полете Музы к пределам Азии: открытие Кавказа и становление творческой личности

Зачем мы все здесь?³ [...] Сделайте подобный
вопрос каждому из нас, и все скажут: лечиться,
но, кроме этого, есть побочные или главные цели
у многих.

А.А. Бестужев-Марлинский
Вечер на Кавказских водах в 1824 году

Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души младые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?³

А.С. Пушкин. Кавказский пленник
Посвящение Н.Н. Раевскому

Поездка на Кавказ, начавшаяся поздней весной, продолжавшаяся все лето и закончившаяся осенью 1823 года, была первым большим путешествием в жизни М.И. Глинки. До сих пор его географические горизонты ограничивались несколькими сотнями верст от родного Новоспасского, пространством от Смоленска до Петербурга, то есть западом и северо-западом России¹. Но вот на этот раз Глинке предстояло преодолеть без малого 2000 верст² и очутиться в земле необычной, экзотической, горной, труднодоступной, опасной и прекрасной, непознанной и непонятной, манящей и привлекательной. Она еще оставалась тайной для многих его современников. Юный Глинка принадлежал к безусловному их меньшинству, которому удалось добраться до этих еще совсем диких пределов, и он был один из немногих людей штатских, уже тогда повидавших Кавказ

¹ К этому можно добавить еще и поездку в Орел, верст на триста к юго-востоку, куда семья бежала из родового гнезда от нашествия французов летом 1812 г.; Глинке тогда исполнилось восемь лет. — См.: [42, 213; 129, 275].

² См. подробнее II.

собственными глазами¹, — ведь побывал там еще до Лермонтова-подростка и лишь чуть позже молодого Пушкина. Мало того: он был первым из русских музыкантов, кто воочию познакомился с Кавказом и с музыкальной культурой народов, его населявших². А ведь как Кавказ манил издали и словно магнитом притягивал к себе натуры творческие! Уже тогда о нем слагались легенды, о нем сочиняли стихи и поэмы, писали географические и этнографические очерки; там открывали новые для русских земли, обустроивались на них, худо-бедно налаживая быт, заводили дружбы и романы, стрелялись на дуэлях и всюду воевали!

Что же принесло Глинке путешествие на Кавказ: исцеление от недугов? расширение знаний об окружающем мире? эмоциональную встряску и бурную творческую реакцию сразу же по возвращении с минеральных вод? или, может быть, все вместе? или что-нибудь такое, о чем мы пока не догадываемся? Ответ найти совсем непросто. Ведь и десятилетия спустя Лев Толстой в рассказе «Рубка леса» повторял вопрос, давным-давно заданный А.А. Бестужевым-Марлинским в повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», и размышлял о целях тех, кто добрался к подножиям Эльбруса или Бештау: «На Кавказе между встречающимися одного круга людьми хотя невысказанно, но весьма очевидно проявляется вопрос: *зачем вы здесь?*»³. Примечательно, что Лев Николаевич написал этот рассказ о кавказской войне в 1853-55 годах, то есть практически одновременно с тем, как Глинка работал

¹ Поскольку одновременно с Глинкой, летом 1823 года, по сведениям И. Раджицкого («Прогулка к Кавказским Минеральным Водам» [145, 406]), сюда приехало до 200 посетителей (не считая прислуги), а в списке за 1825 г., приведенном П. Свиным [158, 255-281], их насчитывалось уже около трехсот (см. также комм. 5, 6, 7), даже если мы добавим к этому и прислугу, и местное население (на Горячих и на Кислых водах в то время было всего по несколько десятков домов), даже если учтем и путешествующих с деловыми или коммерческими целями — едва ли общее количество постоянно проживавших, а также побывавших на водах за год сильно превысит пару тысяч. Конечно, на Кавказе тогда располагалась большая действующая армия, эти земли активно заселялись казачеством, да и перечень населенных пунктов далеко не исчерпывался будущими Пятигорском и Кисловодском. Но порядок цифр, как представляется, ясен уже из приведенного мною примера.

² См.: [67, 114] и комм. 8.

³ Ср. у Бестужева (в эпиграфе к данной главе) и у Толстого: [13, 262; 170, 65]. Вообще же самую раннюю, причем крайне скептическую постановку подобного вопроса мне удалось обнаружить в короткой заметке за 1815 год, опубликованной в «Вестнике Европы» и озаглавленной «Кавказские минеральные воды. (Отрывок из письма от 30 июля)»: «Для чего ж ездят к минеральным водам в чужие земли? Искать забав, рассеянности, и с малою пользою для здоровья, делать большие издержки» [26, 64].

над «Записками» и вспоминал о собственном кавказском путешествии!¹

Может быть, сухоовато-рационально, но точно, ответил на вопрос, преследовавший и Бестужева, и Толстого, поэт С.Д. Нечаев, побывавший на минеральных водах одновременно с Глинкой: «В 1823-м году я был на водах Кавказских не с одним намерением поправить свое здоровье, но гораздо более для того, чтоб удовлетворить справедливое любопытство, чтоб осмотреть весь полуденный Восток России (курсив мой. — С.Т.)». И добавлял, что его стихотворение «Воспоминания» «есть не что иное как беглый обзор любопытнейших предметов, поразивших [...] в сем путешествии» [116, 626]. Таким образом, за целью собственно лечебной скрывалась и какая-то иная, более высокая. Но ведь и Глинка ехал на Кавказские минеральные воды лечиться, но возвратился оттуда полный новых впечатлений, свойственных человеку, открывшему нечто важное в окружающем мире и в самом себе!

Итак, границы познаваемого мира летом 1823-го внезапно раздвинулись перед юным Глинкой — ведь он, в собственном понимании, очутился в Азии, а этим в ту пору могли похвастаться лишь редкие из его западноевропейских или русских современников. Поистине судьбоносная ценность подобного культурного сдвига в творческой биографии, да еще и на самой ее заре, несомненна. За три года до описываемых событий о творческом потенциале подобного опыта «первопроходца» емко и точно высказался Пушкин:

Так Муза, легкой друг Мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.

(А.С. Пушкин. Кавказский пленник)

«Мы переехали Дон в Оксае и очутились в Азии» [42, 223]²: в этом радостном открытии Глинка преодолевает некую

¹ Вообще же в рассказе «Рубка леса» отчетливо звучат мизантропические нотки по поводу поездок на Кавказ: «— Для чего же вы пошли служить на Кавказ, [...] коли Кавказ вам так не нравится? — Знаете, для чего, — [...] по преданию. В России ведь существует престранное предание про Кавказ: будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей. [...] Все мы, по преданию едущие на Кавказ, ужасно ошибаемся в своих расчетах, и решительно я не вижу, почему вследствие несчастной любви или расстройства дел скорее ехать служить на Кавказ, чем в Казань или в Калугу [...] Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными льдами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками, — все это страшное что-то, а, в сущности, ничего в этом нету веселого» [170, 65-66].

² См. также комм. 4.

метафизическую и культурную грань, неожиданно уподобляясь герою романа Умберто Эко «Остров накануне», искавшему загадочный меридиан, разделяющий сегодня и завтра. Соединяя время и пространство! Но тут у читателя может возникнуть совершенно резонный вопрос: а почему, собственно, Глинка (вслед за Пушкиным и проч.) решил, что Северный Кавказ и, в частности, район Кавказских минеральных вод — это Азия? Причем был в этом уверен не только во время путешествия, но уже в середине 50-х годов, когда писал мемуары. Ведь из школьных учебников географии известно, что граница Азии проходит по Главному Кавказскому хребту, а то и еще южнее — по горам Малого Кавказа, оставляя Европе даже Закавказье! Поэтому-то и пытались биографы оправдать Глинку в его якобы заблуждении. Так, А.С. Ляпунова в примечании к словам об Азии, начинавшейся сразу за Доном, предлагала понимать их «лишь как метафору», считая, что «особенности природы, климата, быта и нравов, близость непокоренных племен северного Кавказа, отдаленность от культурных центров создавали [...] иллюзию пребывания в другой части света» [39, 370]¹.

Однако в русской научной, художественной, мемуарной, эпистолярной литературе времен Глинки, равно как и в путевых очерках, мы сталкиваемся с великим множеством примеров, когда авторы искренне убеждены в том, что Азия начинается сразу за Доном. О Пушкине речь уже шла. Но вот еще пример. В 1820 году, вспоминая Кавказ, поэт писал:

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы [...]

И уточнял это поэтическое наблюдение в письме за тот же год: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях» [133, 17]. А затем воспроизвел ту же географическую константу в 1829 году, в «Путешествии в Арзрум»:

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет [...]; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны².

¹ Подобное объяснение воспроизвел и А.С. Розанов в книге «Северная звезда: Жизнь и судьба М.И. Глинки» [151, 47].

² Из думы Рылеева «Петр Великий в Острогжске» (1823).

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского [136, 643].

И генерал Н.Н. Раевский, который в 1820 г. путешествовал на Кавказ вместе с Пушкиным, тоже был уверен, что Азия начинается сразу за Доном: «Отправились и мы на левый берег Дона и приплыли в Азию в одно время с нашими каретами» [146, 522]. Военный писатель В. Броневский реагировал на эту географию даже с сарказмом: «На берегу встретило меня самое неприятное для проезжающих слово: *лошадей нет!* Так Европа на правом берегу Дона кончилась худо; Азия на левом началась еще хуже» [19, 13].

И самое важное: все эти суждения не были домыслами праздных путешественников, но вполне соответствовали признанным постулатам тогдашней географической науки. К примеру, в знаменитом учебнике географии К.И. Арсеньева, столь успешно преподававшего Глинке эту дисциплину в Благородном пансионе¹, «Кавказия» тоже попадает в Азию (причем почему-то в «Среднюю Азию», вместе с Туркестаном, Монголией, Манчжурией и даже Кореей!) [5, 236, III]. Правда, в «Записках по географии» Глинки среди перечисления гор все же названы и «Уральские — отделяющие Россию от Азии» [43, 189]. Скорей всего, эта истина была ему известна из того же учебника Арсеньева, где ясно сказано: «Уральские горы отделяют Азию от Европы» [5, 209]². Впрочем, такая традиция установилась в русской науке еще раньше, в XVIII веке: граница между Европой и Азией проходила по Уральским горам, реке Урал и далее по Каспийскому морю; однако Азия все равно начиналась за Доном! Так стоит ли после этого удивляться уверенности Глинки в том, что сразу за этой рекой он очутился в другой части света?

Вопрос границы Европы и Азии в регионах Азовского, Черного и Каспийского морей, а также Кавказа, дискутируется и по сей день. Однако эти географические и даже геополитические споры — вне пределов нашей компетенции. Можно с определенностью констатировать только одно: переправляясь через Аксай, молодой Глинка совершал очень важный для него переход в иное культурно-географическое измерение, которое до тех пор ощущалось

¹ См. подробно ниже.

² Таким образом, ход приведенных выше суждений А.С. Ляпуновой [39, 370] не совсем логичен: научное признание границы Европы и Азии по Уралу и Каспию не вызывало с необходимостью дальнейшего ее продолжение по Кавказскому хребту, что и подтверждается исторически.

им как *terra incognita*... Между прочим, «пределы Азии» стали восточным «рекордом» путешествий Глинки за всю жизнь, а на определенное время — и южным. Лишь восемь с лишним лет спустя, в Италии (Рим и Неаполь), он достиг широт южнее Пятигорска или Кисловодска¹. При этом Глинка, возможно, испытывал трепет, подобный состоянию человека, открывавшего окружающий мир в эпоху Ренессанса. Этот восторг ясно выражен в словах итальянского философа-гуманиста Марсилио Фичино: «Наши глаза всегда широко открыты на все происходящее, и особенно нас *улаждает зрелище отдаленнейших и обширнейших вещей*, ведь только огромное нас *удовлетворяет* (курсив мой. — С.Т.)»². Вот и Глинка находил в тех местах, которые считал Азией, бескрайние степные просторы, распаханые вширь, и величественные горные массивы, устремленные в высоту. И вообще: что может быть обширнее Азии? А ведь в ее пределах, на Кавказе, была впервые реализована на практике страсть Глинки к путешествиям и приключениям, свойственная ему с детства и не покидавшая его в зрелые годы. Эта романтическая интенция неожиданно облачается ренессансным пафосом странствий, который так точно и емко представил Л. Баткин, когда писал о поэме Ариосто «Неистовый Орlando»: «Дух вольных странствий, которым овеяна поэма, тем показательней, что он явился [...] социально-психологической приметой времени [...] Ариосто постоянно смешивает фантастическую топонимику с реальными географическими координатами и подробностями, действие поэмы перебрасывается от Японии до Марокко, от Ирландии до Сирии, от Испании до Египта и Балкан, гений Ариосто обладает свойствами необыкновенной конфиденциальности, и весь мир — как бы его дом [...] Когда увлечение путешествиями захватывает всех, даже домоседов, вроде автора, — это уже знак перемен в социальной психологии и системе культурных ценностей» [10, 147-148]. Далее Баткин совершенно справедливо связывает суждения о странствиях эпохи Возрождения с глубочайшим личностным смыслом открытия новых географических пространств, вновь неожиданно давая повод для размышлений о романтическом юноше Глинке: «"Географический" пафос безудержного устремления за горизонт, в далекие края,

¹ Милан, куда композитор направился первоначально, здесь не в счет, так как расположен на севере Италии. Привожу для точности географические координаты: Кисловодск находится на 43°54'47" северной широты; Милан — на 45°27'51" с.ш.; Рим — на 41°53'41" с.ш.; Неаполь — на 40°49'59" с.ш. Уже в Испании, в середине сороковых, Глинка достиг абсолютного южного предела своих странствий.

² Марсилио Фичино. Платоновская теология. — Приведено по: [10, 138].

быстрого и упоительного преодоления пространства — одно из выражений более обширной психологической доминанты: ощущения некой распаханности мира [...] привычной новизны и обжитого чуда. Мотив пространственной открытости тесно сплетен с мотивом открытости событийной и информационной» [10, 148]. Похоже, принимая во внимание напрашивающиеся аналогии — тем более, что, по авторитетному мнению итальянского исследователя, «никакой наукой Ариосто, кажется, не был увлечен так, как географией»¹, — здесь самое место напомнить о хорошо известной склонности Глинки к этой науке, собрав воедино некоторые значимые детали.

Живой интерес к географии проявился еще в детстве композитора, когда, по его словам, обнаружилась страсть к географическим картам [42, 213]. Примечательно, что география изначально увязывалась Глинкой с *открытием*. Его мать когда-то рассказывала Л. Шестаковой о поездке с сыном и дочерью Пелагеей в Петербург в 1817 г.; отвозили тринадцатилетнего Глинку в Благородный пансион: тогда он «всю дорогу уверял сестренку свою, что они едут открывать новую страну, новые земли». И приговаривал: «Ведь Колумб открыл Америку, и я открою какую-нибудь землю, обо мне будут печатать в книгах, а я в новых землях буду устраивать разные концерты, оркестры, музыку и много хороших музыкантов». Жажда открытия становилась поводом для пробуждения творческой фантазии, причем, как мы видим, и в неожиданной связи с музыкой. Географическая фантазия Глинки-подростка была поистине беспредельной: он «превращался в Робинзона, а сестра была у него Пятницей», и вообще «так горячо и правдиво относился к своим рассказам, что нельзя было не порадоваться, слушая его». «В них не был забыт и Васко да Гама», — завершает свою реминисценцию сестра Михаила Ивановича [188, 34]. Обратим особое внимание на то, что как раз Васко да Гама прославился прежде всего открытием морского пути в Индию, то есть азиатский «вектор» будил воображение Глинки уже тогда! Да и прочитанная им еще в детстве книга А.Ф. Прево д'Экзиля «История о странствиях вообще...», уже упоминавшаяся нами², анонсировала, что в ней, в частности, «вмещаются [...] все странствия в Азию». Кстати, впечатляют уже объемы этого труда: в библиотеке Новоспасского, по свидетельству Л. Шестаковой, находилось не менее двенадцати томов³.

¹ Baldini A. Ariosto e dintorni. Roma, 1958. P. 31. — Цит. по: [10, 146].

² См. ч. II «Странствий Глинки» [177, 10-12].

³ См. статью М. Блиновой [15, 316].

Новым импульсом в постижении географии стал, безусловно, пансионский опыт. Эта наука (наряду с зоологией) была любимым предметом Глинки [42, 215]. А одним из самых уважаемых его учителей стал географ К.И. Арсеньев. Послужной список и авторитет этого ученого были к тому времени непререкаемы, о чем Михаил Иванович вспоминал уже в зрелом возрасте:

Профессоры старших классов были люди с познаниями, образованные и большею частью окончившие воспитание в германских университетах; одним словом, [...] преподавали гг. профессоры Педагогического Института; в числе их были: [...] Арсеньев, пр[офессор] географии и статистики [42, 216].

В 1818 г. вышла «Краткая всеобщая география» Арсеньева — единственный в России учебник географии на протяжении почти тридцати лет; до 1849 г. он выдержал 20 изданий. — См.: [90, 14-17; 93, 36; 194, т. 3(II), 175]¹.

Вообще же создается впечатление, что география и музыка шли рука об руку в развитии талантов юного Глинки. Н.А. Мельгунову, пансионскому товарищу, Глинка-музыкант запомнился почему-то в неразрывной связи арсеньевского учебника и музыкальной импровизации:

В длинные зимние ночи, в летние петербургские сумерки [...] он предавался полету свободной импровизации, отдыхая за нею от головолomных занятий, от забот ученических. В этих звуках, дрожащих восторгом, высказывал он и свои детские мечты, и свою томную грусть, и свои живые радости. Если бы кто видел его, сидящего в летнюю, лучную ночь у окна с географией Арсеньева [...], если бы видел, как он сводит глаза с книги на месяц, с месяца на книгу, тот верно бы сказал: «Это прилежный, рачительный ученик, но науки — не его назначение; он рожден быть художником» [97, 159].

¹ Позднее К.И. Арсеньев вместе с В.А. Жуковским стал наставником и преподавателем наследника престола, будущего императора Александра II, сопровождал цесаревича в путешествии по России в 1837 г. и собственноручно составил подробный план путешествия [93, 39]. Кстати, почему бы не предположить, что знаменитый педагог географии мог и Глинке в свое время подсказать что-нибудь относительно Кавказа? Интерес к географии не угаснет у Глинки и после кавказского путешествия: через 5 лет он вновь проявится в «Записках по географии» [43], написанных для Л.И. Шестаковой. География, постигаемая в знакомстве с атласами (чего стоит огромный атлас Испании, который Глинка штудировал перед поездкой на Пиренеи!) или прямо на природе, продолжала тревожить Михаила Ивановича до последних лет жизни. И ведь текст его «Записок» полон уникальных географических подробностей!

И ведь говорил же Глинка когда-то в детстве: «Что ж делать? [...]— музыка — душа моя» [42, 213].

Однако нельзя обойти вниманием одно немаловажное обстоятельство. На Кавказ Глинка приехал совсем молодым — ему едва-едва исполнилось девятнадцать. Почти детская физиономия будущего композитора глядит на нас с замечательного портрета М. Теребенева (см. илл. 1), выполненного в следующем, 1824 году; он очень нравился Л.И. Шестаковой и, по ее словам, «был удивительного сходства с оригиналом» [189, 47]. Вербальные портреты, оставленные друзьями, дополняют это впечатление. Пансионский товарищ Глинки, Н. Маркевич, вспоминал о нем: «Маленький, крошечный, довольно безобразный, с огромной по росту головой и с гениальным пламенным взглядом» [94, 130]. П. Степанов писал о встрече с Глинкой в 1825 г.: «Он был маленький, худенький, бледный, но с очень приятною и выразительной физиономиею» [163, 54].

Хорошее образование и воспитание наш герой ко времени кавказского путешествия, конечно же, получил. Но к самостоятельной жизни готов еще не был. В музыку влюблен всей душой — но еще почти ничего не умеет! (Вспомним здесь хотя бы его современников в девятнадцать лет — к примеру, Шопена или Мендельсона). Действительно, уже были три поистине судьбоносных урока фортепиано, взятых у Джона Фильда (1818 г.), а затем опыты занятий по фортепиано с учеником Фильда — В. Оманом и с К. Цейнером (у последнего Глинка пытался обучаться и теории музыки, правда, без особого успеха); несколько более удачными были уроки фортепиано и теории, взятые в начале 20-х у Карла Мейера¹. Добавим к этому не совсем удовлетворившие Глинку занятия скрипкой с Ф. Бёмом; при этом на рубеже 10 — 20-х годов он уже вполне мог играть на этом инструменте в оркестре его дяди — Афанасия Андреевича. Однако первые относительно профессиональные опыты — занятия по композиции с Л. Замбони, не говоря уже о систематических уроках Э. Дена в Германии (1833 — 1834 гг.), были еще впереди. К 1822 году относятся первые попытки сочинения собственной музыки — Вариации на тему из оперы Вейгля «Швейцарское семейство», Вариации для арфы и фортепиано на тему Моцарта (первая авторская редакция) и вальс F-dur для фортепиано, а также, вероятно, и Вариации на собственную тему F-dur². Глинка

¹ Имя и фамилия воспроизводятся на русском также и по-иному: Шарль Майер.

² См.: [42, 221], а также комментарии Н. Загорного [46, 417-418].

вспоминал, что «еще не знал генерал-баса», но зато «тогда в первый раз познакомился с арфой — прелестным инструментом» [42, 221]¹. О каком-либо, хотя бы самом скромном, общественном отклике на эти музыкальные опыты говорить и вовсе не приходится. Для контраста приведу факты из биографии Пушкина. Поэт приехал на Кавказ в 1820 г., будучи в ту пору всего лишь на пару лет старше, чем Глинка в 1823-м. Но Александр Сергеевич уже был автором поэмы «Руслан и Людмила» и почти оконченного «Кавказского пленника», которые и поныне многие знают с детства или юности! Его биограф П.И. Бартенев писал, что по дороге на Кавказ «путешественников наших везде встречали с большим почетом; в городах обыватели с хлебом и солью выходили к славному защитнику отечества²». А «старик Раевский шутя говаривал Пушкину: "Прочтите-ка им свои стихи! Что они в них поймут?"» [9, 20-21].

Безусловно, на Кавказе Глинка утолял жажду поиска, уже кипевшую в нем: он открывал для себя мир и самого себя в мире — то есть утверждался как индивидуальность и как личность. Причем процесс шел чрезвычайно быстро. Не будем забывать о том, что накануне путешествия творческая судьба его отнюдь не была решена. Так, некоторые колебания и сомнения заметны в письме родителям, отправленном за год до поездки на Кавказ³. Глинка тогда размышлял: «Можно ли точно написать все то, что чувствуешь! — Это невозможно! Самые величайш[ие] писатели, проведя всю жизнь в чрезвычайных трудах, не могут сказать, что они довольны своими творен[иями] — и мне ли за ними гнаться!» [45, 32]. Полной определенности не наступит и сразу после путешествия. Но все же появятся заметные сдвиги и в отношении к музыке, и к собственному музыкальному образованию⁴, наконец, возникнет значимый фактор самоограничения в других областях деятельности — окончательный отказ от престижного и «карьерного» места в Министерстве иностранных дел весной 1824 г.⁵; неужто эта жертва — не ради музыки? И вот выдержка из «Записок», относящаяся уже к 1825 году: «В конце этого года я встречался иногда с некоторыми из прежних товарищей; один из них упрекал меня за то, что я оставил серьезные занятия, чтобы терять драгоценное время в суетности, как говорил он, в забавах. Я помню, что ответил ему в таком

¹ Следует заметить, что в Благородном пансионе Глинка, как вспоминал Маркевич, прослыл отличным импровизатором [94, 130].

² Имеется в виду Н.Н. Раевский.

³ 2 мая 1822 г.

⁴ См. комм. 16.

⁵ См. комм. 7.

смысле, что успею себе и после, а теперь *считаю приличным соотнобразяться с наклонностями своими и возрастом* (курсив мой. — С.Т.)» [42, 229]. Насколько все стало определеннее! Еще более убедительно свидетельствует о прояснении творческих намерений послание, написанное по-итальянски неустановленному лицу и отправленное примерно тогда же¹: «Так как я совершенно свободен, то и пользуюсь этим для того, чтобы немного заняться музыкой, главной моей оболюстительницей [...] Ты скажешь, что я попусту теряю мои свободные часы. Но что же поделать? *Я люблю музыку, и ты знаешь, что это — моя страсть. Может быть, с годами я и пойму, что мне надо было бы найти лучшее применение моему бедному таланту, но сейчас противиться искушению я не в силах* (курсив мой. — С.Т.)» [45, 33].

Вот это мощное, ренессансное и одновременно романтическое по духу пробуждение индивидуальности, когда приоритетом стало, как замечательно определил Л. Баткин, стремление «уяснить и обосновать независимое достоинство особого индивидуального мнения, вкуса, дарования, образа жизни [...]— *самоценность отличия*», когда «всякое, в частности художественное, достоинство было отождествлено [...] с "лицом необщим выраженьем"», а «прежние образы, прежняя поэтика переплавляются новым воображением, ранее не встречавшимся под солнцем», наконец, когда уместно говорить «об индивидуализме в высшем значении, т. е. о самостояньи культурной личности», о стремлении «поступать так, как он считает нужным, по совершенно свободному внутреннему решению, обязательному лишь для этого Я» [10, 3, 9], и было, по-видимому, одним из важнейших следствий поездки Глинки на Кавказ. И заявило оно о себе как раз вовремя — ведь поистине судьбоносное значение творческого *initio* совсем не случайно настойчиво фиксировалось романтиками; Н. Савицкая в монографии «Хронос композиторської життєтворчості» заметила по этому поводу, что именно они считали «ранний возраст [...] не маргинальной фазой развития, а драгоценным духовным источником "воспитания чувств", которое питает память и воображение на этапах зрелости и позднего возраста» [154, 88-89]²!

Но почему путешествие на Кавказ смогло так ускорить процессы человеческого, творческого формирования молодого Глинки, а в чем-то даже круто подстегнуло их на пути в нужную сторону?

¹ Датируется лишь приблизительно: 1825 — 1828 гг. Учитывая, что «Записки» в основном воспроизводят содержание его текста, думаю, что датировать письмо можно также 1825-м годом.

² Здесь и далее перевод с украинского и с немецкого выполнен автором книги.

Сначала выясним, что Глинка мог знать о Кавказе еще до путешествия. Сразу же замечу, что не очень много. Конечно, некоторые — но только «первичные», самые общие! — данные он почерпнул из учебника Арсеньева. Оттуда он мог узнать, что существуют Кавказ как таковой и Кавказские горы, которые лежат «между Каспийским и Черным морями; южные отрасли сих гор сливаются с Араратом, северные же высочайшие известны под именами: Эльбрус, Бештау и Казбек»; что есть на карте административная единица — Кавказская область с Черноморьем и расположены в ней города Ставрополь, Кизляр, Моздок, Пятигорск¹, Екатеринодар; что живут здесь народы «Кавказского племени» (перечислены), к которому принадлежат, в частности, и черкесы [5, 153, 155, 168, 200, 209]. Вот, собственно, и все!² Конечно, знания о Кавказе Глинка мог пополнить и в устных беседах с Арсеньевым в пансионские годы, и из его лекций — но, к сожалению, об их содержании в части географии этого региона мы можем только гадать. Как можем и предполагать, что любознательный юноша что-нибудь да выведал о Кавказе у людей, которые уже успели побывать там, или же кое-что узнал из пересказов их впечатлений, несомненно, циркулировавших в обществе; однако никакими конкретными данными на сей счет мы не располагаем.

Мог ли Глинка еще до поездки прочесть о Кавказе в изданных к тому времени книгах или журналах — в научных описаниях, путевых очерках и т. п.? Вероятно, мог; однако сразу же замечу, что до 1823 г. подобных изданий существовало совсем немного³. Да и что именно попало в его поле зрения, мы не в состоянии определить — ведь и сам Глинка молчит по этому поводу. Следует учесть, что мощный поток новейших материалов о Кавказе, и о тамошних минеральных водах в частности, пошел либо через несколько месяцев после пребывания Глинки в тех местах, либо в ближайшие последующие годы.

¹ В ранних изданиях учебника название Пятигорск, конечно, отсутствовало, потому что это имя город получил лишь с 30-х годов (см. комм. 5).

² Удивительно, но в «Записках по географии» Глинки, представляющих собою по сути «сжатый конспект книги Арсеньева» [90, 17], названы Альпы, Пиренейские, Карпатские и Уральские горы, но вовсе не упомянуты Кавказские [43, 189].

³ Конечно, не следует игнорировать то обстоятельство, что Глинка вполне мог пополнить свои «книжные» знания о Кавказе, уже прибыв на минеральные воды. Тем более, что там было принято читать соответствующие описания. Так, например, поступал в тех местах Г. Гераков в 1820 г.: «Я читал о водах, сочинение Доктора Зейя: надуту написано, впрочем, как говорят, справедливо; мне принес сию книгу Полковник Преображенского полка, Деменков». Из этой книги Гераков почерпнул, вероятно, сведения о местоположении тамошних курортов, химическом составе вод и даже о температуре источников [35, 97-98, 100].

Примечательно, что именно 1823 год стал здесь переломным — как раз тогда были задуманы, написаны или даже изданы подробные, талантливые очерки и фундаментальные труды о Кавказских водах¹: пространные статьи участника войны 1812 г., а в недалеком будущем — и войны на Кавказе, писателя И.Т. Раджицкого «Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст» [143] и «Прогулка к Кавказским Минеральным Водам» [145]²; «Отрывок из путевых записок о Юго-Восточной России» поэта, просветителя и члена литературных, научных и декабристских обществ С.Д. Нечаева, также посетившего минеральные воды одновременно с Глинкой [117]³; наконец, фундаментальный научный труд профессора Медико-хирургической Академии А.П. Нелюбина «Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод» (увидел свет лишь в 1825 г.)⁴, а также изданный в 1823 г., но написанный десятилетием ранее двухтомник С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» [20; 21].

О характере первоначальной информированности семьи М.И. Глинки относительно Кавказских вод свидетельствует несколько экзотическая инициатива поездки в те края. Этот случай Михаил Иванович не без удовольствия и, как кажется, не без иронии, упоминает в «Записках». Дело в том, что как-то раз, в Новоспасском, двоюродная сестра Глинки⁵, находясь в состоянии *ясновидения* (ее «лечили магнетизмом»), сказала, что для его «золотушного расположения [...] будут полезны кавказские минеральные воды» [39, 370; 42, 222]. Вот и основание для принятия решения отцом Глинки, Иваном Николаевичем! Но уж если Кавказские воды являлись в «состоянии ясновидения», не означает ли это, что они были в те далекие времена что называется у всех на устах? И действительно, в 1823 году Раджицкий, посетив эти курорты,

¹ Публикации появились не ранее осени — зимы, то есть уже после окончания курортного сезона. Следовательно, Глинка не успевал ознакомиться с ними еще до путешествия либо во время него.

² «Прогулка к Кавказским Минеральным Водам» публиковалась в «Отечественных записках» за 1823 г. (Ч. 16, № 44) и за 1824 г. (Ч. 17, №№ 45, 46, 47).

³ Напечатан в «Московском телеграфе» только в 1826 г. О С.Д. Нечаеве см. подробнее: [50; 190].

⁴ Нелюбин был командирован для химического изучения и описания Кавказских вод, с предписанием оказывать ему всяческое содействие, решением Комитета министров в апреле 1823 г. [120, 625-626].

⁵ Александра Васильевна Киприянова (рожд. Потресова; 1801 — 1830), жена А.И. Киприянова, с 1813 г. жила и воспитывалась в Новоспасском (см. также комм. 2).

заметил, что они приходят «в значительную славу»¹. А В. Броневский уже в начале 30-х вспоминал, что «из России начали приезжать к водам с 1810 года, к 1820 они уже прославились; и с сего времени число посетителей с каждым годом увеличивается» [19, 35]. Мало того, как раз тогда Кавказские воды стали считать едва ли не панацеей. Неслучайно ведь Пушкин, набрасывая планы «Романа на Кавказских водах», вложил в уста одной из его героинь такие слова: «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уже полтора года, как я все страдаю, авось Кавказ поможет» [137, 591]. И ведь у Пушкина к тому времени был собственный опыт исцеления горячими водами или нарзаном! Вот и спел В. Броневский настоящий гимн их целительной силе, не преминув похвалить и здешний климат, и горный воздух:

Минеральные воды как сильное и превосходнейшее лекарство, приготовляемое Самим Богом, должно употреблять с верою и надеждою, [...] стараться сколько возможно сохранять веселость и свободу духа. [...] Беспечность, приятное препровождение времени, горное местоположение, весьма способствующее здоровью слабых грудью, хорошая погода и самый воздух, напитанный кислородом, с которым [...] и старики молодеют, помогают здесь более, нежели что иное [19, 72-73].

Вообще же Глинка, впервые познакомившийся с действием минеральных вод на Кавказе, сохранял к ним интерес и пользовался ими (с разным оздоровительным эффектом) на протяжении значительной части жизни: и в 30-е годы в Италии, Германии и в Австрии, и в 1847-м в Германии². Правда, в Испании он был безразличен к водам, хотя возможности водолечения там были достаточно широкие — см.: [197, 40-41; 175, 36, 409].

Здесь самое место дать краткую справку о Кавказских минеральных водах, какими их застал Глинка. (Сведения об истории этого региона, об устройстве и климатических особенностях тамошних

¹ [145, 387]. Интересно, что в другом своем очерке этот автор приводит аргументацию полезности пребывания на Кавказских водах, очень сходную с той, которую англичанин Р. Форд высказал во время путешествия Глинки в Испанию: «[...] Немногие почитают за надобность основать благосостояние свое в сем прелестном краю, в удалении от суровой и милой родины севера, а более обращаются к целительным источникам у подошвы Кавказа искать в них спасения от усладительной отравы роскошной жизни, искать восстановления сил для новых наслаждений, или исцелять раны чести за спасение и в славу отечества понесенные» [143, 344-345]. Ср.: [175, 44-45; 197, 35].

² Примечательно, что в «Записках по географии» Глинка назвал в Англии девять городов, и вдруг среди них, рядом с упоминаниями Лондона и Бристоля, возникает некий «*Бат* — минеральные воды» [43, 190].

курортов, о целебных свойствах местных вод и т. п. подробно изложены в соответствующих комментариях).

Итак, район Кавказских минеральных вод расположен на северных склонах Главного Кавказского хребта или у их подножья. Авторитетная энциклопедия на рубеже 20 — 30-х годов прошлого века сообщала, что эта местность распространилась на площади около 60 км в длину и около 27 км в ширину, на высотах от 400 до 2500 м и разделена на две части: большую—равнинную, и меньшую—нагорную [87, 55]. О целительной силе здешних источников местные жители знали еще в стародавние времена; русское же население стало пользоваться ими с 1780 г. В 1803 г. указом Александра I было утверждено «Положение о Кавказских минеральных водах» и началась их официальная история как курорта [54; 87, 56-57].

Этот курортный район отличается исключительным разнообразием минеральных источников, сконцентрированных на относительно небольшом пространстве [66; 87, 59-60]. Что и заметил А.С. Пушкин еще в 1820 г.: «Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор» [133, 17]¹. А его современник настаивал в этой связи на уникальности здешних ключей, проверив ее на практике: «Ни одни минеральные воды в целой Европе не имеют тех выгод, кои имеют Кавказские. После продолжительного употребления горячих серных вод, тело и желудок крайне расслабляются, для восстановления коих [...] нужно употреблять кислые воды. — Здесь нужно для того сделать только 40 верст, ибо в таком расстоянии находятся кислые воды от горячих [...]; в Германии, напротив, нужно для того же сделать миль сто. В 15 верстах от горячих вод находятся еще и железные воды. — На таком малом пространстве находится столько различных вод [...]» [123, 40-41, 60]. Потому во времена Глинки и существовал обычай посещать за один курортный тур по возможности все три группы разнообразных кавказских источников, причем в строго определенной последовательности: сначала Горячие воды (ныне Пятигорск), затем Железные (ныне Железноводск) и, наконец, — Кислые (Кисловодск). Так поступил Пушкин в 1820 г.: «Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных» [133, 17]. А вслед за ним — и Глинка три года спустя. Тогда же С. Нечаев писал: «Пользование Кавказскими водами обыкновенно разделяется на две

¹О том же см. в письме Н.Н. Раевского [146, 524].

части: сначала употребляют теплые серные ванны, которые более или менее приводят в расслабление усиленную испариною; потом подкрепляют себя холодными, кислыми йодами, известными под названием Нарзанны или Богатырского ключа» [116, 627]. Подобный распорядок сохранялся на протяжении всех 20-х и 30-х годов¹.

Все выезжали на воды весной, преимущественно в мае. Поэтому вполне символично звучит фраза, брошенная Пушкиным в набросках плана «Романа на Кавказских водах»: «Les eaux — une saison²; весна, кто живет на Кавказе» [137, 769]. Да и сам-то Пушкин отправился на Кавказ в конце мая 1820 года! Признанный знаток водолечения — профессор К. Грум-Гржимайло — отмечал в 1855 г., что сезон здесь продолжался с 1 мая до 15 сентября [52, 61]. В эти временные рамки полностью укладываются и сроки кавказской поездки Глинки, что, между прочим, свидетельствует о достаточной информированности в вопросе, сложившейся уже во время подготовки к путешествию.

Возвращаясь к степени осведомленности Глинки в истории, географии, нравах, этнографии и прочих сторонах жизни Кавказа, напомним, что в 1822 году был издан «Кавказский пленник» Пушкина. Поэма перевернула представления русской читающей публики о Кавказе. И одновременно создала мощную волну пытливого интереса к краям Эльбруса и Казбека, в том числе — и в музыкальных кругах. Биографы Глинки сходятся на том, что он был знаком с текстом «Кавказского пленника» еще до поездки на воды³. А ведь эта книга для многих побывавших на Кавказе с успехом заменяла научные издания или путеводители⁴! Прав был П. Бартенев, когда еще в середине позапрошлого века писал о замысле Пушкина: «Поэмой этой [...] он дорожил потом именно как картиною Кавказа. И действительно, описательная часть *Кавказского Пленника* свидетельствует, что молодой Пушкин не был праздным путешественником, приехавшим только полечиться да погулять» [9, 25-26].

¹ См. например: [115, 55; 152, 378].

² Воды — сезон (франц.)

³ В свое время выдвигалась вполне обоснованная версия относительно того, что Михаил Глинка знал поэму «прежде всего через посредство своего пансионского однокашника, Льва Пушкина» [67, 113-114]. Но и «в музыкальных салонах Москвы и Петербурга всюду звучала "Черкесская песня" Пушкина ("В реке бежит гремучий вал")», положенная на музыку сначала Геништой, а затем Маурером» [77, 88].

⁴ Е. Канн-Новикова заметила по этому поводу, ссылаясь, в свою очередь, на «Письма с Кавказа» П. Свинына: «Некоторые из русских офицеров не расставались с книжкой Пушкина даже при поездке в отдаленные аулы. Любопытно, что пушкинская поэма служила в таких случаях отправным критерием для суждений о быте и нравах кавказских народов» [67, 120].

Поэма Пушкина вызвала множество откликов-«парафразов» в самых разных видах и жанрах искусства. Едва ли не первым из них стал балет К.Л. Дидло с музыкой К.А. Кавоса «Кавказский пленник, или Тень невесты», с триумфальным успехом поставленный на Императорской сцене в Петербурге 15 января 1823 г.¹ Очень вероятно, что любознательный Глинка был на одном из спектаклей, так как зимой того года он находился в столице и покинул ее только в марте. Конечно, никаких новых и достоверных сведений о Кавказе он почерпнуть отсюда не смог бы — тем более, что и сам сюжет Пушкина в либретто Дидло был основательно искажен. Однако ученик Дидло — известный московский балетмейстер А.П. Глушковский — все же написал в свое время: «Местность, нравы, и воинственность народа — все схвачено в этом балете. Есть много групп истинно поэтических. [...] Игры, борьба, стрельба — все верно и естественно списано им с натуры, но все прикрыто колоритом грации и поэзии. Балет сделан в руках Дидло великолепной иллюстрацией поэмы»². А Н. Шувалов добавил к этому уже в 30-е годы XX века: «Дидло показал впервые на балетной сцене *театрализованные нравы и танцы черкесов* (курсив мой. — С.Т.)» [192, 71]. Поэтому балет Дидло — Кавоса мог возбудить само желание узнать что-либо о черкесах, их быте, песнях и танцах. И как знать — не отправился ли Глинка в черкесский аул посмотреть конные состязания и танцы, сопровождавшиеся инструментальной музыкой и пением, также под влиянием этих петербургских впечатлений?³ Но все это пока что, до поездки, было лишь умозрительным знанием, и только вернувшись с Кавказа, Глинка мог бы одновременно с Ильей Раджицким утверждать: «Теперь и я имею понятие о Кавказе» [143, 365].

А вот еще одна интересная деталь из балета Дидло: имя одной из его героинь — *Горислава*, и оно словно намекает на будущую оперу «Руслан и Людмила», премьера которой состоится почти двадцать лет спустя. И ведь это совсем не случайно: «отложенные» на долгие годы

¹ «Кавказский пленник, или Тень невесты», большой пантомимный балет в четырех действиях, соч. г. Дидло, коего сюжет взят из известной поэмы г. Пушкина; музыка соч. г. Кавоса, аранжированная для оркестра учеником его г. Жучковским; новые декорации г. Кондратьева; костюмы г. Бабинн; машины г. Натье. Представлен в первый раз на Большом театре в пользу танцовщика г. Огюста, Генваря 15 дня 1823 года. Санкт-Петербург, в типографии императорских театров, 1823 года. (Титульный лист либретто). — Приведено по: [192, 69].

² Глушковский А.П. Воспоминание о великом хореографе К.Л. Дидло // Пантеон и репертуар русской сцены, изд. под ред. Ф. Кони, т. II, апр. книжка 4-я, 1851 г., стр. 11-12. — Приведено по: [192, 71].

³ См. комм. 8.

кавказские впечатления еще долго будут тревожить Глинку, найдя, наконец, полноценный творческий выход в его второй опере. Очень показательным, что Пушкин дописал последние строки своей поэмы «Руслан и Людмила» как раз на Кавказе, летом 1820 г.¹ При этом поэт как бы следовал от уже существовавшего и даже готового к печати основного массива текста — к живым кавказским впечатлениям в Эпиллоге:

Забывтый светом и молвою,
Далече от брегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.

У Глинки же — все наоборот, словно в инверсии: кавказские культурные и музыкальные впечатления 1823 года стали творческим импульсом для будущего «Руслана». Здесь, в далекой «кавказской Азии», юный Глинка, впитывая новые впечатления (как бы ассимилируя их), становился творчески уникальной и самобытной личностью, утверждался в «самостоянии» и готовился подтвердить это творческими подвигами. Не отсюда ли рождались смысл и обаяние широко известного явления «русский восток», впервые во всю ширь развернувшегося в глинкинском «Руслане» и на долгие десятилетия ставшего «визитной карточкой» русской музыки? Ведь не случайно так причудливо перемешаны и одновременно едины во второй опере Глинки собственно кавказские, крымско-татарские, турецкие, персидские, арабские мотивы (самая подходящая иллюстрация — танцевальная «сюита» из III действия: турецкий, арабский и «Лезгинка»).

Надо сказать, что Восток по-новому открывался не только русским, но и западноевропейским слушателям, причем — и это особенно для нас важно — именно в своем кавказском облике. Н. Греч вспоминал об одном из парижских концертов 1845 года с музыкой

¹Эпиллог написан 26 июля 1820 г., на Кислых водах [9, 26-28; 134, 529].

Глинки: «После отрывка оратории самого Берлиоза оркестр исполнил Лезгинку (из "Руслана"), которая произвела не меньшее действие, но в другом отношении: кавказская мелодия, чуждая европейскому слуху, но не варварская, своенравная, но не противоречащая музыкальному чувству, изумила парижан. "C'est sauvage, mais c'est beau"¹ восклицали они, хлопая изо всей мочи» [51, 353]. Конечно, все это замечательно, но все же какой разительный контраст с восприятием того же феномена и самим Глинкой, и его соотечественниками, уже вполне готовыми к восточным метаморфозам в русском духе! И, пожалуй, самое главное: именно здесь, в пределах кавказского Пятигорья², на народном празднике байрама³, он мог убедиться воочию (а не только умозрительно — по стихам, романам или учебникам географии), сколь разнообразен, неоднозначен и прекрасен мир людей⁴. И начать утверждаться в мысли, что «природу вместе создали Белбог и мрачный Чернобог»⁵. Сколь важно было для Глинки — «вечного странника» — получить это самое первое живое впечатление, чтобы потом научиться распоряжаться подобными

¹ Это дико, но это прекрасно (франц.)

² *Пятигорье* — историко-культурная и природная область, где расположены Кавказские минеральные воды. Одно из ранних упоминаний этого наименования находим в начале XIX в., в фундаментальном труде С. Броневского: «Сия древняя родина пятигорских черкес или нынешних кабардинцев, известна в Российских летописях под названием Пятигория [...] Греки называли сие место *Пентаполис*» [21, 12]. И. Радожицкий в 1823 г. весьма поэтично описал все пять гор, давших название местности: «[...] Представляется проезжающему прекрасная декорация: впереди прямо возвышается вдали конической формы, с округленным верхом и слегка покрытая кустарником гора *Мечук* (Машук. — С.Т.), та самая, которая из каменистого пояса своего испускает серногорячие ключи, дающие исцеление [...] Немного правее является большим великаном *Бештовая* гора (Бештау. — С.Т.) с пирамидною вершиною и с распростертыми крыльями, составленными из скал, обросшая посредине темным кустарником. Правее сей горы является третья, так называемая *Железная* гора, — потому что содержит в себе серножелезные воды; она вся покрыта лесом и меньше других. Близ нее стоит четвертая: *Кудрявая* гора, и наконец, пятая — ближайшая к дороге, вправо, есть *Змеиная* — наподобие великого сенного стога, испещренного белыми полосами сверху на низ [...] Вот пять славных гор, выскакивающих почти из ровной поверхности земной отдельными великими буграми, известные под именем *Бештовых*, что на Татарском языке значит: *пять гор*» [145, 398, 400].

³ См. подробно в комм. 8.

⁴ Права была Н. Савицкая, когда, исследуя разные возрастные этапы в биографиях композиторов, утверждала: «Юность не подчиняется линейному вектору развития, она живет разнонаправлено, многомерно, калейдоскопически, жадно ассимилируя все, что ее окружает. [...] Юные гении живут в режиме поглощения многомерности окружающего мира» [154, 90-91].

⁵ Слова из песни Баяна («Руслан и Людмила» Глинки).

дарами судьбы!¹ И, подобно Пушкину, смотреть на жизнь *других* непредвзято и с любовью:

Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.

(А.С. Пушкин. *Кавказский пленник*)

Конечно, было бы уместно объяснять произошедший в «Руслане» стиливой сдвиг, вызванный, в частности, сближением русского и «восточного» интонационных пластов, вполне рациональными с точки зрения музыковеда причинами². Прежде всего — историческими закономерностями стилеобразования, о чем автор книги, собственно, и поведал в некоторых работах прошлых лет [172; 174]. Но не было ли здесь и какой-то иной причины, корни которой следует искать задолго до появления замысла оперы: в романтической фантазии юного Глинки, в его географических грезах, в его сердце, распахнутом для будоражающих впечатлений от совсем новой реальности, открывшейся ему на Кавказе?

О том, что путешествие, связанное с практикой освоения мира как *приключения*, нередко будило творческую фантазию художников Нового времени, очень хорошо написал Л. Баткин:

Добрые феи и людоеды, великаны и карлики, заколдованные замки и летающие кони кажутся теперь однообразно замысловатой оперной

¹ Приведу здесь лишь один пример — но очень показательный! Повествуя о нравах кавказских горцев, современник Глинки, посетивший минеральные воды, заметил: «Каждый горец имеет непреодолимую приверженность к буйным нравам и обычаям своего отечества. [...] Так сильна приверженность к родине и в самом дикаре. Медики сделали из сей нравственной болезни физическую, которую называют тоскою по отчизне» [123, 93-94]. Конечно же, автор ведет речь о ностальгии. Сколько раз в жизни доведется пережить Глинке это щемящее чувство! И кто знает, какой ценный опыт мировосприятия он получил, столкнувшись именно на Кавказе — возможно, впервые — с ностальгией у *других*?

² Вообще же начало формирования восточного вектора в русской музыке находят задолго до Глинки — еще в конце XVIII века. Ранний пример — калмыцкий хор в опере В. Пашкевича «Февей» (1786).

бутафорией и машинерией. Тут же присутствует автор, роняющий иногда добродушно-насмешливое словечко, хозяин этих роскошных аттракционов, этого странного мира, столь чувственно-завершенного и вместе с тем призрачного [...] Ариосто не настаивает на доподлинности деталей и готов расхохотаться по поводу любой из них. Но он ничуть не скептивен в отношении к самой стихии волшебства. Он как бы говорит: пусть то, о чем я рассказываю, вымысел, пусть *этих* чудес не было, но вообще-то на свете возможны всякие чудеса, вообще-то жизнь — Великое Приключение, и я подчас не знаю, что и думать о моих сказках [10, 138, 142].

Речь идет об авторе «Неистового Орlando», но как тут не вспомнить о «Руслане» Глинки! А если копнуть поглубже и обратиться к отдаленной предыстории оперы, то нельзя не заметить, что рождению в будущем этой фантастической феерии как нельзя более способствовали кавказские впечатления юности. Это было первое в жизни глубокое и наглядное погружение в среду народных мифов, сказаний и обрядов, состоявшееся, скажем, на черкесском празднике. Да и само кавказское приволье будило и раскрепощало творческие возможности. В точности как у Пушкина в 1820 году, об ощущениях которого в свое время написал П. Бартнев:

Эти оригинальные поездки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсем непохожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом, и кругом причудливые картины гор, новые нравы, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских Черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война, с громким именем Ермолова, — все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину. Мы в праве даже думать, что втайне он благословлял судьбу, которая так неожиданно и против воли заставила его променять на Кавказ петербургскую, душную и только бесплодно-раздражающую жизнь. К удовольствиям путешествия прибавлялось еще всегда радостное и свежительное чувство выздоровления [9, 21-22].

Впрочем, нечто подобное случалось и с Глинкой, причем не только на Кавказе, но и в Испании, почти четверть века спустя, уже по окончании «Руслана»¹. Следует полагать, что у подножья Бештау

¹ Сведения о поистине целительной силе испанских ландшафтов и освежающем действии пиренейских нравов мы в свое время обнаружили в фундаментальном путеводителе Р. Форда (1845 г.), звавшего в романтическую землю «зеленых долин и пепельных гор, безграничных равнин и горных цепей», где «язычество оспаривает подлинный алтарь у христианства, где снисхождение и роскошь спорят с недостаточностью и бедностью, где стремление быть великодушным, честным или милосердным становится [...] героической добродетелью, где хладнокровная жестокость связана с огненными страстями». — См.: [175, 44-45; 197, 35].

с ним начало происходить то «воспарение» в выси горние¹, о котором писал Пушкин в Эпиглоге поэмы «Руслан и Людмила»:

На крыльях вымысла носимый,
Ум улета за край земной [...]²

Кстати, не отсюда ли та потрясающая вспышка творческой активности, которая озарила Глинку вскоре после поездки на воды? (См. комм. 16). Правда, о том, что он писал какую-либо музыку на Кавказе, нам ничего не известно. Да, вероятно, и не сочинял он там вовсе! Наверное, причина этого «молчания», равно как и дальнейшее его благотворное воздействие на творческую реализацию, была та же самая, что позднее — в Испании. Или здесь же, на водах, — у Пушкина. Приоритетным и для поэта, и для композитора было накопление жизненных и художественных впечатлений, которые лишь потом отливались в музыкальные или литературные тексты. Ведь как верно сказал Бартенева о Пушкине:

Нужно было много умного внимания и наблюдательности, чтобы так схватить главнейшие черты края. Что касается собственно до внешней поэтической работы, то, кажется, в два месяца кавказской жизни Пушкин мало писал. И до письма ли тут было? Рожденный и воспитанный в равнинах, и очутившийся вдруг среди заоблачных гор, он был слишком поражен великолепием и новизною картины и только набирался впечатлений. [...] Кавказская поездка дала Пушкину богатый запас поэтических впечатлений. Питаясь чувствами немymi, наблюдательный и впечатлительный поэт принял на душу всю роскошь и разнообразие новых для него картин [9, 25, 28].

Конечно же, кавказские ландшафты с цепями гор вдаль, с возвышающимися над ними горными вершинами-«пятитысячниками», вызывали совершенно романтические ассоциации и будили художественную фантазию путешественников. Они то восхищались, то приходили в изумление, то преклонялись пред грозным величием гор³, то словно прорывались сознанием в другое измерение, совершая,

¹ См. также комм. 11.

² Ср. у Лермонтова в юношеской поэме «Аул Бастунджи»: «Я в край надзвездный пылаю душой / Летал на колеснице громовой!...» [79, 315].

³ А. Бестужев-Марлинский писал о виде на Эльбрус при подъезде к Кисловодску в повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (обратим внимание на то, как будоражащая воображение картина грозы в горах уступает место романтической иронии): «Кавказ, дотоле задернутый завесой туманов, открылся передо мною во всей дикой красоте, в грозном своем величии [...] Заря догорала. Одни за другими гасли вершины гор; только двуглавый Эльбрус сиял двумя звездами над океаном туч... наконец и он утону во мраке. Изредка перепадали крупные капли дождя; ветер вздувал по степи пыльные столбы, и телега моя неслась будто наперегонку

как и Глинка, «бросок в вечность». Летом 1823-го об этом от души высказался поэт С. Нечаев:

В великом возвышении [...] сокрыта причина неизменяемого пленительного их вида. Не так ли, думал я, изумляясь сей чудесной картине, не так ли и человек достигает торжественной твердости духа тогда только, когда возвысится над низкою сферою земных наслаждений? И не должно ли ему для того пробиваться прежде сквозь дремучий лес страстей и по колючим скалам бедствий? [117, 28].

Примерно о том же, только несколько напыщенно-сентиментально, но и с предельной искренностью Г. Гераков написал по впечатлениям с дороги на воды:

Первой раз видел во всей красе цепь Кавказских гор; [...] слезы умиления сердечного текут из очей просвещенного путешественника, и он углубляется в размышления о величии Творца, всё создавшего и всем управляющего; так бывает с людьми, еще с правого пути невозвратившимися! [...] Обращаясь к Эльборусу: когда все горы преклонили верхи свои, [...] точно человек, в изумлении от красот ее, тогда она, видимо с какою-то величавою, благосклонною, кроткою улыбкою, благодарит все и всех, за признание истинное к ее лепоте, и более от того, что она заставляет познавать Создателя и укротить буйность смертных пред Несозданным [35, 95-97].

с ними [...] Сверкнула молния и озарила передо мной новую станицу линейных казаков и дальше дома и домики для приезжих на воды [...] Кавказу полгоря носить ледяной шлем на гранитном своем черепе, — у него вся адская кухня греет внутренности, и, может статься, природа обложила голову его льдом нарочно для умерения внутренней горячки с землетрясениями; но если бы вздумалось повторить такой опыт надо мною даже и в припадке безумия, — я бы, конечно, отправился в Елисейские поля. Выкупаться в туманах, не только быть промочену дождем, — значит испортить весь курс лечения, а мне, право, не хочется начинать его в третий раз» [13, 255-256, 259]. Между прочим, в конце высказывания заметен налет «дендизма», не чуждого и Глинке. Известная нам романтическая радость от опасности, подстерегающей в этих горах, скрывается в наблюдениях С. Нечаева: «Падения снежных глыб случаются здесь весьма не редко [...] Жаль что горы, увеселяя зрение, заставляют вместе терпеть мучение Танталово. Желалось бы полюбоваться на них поближе, желалось бы сколько можно далее проникнуть в каменные их недра, но недреманная их стража не выпускает из рук оружия — и горе любопытному, дерзающему проникнуть в последний приют необузданной свободы!» [117, 26-27, 29]. Или в словах Пушкина в *Отрывках из путешествия Онегина*: «Вдали — кавказские громады: / К ним путь открыт. Пробилась брань / За их естественную грань, / Через их опасные преграды» [131, 200-201]. Эти экстремальные ощущения будили историко-мифологическую память — как, например, у И. Радожицкого, поведавшего о летних впечатлениях 1823 года: «Не на этом ли Эльборусе терзался прикованный Прометей, и черный орел Кавказский рвал его сердце? не в сих ли туманных ущельях злобная Медея производила свои губительные чары? — и не ее ли дети гнездятся ныне в пропастях, пьющие яд желчи и алчущие смерти?» [143, 363].

Да, над всем этим сонмом неприступных вершин возвышался Эльбрус — *Шат-гора*. По словам современника Глинки, эту «царицу гор», покрытую вечными льдами и снегом, соседние горные цепи созерцали «с каким-то восторгом благоговей» [35, 96]. А вот какой увидел заоблачную вершину Пушкин:

И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.
(А.С. Пушкин. *Кавказский пленник*)¹

И взор поэта вновь и вновь обращался к Музе:

Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа [...]
(А.С. Пушкин. *Кавказский пленник. Эпизод*)

Кажется, что уже в 20-е годы на Кавказе музы прочно поселились не только в грезах поэтов, но и в быту тамошних курортов. Привожу лишь одно ироничное наблюдение очевидца на Железных водах:

Я живу здесь с Музами: один из комнатных товарищей моих виртуоз на виолончели, другой писатель-переводчик, который рецитирует нам вечно из своего Нравственно-Физико-Медико-сентиментального творения, хотя мы его и вовсе не слушаем. — Бедный кажется болен своею книгою. — Я кое-что читал о литературных горячках, но ныне увидел и страждущего сею болезнию [123, 54].

Кавказские пейзажи словно звали запечатлеть их по горячим следам, в рисунке. И путники брались за карандаш! Недаром один из посетивших те края замечал, что «путешествующий поневоле делается живописцем» [19, 30-31]. «Сколько пищи для размышлений представляет тут Натуралисту, Географу, Исторiku, Философу! сколько картин скрывает в себе Кавказ для живописца! — зачем ехать в Италию, искать изящных красот Природы: здесь она соединяет все величественное с ужасным; здесь, взирая на нее юный Поэт преисполняется того восторга, которого нельзя почерпнуть ни в каких кабинетах, и с пламенным воображением тотчас пишет нам

¹ Ср. в стихотворении В.А. Жуковского «К Воейкову» (1814), которое Пушкин высоко ценил: «И в сонме их гигант седой, / Как туча, Эльборус двуглавый. / Ужасною и величавой / Там все блистает красотой» [62, 190].

— *Кавказского пленника!*», — взывал к художникам и поэтам И. Раджицкий в 1823 году [143, 363-364]. А в следующем, 1824-м, писал издателю «Отечественных записок»: «Приготовляйте свой портфель наполнять видами, которых снять всех неостанет Вам времени. У меня есть несколько начертаний; четыре вида я уже послал в литографию в Петербург» [144, 126].

Современники Глинка стремились уловить замечательную игру светотени и цвета¹, восхищаясь переливами солнечных лучей, падавших на вечные снега, облака и горные потоки, безупречностью бесконечной линии Кавказского хребта, необъятностью перспективы, фантастическими ассоциациями с архитектурными ансамблями:

Какой занавес и какая картина! От глаза до последней видимой горы, верст на сто, насажены поперек хребты, а в длину простираясь [...] до Каспийского моря, они представляются по законам перспективы на одной бесконечной и очаровательной линии. Над этою линией, в такой же перспективе, занавес облачный колеблется, поминутно развеивается и опускается [...] Эта линия гор, посеребренных снегами, инде чернеющих от проталин, гор слагающих в одну связь разные вышины, и разные величины различного образования, представляет необъятную цепь видов. Инде рисуются храмы и замки, инде висящие переходы между зданиями, тут тронувшиеся бельведеры, там падающие куполы, инде обширные следы землетрясения, инде горелые остатки пожарища, далее громады развалин, продолжающихся туда, туда... Туда, где усталый глаз не приметно сменится воображением, туда [...] простирается незнакомый ряд разрушенных фасадов, и весь по всей длине от солнечного зари пылает горящим серебром. [...] Не аллегорической ли вид Едема, опустошенного и потерянного на земле? [28, 257-258].

Интересно, рисовал ли Глинка на Кавказе? Ведь и навык, и какой-никакой опыт в этом деле, и склонность к нему заметны еще задолго до поездки, что ясно следует из «Записок»²! Однако никакими свидетельствами о кавказских этюдах Глинка мы, к сожалению,

¹ Литература на Кавказе проникалась духом живописи. Бестужев-Марлинский в уже упомянутой повести замечал: «Розовый, неизъяснимо прелестный румянец таял на голубоватых и словно прозрачных льдах горного гребня, и мимолетные пары, расцвеченные всеми оттенками радуги, оживляя их игрою теней, придавали еще более очаровательности картине» [13, 255-256].

² Еще в детстве Глинка получал уроки рисования, тогда же родилась и «страсть к [...] рисованию, в котором [...] начал приметно успевать» [42, 212, 213]. По этому поводу И. Тимченко-Быхун приводит его высказывание, появляющееся уже на первой странице «Записок»: «Одним из любимых моих занятий было ползать по полу, рисуя мелом деревья и церкви» [42, 211; 167]. В Благородном пансионе картина стала более противоречивой: «В рисовании я безусловно дошел

не располагаем. Правда, и начисто отрицать подобную возможность не рискуем. Вообще же кавказские впечатления стали для Глинки отменным стимулом к творчеству. А о том, что Кавказ обладал чудесным даром будить творческую энергию, прекрасно знал Пушкин:

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас¹.

И Глинку, юного странника, судьба привела прямо к подножью Кавказских гор, этого нового Парнаса. Сам же Кавказ слыл в пору его путешествия территорией свободы. Сколько новых возможностей, не всегда видных из далекого Петербурга, давала эта горная страна для человеческого развития, для полета творческой мысли, неподвластной традиционным и рутинным ограничениям! А ведь стремиться именно к этому Глинка будет на протяжении всей жизни, до самых последних дней. Сразу же замечу, что свобода в тех далеких краях представляла в двух обликах: во-первых, в повседневном-бытовом, во-вторых — в общественно-политическом.

Восприимчивого путника, приезжающего на Кавказские воды, ожидал прыжок сознания в запредельное, витающее где-то над горными вершинами освобождение от гнетущей привычной повседневности. Биограф Пушкина М. Гершензон когда-то заметил по поводу душевного состояния поэта на Кавказе: «[...] он чувствовал себя на свободе, и был интимно уверен, что *сам* бежал от "стеснительных условий и оков" [...]»; именно здесь Пушкин впервые познакомился с творчеством великого свобододолюбца

бы до степени совершенства, но академики Бессонов и Суханов замучили меня огромными головами и, требуя рабского подражания [...], довели до того, что я просто отказался от их уроков», — вспоминал Михаил Иванович [42, 221]. Но Кавказ-то как раз и располагал к свободному творчеству! Возможно, именно там давняя страсть воскресла. Тем более, что в дальнейшем Глинка предавался этому занятию с увлечением на протяжении почти всей жизни. Достаточно взглянуть на дошедшие до нас его рисунки. — См.: [47, 184-185]. Не случайно исследовательница творческой биографии Глинки замечает, что упоминания о занятиях рисованием (пейзажей, но — «деревьев в особенности») пронизывают весь текст мемуаров, показывая, что «образы природы существуют в автобиографии на правах одной из значимых лейттем жизнеописания» [167]. См. также комм. 14.

¹ Параллель «*Бештау — Парнас, жилище муз, источник вдохновения*» была в свое время специально отмечена в статье В. Шкерина [190].

Байрона, и отсюда ведет истоки «байронический» период его творчества [36, 20-21, 25]¹. Точно так же и в сознании юного Глинки сложилось «поэтическое представление о Кавказе как о приюте свободолюбия» [77, 89-90].

Что касается повседневной жизни Кавказских минеральных вод, то она отличалась исключительным для тогдашней России демократизмом нравов и ломала признанные поведенческие стереотипы; была пронизана духом маскарада, карнавала, уравнивая в какой-то степени все сословия (см. также комм. 5, 6, 7, 10, 11). Т. Китанина определила характерные черты «водного» текста — литературного явления, ставшего общеевропейским во второй половине XVIII — XIX в.², а в России вызвавшего к жизни лермонтовский шедевр — повесть «Княжна Мери» из «Героя нашего времени». И распространила свои соображения о судьбе этого жанра на Кавказ пушкинской поры: «На водах происходит смешение людей, принадлежащих к разным слоям общества и не имеющих шанса встретиться в другой ситуации. Болезни, общие очереди в ванны, к источникам, обязательный моцион между выпитыми стаканами воды вынуждают людей общаться с теми, кто случайно оказывается рядом или страдает той же болезнью. Изображение этого экзотического перемешанного общества стало обязательной частью любого "водного" повествования» [69, 243]. Далее исследовательница привела выдержку из романа шотландца Т. Смоллетта, которая вполне может быть применена и к повседневности кавказских вод: «Здесь мы найдем министров, судей, генералов, епископов, прожектеров, философов, остроумцев, поэтов, актеров, аптекарей, уличных музыкантов, балаганных шутов [...] здесь в публичных

¹ Гершензон также писал, что «в стихах Пушкина задолго до ссылки, едва ли не с 1817 года, временами сказывается неудовлетворенность рассеянной петербургской жизнью», что «он [...] давно уже рвался вон из этой обстановки», что «весь последний год перед ссылкой Пушкин уже сознательно стремится вон из Петербурга», что «в марте 1819-го года он собирался вступить в военную службу и уехать на Кавказ» [36, 7]. Здесь обнаруживаем явную параллель с поведением Глинки (бегство из Петербурга) и в 1838 году (поездка на Украину), и в 1845-47 гг. (путешествие в Испанию), и во множестве других эпизодов биографии. — См. подробно: [175; 176; 177]. А почему бы не предположить, что симптому этой «болезни» появились намного раньше — после окончания Благородного пансиона, непосредственно перед поездкой на воды?

² Т. Китанина называет несколько самых знаменитых романов в этом роде — в частности, «Путешествие Хамфри Клинкера» Т. Смоллетта (1771), «Пелэм, или Приключения джентльмена» Э. Булвера-Литтона (1828) и «Сент-Ронанские воды» Вальтера Скотта (1824) [69, 242-243].

залах смешиваются представители всех сословий без различия положения и состояния»¹. Чтобы убедиться в тотальной распространенности этого грандиозного смешения сословий и состояний на водах, а также в благотворности его влияния на тамошние нравы, достаточно привести лишь одно из многих кавказских наблюдений 20-х годов XIX века:

Я заметил, что все посетители вод получают здесь общее свойство любезности: они, как будто из реки Леты, пьют из здешних источников забвение житейской суетности [...] Всего приятнее видеть простоту, заменяющую тягостные этикетки; здесь первейшие в Государстве люди слагают с себя внешние знаки почестей и украшаясь одними внутренними достоинствами, изгоняют скучную принужденность и одушевляют общество [115, 42]².

Нет сомнений, что такое устройство русского повседневного быта на Кавказе существенно расширило тамошний круг общения Глинки (см. комм. 7).

Потрясающая пестрота быта, царившая на Горячих водах, поражала очевидца еще в 1815 году: «Ежели лагерь здешний не бросается в глаза великолепием, зато в нем есть нечто весьма оригинальное. Тут видишь и порядочные дома, и нарядные наметы, и закоптелые будки, и шалаши, и подземные норы; тут находишь — кроме Русских, — Немцов, Грузин, Французов и полуфранцузов, Калмыков, Греков и проч. Это разнообразие предметов и лиц есть зрелище не совсем обыкновенное!» [26, 64-65]. «Интернационал», составлявшийся из посетителей ванн продолжал тревожить воображение и в следующем десятилетии,

¹ Смолетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера / Пер. с англ. А. Кривцовой. М., 1983. С. 73. — Приведено по: [69, 243].

² Для полноты картины все же отмечу еще два свидетельства, на этот раз из очерка И. Раджицкого «Прогулка к Кавказским минеральным водам» (Отечественные записки. 1824. Ч. 17, № 45). К первому из них, живописующему общение в ванном помещении, обратилась Т. Китанина: «[...] В общей зале знакомятся и в приятных беседах проводят время нечувствительно. Чинов здесь не наблюдают, и все делаются равными — в человеческой немощи. Это собрание разного звания людей в теплых одеждах среди лета, при различной пестроте и покрое, представляет довольно забавный маскарад» [69, 243-244]. Второе воспроизвели последовательно Е. Канн-Новикова и В. Хачиков (речь идет о Кислых водах): «Я застал здесь многочисленное, прекрасное и довольно нарядное общество водопьющих обоего пола, толпившихся около источника здравия... Дамы под зонтиками или в шляпках, под салопами и в капотах, мужчины в сюртуках и с тросточками. Тут чинов не наблюдают; то же почти равенство, как и при серных ваннах в Мечуке (в Пятигорске. — С.Т.); но всякий, выходя из немощи человеческой, принимает опять свой вид здоровья и с тем вместе прежнее значение» [67, 115-116; 184].

побуждая делать радужные прогнозы: «В предбанниках Финляндец лежит возле Грузина, Сибиряк возле Поляка. — Было даже несколько иностранцев; со временем, когда воды лучше устроятся и приобретут большую известность, их будет и более приезжать» [123, 42]¹. Весь этот маскарад в истинно гоголевских тонах еще в 1815 (!) году описал посетитель вод, скрывшийся под псевдонимом *Чрив* (заметим, что самому Гоголю к этому времени едва исполнилось 6 лет):

Осторожность от простуды наряжает нас пользующихся в самые странные костюмы. Если вы любопытны, я уважу вам; вот например, фигуру в косматой бурке, с торчащим на голове башлыком: эта фигура, опираясь на клюку, в 10 минут едва делает 30 шагов. Вот другая, тихо везомая на дровнях, закутанная в бесчисленное множество платков, простынь, полотенец. Вот третья уныло тащится на кляче, в огромном капишоне, в чепце, колпаке, с пластырем на глазу, или на носу. Вот и четвертая, вот и еще многие, коих не могу хорошо разглядеть, и коих карикатурные виды навели бы вам грусть. Но согласитесь, где дело идет о здоровье, там щегольство не у места, и многие непослушные сей истине заплатили за то дорого [26, 65-66].²

Конечно же, карнавал кавказского водного быта давал богатую почву для многочисленных любовных историй и романов, которыми полнится и русская литература той поры — достаточно напомнить хотя бы о «Княжне Мери»! Но и не только — ведь, к примеру, замысел, наброски и планы так и не написанного пушкинского «Романа на кавказских водах» (1831) впустили в себя сразу несколько линий любовных увлечений и, по мысли изучившей эти эскизы Т. Китаниной, вполне отражали тенденцию «водных» нравов и «водных» текстов: «[...] Здесь легче, чем где бы то ни было возникают романы, чему способствуют рекомендуемые врачами пешие или конные прогулки по окрестностям. При такой легкости знакомств и в силу смешанности общества у предприимчивого человека появляется редкая возможность найти выгодную партию» [69, 244].

¹ В «Списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году», обнародованном П. Свиным в «Отечественных записках», значатся, к примеру, Саксонский подданный *Киш Иван Иванович*, Неаполитанский подданный *Биелли Антон Луи* — Вице-Консул, и Французский подданный *Фай Иван Карлович* [158, 258, 267, 277].

² Должная доля иронии в отношении водного быта продолжала сохраняться и во время пребывания в этих местах Гинки. Очевидец замечал не без ехидства: «На водах вообще много оригиналов. Кажется, что одни только достаточные люди, ведущие бездейственную жизнь, составляют сей забавный разряд. Как они страдают нравственными недугами, то врачи обыкновенно посылают их на воды. Здесь наблюдателю нравов предстоит изобильная жатва» [123, 85]. Какой подарок для Гинки, только набравшегося жизненного опыта для дальнейших сражений!

И вообще, сказано же было когда-то о кавказских курортах, что тут «всякий готов записаться в рыцари» [26, 66]! А пример местных горцев только вдохновлял на подвиги, потому что, по мнению одного из посетителей вод, «в любви они столь же нежны, страстны и ревнывы, как Рыцари Готических веков» [123, 94].

Воспользовался ли всей этой роскошью возможностей молодой Глинка? История о том умалчивает, да и сам Михаил Иванович ничего подобного не вспомнил в «Записках», а письма данного периода до нас, как известно, не дошли. Хотя он обычно вполне откровенно рассказывал о своих любовных увлечениях — и в Петербурге, и на Украине, и в Италии, Германии, Испании и в Польше. Однако все же напомним, что, по авторитетному мнению А.Н. Римского-Корсакова, «женский элемент играет роль необходимого дополнения в повседневном быту Глинки, в особенности, когда он с головой окунается в жизнь и быт окружающих его милых его сердцу народностей» [150, 124]. В этой связи в нашей трактовке событий возникают две версии. Возможно, Глинка по каким-то причинам не поведал нам о некоем имевшем место «курортном романе». Напомню, что соблазнов было множество, и Раджицкий, разгневанный в потоке едущих на воды «среди пожилых дам» прекрасных девушек [145, 387], был в своей наблюдательности далеко не одинок (см. комм. 6). Либо никакого «водного романа» у Глинки действительно не случилось. По этому поводу обратим внимание на замечание М. Гершензона о том, что Пушкин на Кавказе «лелеял какую-то давнюю, неразделенную любовь» [36, 20-21]¹. Быть может, и с Глинкой происходило нечто подобное? Тем более, что за год до поездки, весной 1822-го, в Петербурге, постигло его любовное увлечение — наверно, первое в жизни? Тогда он «познакомился с молодой барыней красивой наружности», хорошо игравшей на арфе и владевшей «прелестным сопрано», чьи «прекрасные качества и ласковое [...] обращение расшевелили [...] сердце и воодушевили [...] воображение» [42, 220-221]. Тревожил ли Глинку этот роман спустя год, на Водах? А почему бы и нет! Особенно если учесть, во-первых, слишком сбивчивые, даже нервные зачеркивания в рукописи, не особенно характерные для «Записок», сделанные уже спустя 30 с лишним лет: «Первоначально сидела под... подле фортепиано от времени, когда я играл с дядею, играли, она...» [42, 221]. А во-вторых — принимая во внимание известную и уже многократно описанную

¹Предполагалось, что это была княгиня Мария Аркадьевна Голицына (урожденная Суворова-Рымникская) [36, 15].

нами в «Странствиях Глинки» предрасположенность Михаила Ивановича к дамам, имеющим склонность и способности к музыке, поиск «скрытых в женской душе артистических струн» [150, 125]¹. Между прочим, не эта ли склонность к артистическим женским натурам, в итоге и затруднила возможный поиск предмета влюбленности на Кавказских водах? Им просто негде было как-то себя раскрыть в музыке — ведь фортепиано там отсутствовало, да и вообще только-только зарождалось какое-то подобие музыкальной жизни (см. комм. 6, 14, 16).

Но бывало и так, что дамы на Кавказских водах являлись совсем в иных обличьях. О том, как ощущение свободы в устройстве быта и общения вызывало безусловное движение к более широкому и в какой-то мере демократичному взгляду на действительность, становившемуся даже привычным для этих мест, свидетельствует случай, описанный декабристом А.Е. Розеном (он был разжалован в солдаты, затем ранен на Кавказской войне, а перед отставкой, в конце 30-х годов, находился на излечении в Пятигорске и получил возможность жить там с семьей):

[...] При встрече с офицерами я должен был каждый раз останавливаться, иначе не мог снять фуражки, как опираясь на двух костылях; иногда выходил с детьми, чтобы они могли слышать музыку; тогда садились над гротом под белою акацией, а навстречу идущие офицеры стали сворачивать в другую сторону или обращались назад, чтобы не заставить меня останавливаться. Была встреча и забавная: пред обедом, когда было мало гуляющих, пошел я с детьми по бульвару [...]; дети резвились, шутили, бегали; по другой стороне широкой аллеи шли две дамы, прехорошенькие и разряженные; одна из них обратилась ко мне лицом и спросила: «Служивый! Служивый! Чьи это дети?» — «Мои, сударыня». — «Не может быть!» — сказала она. Другая дама, шедшая с нею, дернула ее за мантилью и шепнула ей на ухо; я невольно засмеялся, поклонился и благодарил за откровенность. Она приняла меня в солдатской шинели за дядьку-инвалида. Она была жена военного [...] [152, 371-372].

Несомненно, ситуации, подобные той, которая в деталях была описана Розеном, воспроизводились в разных вариантах многократно и были вовсе не случайны для Кавказа 20 — 30-х годов.

¹ Глинка вспоминал об уже упомянутой петербургской знакомой, что «голос ее не походил ни на какой инструмент; это был настоящий звонкий серебряный сопрано, и она пела естественно и чрезвычайно мило», что «она любила музыку и часто целые часы, сидя подле фортепиано, когда [...] играл с дядею, подпевала [...] в любимых ею местах своим звонко-серебряным голосом», и в результате посвятил ей один из первых опусов — «вариации на любимую ею тему (C-dur) из оперы Вейгля "Швейцарское семейство"» [42, 220-221].

Действительно, какой-то дух вольности витал над горными вершинами! Здесь, у подножья Эльбруса, юный Глинка словно попал в «анклав вольнодумства» (при всех различиях, возможно, в чем-то напомнивший ему Благородный пансион¹). Здесь, под покровительством генерала Ермолова, зарождались, множились и готовились к реальному воплощению декабристские идеи² (см. подробно в комм. 7). И не станем забывать, что до Сенатской площади в ту пору оставалось всего-то два с лишним года. Наконец, шла Кавказская война, всю бушевавшая и в пору путешествия Глинки (лишь иногда прерываясь локальными «замирениями»)³. Война была долгой, продолжалась почти полвека — с 1817 по 1864 г., и не случайно Лев Толстой в рассказе «Кавказский пленник» в 1872 году в который уж раз напоминал: «На Кавказе тогда война была!» Те, кто приезжал в эти места со всех сторон Российской империи — либо будучи в действующей армии, либо исцеляясь на курортах минеральных вод, — не могли не присматриваться к тому, как воюют за свободу в собственном их понимании горские народы. Горы — «свободы вечные твердыни»⁴ — постоянно напоминали о затаившемся в них гордом духе вольности: «Скалы́ свободы их приют»⁵. И не одеть оковы на суровый Бешту, и «вольность для героя милей отчизны и покоя»⁶. Это сладкое слово — свобода — заполнило страницы сочинений Пушкина, Лермонтова, Шевченко⁷ и множества других поэтов, слагавших стихи о Кавказе. Лишь одна строфа, дописанная Пушкиным в черновую рукопись стихотворения «Кавказ» (1829), словно концентрирует в себе смыслы и контексты, вложенные в творения тех, кто искал свободу в той далекой стране:

¹ О вольнолюбивых взглядах, процветавших в этом учебном заведении, см., например, в книге Е. Канн-Новиковой [67, 46-54].

² О члене тайных обществ поэте С. Нечаеве, посетившем воды одновременно с Глинкой, я уже упоминал. Но это в жизни, а вот в литературе. В пушкинских набросках «Романа на Кавказских водах» появляется некая героиня-авантюристка — Кубович. В примечаниях из академического собрания сочинений прототипом этого персонажа называют гвардейского офицера А.И. Якубовича, члена «Зеленой лампы», «высланного из Петербурга на Кавказ в 1818 г., необыкновенного храбреца и любителя приключений»; впоследствии он стал декабристом, участвовал в восстании и был сослан в Сибирь [139, 506]. См. также комм. 13.

³ См. II и комм. 8, 13. О ходе войны на Кавказе в это время см. подробно в фундаментальной ее летописи, написанной генералом В.А. Потто [128].

⁴ М. Лермонтов, «Каллы» [83, 313].

⁵ В. Жуковский, «К Воейкову» [62, 191].

⁶ М. Лермонтов, «Измаил-бей» [81, 340].

⁷ В поэме «Кавказ» доминирует украинский синоним — «воля».

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

О том, что подобные мысли успешно культивировались и поэтами «второго ряда», свидетельствуют слова из стихотворной повести И. Раджицкого «Али-Кара-Мирза» (1832): «Черкес свободой заражен — / Без ней душою умирает!». Замечу, что автор возглашал устами главного героя прямо-таки революционные лозунги (простим ему некоторую нескладность поэтического слога): «Товарищи, за честь и за свободу! / Спасение кавказскому народу!» [142, 30, 22]. Но оборотной стороной этой вольницы выступала война, с обязательными черкесскими набегами. Поэтому нередко даже в пределах одного сочинения Свобода шествует рука об руку с Разбоем. И действительно, как часто путников подстерегал вооруженный черкес; он *«грозно в тишине глубокой своей добычи ожидал»*¹. И потому *«ни проезда, ни прохода нет урусам по дороге»*² — все время состояние тревоги:

Лишь только слышно: «Кто идет»,
Лишь громко «слушай» раздается [...]
(М.Ю. Лермонтов. Черкесы)

В общем, С. Нечаев верно заметил тенденцию: «Разбой составляет главное упражнение горских народов, мщение — главную страсть» [117, 29]. Отсюда и ощущение опасности, свойственное посетителям вод, — то обострявшееся, то на время притуплявшееся. Одному из них, например, очень запомнились слова и оборонительные распоряжения офицера, командующего гарнизоном на Железных водах, которые навели «такой страх, что [...] во всю ночь не спали» [123, 58]. В этом проявилась специфическая особенность кавказских водных курортов, на которую обратила внимание Т. Китанина в связи с пушкинским замыслом «Романа на Кавказских водах», а также повестью А. Бестужева-Марлинского «Вечер на Кавказских водах»: «Фешенебельное водное общество находилось в непосредственной близости от воинственных и до конца не покоренных кавказцев. Это соседство и потенциальная опасность, в той или иной степени угрожающая путешественникам, приезжающим на воды, обязательно отмечались всеми, писавшими

¹ А. Пушкин, «Кавказский пленник» (ранняя ред.) [134, 494].

² И. Раджицкий, «Али-Кара-Мирза» [142, 12].

о кавказских водах» [69, 246-247]¹. Особого внимания заслуживает тревожное замечание В. Броневского: «Скорый переход из дома, где я избалован был покоем [...]; грозящая опасность от разбоев Черкесов, а паче неизвестность: помиует ли меня Бог, избавит ли от болезни? как тяжелый камень легли мне на сердце» [19, 8]. Не испытывал ли молодой Глинка, отправляясь на Кавказ, те же чувства, что и боевой генерал, прошедший множество сражений — ведь кругом шла война, и в чинах она не разбиралась?²

Но вот одна знаменательная деталь, подмеченная тем же Броневским:

Я люблю (не скажу, уважаю) Черкесов, сих полуворов-героев, ибо со многими пороками они еще храбрее и Турок [...]; люблю их и за то, что они, промышляя воровством, не либеральничают и подобно революционерным рыцарям не ищут власти, не философствуют, не принуждают других жить или думать так, как они живут и думают. Словом, Черкесы, не принадлежа к числу мыслителей с высшими взглядами, не рассуждают и не заблуждаются на счет своего политического существования [19, 81-82].

Уже из этого высказывания про «полуворов-героев» можем понять, что отношение к черкесам/кабардинцам у русских, размышлявших о судьбе этого края, тогда было двойственное. Восхищение свободолубием горских народов Кавказа шло в обнимку с признанием цивилизаторской миссии Империи (впрочем, явлением вполне общеевропейским — достаточно вспомнить об англичанах, французах или испанцах). С одной

¹Т. Китанина приводит очень характерный пример из повести Бестужева. Выходя из ресторации вместе с участниками вечерней беседы, один из персонажей «поспешил последовать общему движению и забился в середину толпы, чтобы, в случае нападения горцев, быть в безопасности, по крайней мере, от выстрелов [...]»; по дороге он успел рассказать «тьму ужасов» [13, 308; 69, 247]. Впрочем, И. Раджицкий с должной иронией высказывался о подобных панических настроениях, когда за каждым кустом проезжающему мерещился вооруженный до зубов черкес. Интересно, что эти наблюдения чудесным образом перекликаются с опытом, полученным Глинкой на небезопасных дорогах Испании двадцать с лишним лет спустя: саркастические высказывания П. Мерие, А. Дюма и В. Боткина по поводу излишних опасений путешественников приведены нами в третьей книге «Странствий Глинки». — См.: [175, 81-83].

²В том, что эти опасения все же не были напрасны — и, как это ни удивительно, особенно для генерала (!) — убеждает наблюдение, сделанное Пушкиным в 1820 г.: «Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан [...] Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению» [133, 18].

стороны, горцев воспринимали, как дикарей, которых надобно цивилизовать для их же и всеобщего блага¹. И действительно, Пушкин писал в 20-е годы, что «древняя дерзость» черкесов исчезает, и «дороги становятся час от часу безопаснее» [133, 17]. Нечего и говорить о том, как замечательно, по мысли поэта, «влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением» [136, 648]! В том же духе, страстно желая совершить «подвиг великодушный [...] просветить их, приучить к труду, успокоить и, исхитив из дикого состояния, сделать людьми»², высказывались и другие современники Пушкина и Глинки — к примеру, И. Раджицкий и А. Розен [143, 343-344, 375; 152, 389-390]. Правда, некоторые из них, как и водится, предпочитали простые и жестокие средства умиротворения: «Ныне набегов мало от нагорных жителей; [...] поставлены солдаты с пушками», — с удовлетворением замечал Г. Гераков [35, 101].

Но с «цивилизаторским» подходом вполне уживались и совершенно противоположные идеи, подробно изложенные мною выше: к черкесам относились как к носителям некоего духа вольности, которым страсть как хочется напиться, а можно бы и подражать в поведении, непосредственно наблюдая, общаясь, а затем фиксируя эти новые ощущения в своих суждениях — в устном слове или на бумаге. Но вот только возникает вопрос: не являлось ли это «раздвоение» восприятия производным от фатальной и трагической диалектики бурного исторического процесса, происходившего на Кавказе? Может быть, не находя пути разрешения этой дилеммы, ссыльный декабрист А. Розен и констатировал с печалью: «Мы давно уже владеем равнинами по сию сторону Кавказа [...], а все еще Кавказ не наш; ни путешественник, ни купец, ни промышленник не посмеют ехать за линию без воинского прикрытия, без опасения за жизнь свою и за имущество». Но расставаясь с этой чудесной страной, все же написал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей!» [152, 388-390]. А Пушкин, вовсе отбросив какую-либо социальную прагматику, в 1829 году прощался с Кавказом так:

¹ Об этом см. в статье Т. Китаниной [69, 231-238], которая, в частности, пишет: «Со второго десятилетия XIX в. в России начинает активно формироваться образ собственного “дикаря”. Этим дикарем становится кавказский горец» [69, 235].

² В. Броневский [19, 82].

Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..
(А.С. Пушкин. *Монастырь на Казбеке*)

Может быть, нечто подобное чувствовал и Глинка? Вообще же очень знаменательны в отношении к кавказскому пути композитора и его целям слова из повести А.А. Бестужева-Марлинского:

Я не мог наглядеться, не мог налюбоваться Кавказом; я душой понял тогда, что горы есть поэзия природы. Чувства мои стали чище, думы яснее. Я мог словами поэта сказать тогда:

Там горести, там страсти яд немеет,
Там юностью невянущею веет,
Забвение, целительной рукой,
На сердце льет уладу и покой;
Душа слита с возвышенной природой,
И дышит грудь бессмертною свободой! [13, 255-256]¹

Два слова здесь для нас — ключевые: *покой* и *свобода*. Потому что ведут прямо к пророческим строкам Пушкина, когда-то уже приводившимся нами в «Странствиях Глинки». Поэт написал их в восемнадцать лет — в пору, когда был почти ровесником Глинки времен кавказского путешествия:

Заботы знатному народу,
Дурачество для всех, — а нам
Уединенье и свободу!
(А.С. Пушкин. *Послание В.А. Пушкину*)²

Нет сомнений в том, что на Кавказе Глинка если и не обрел в полной мере, то хотя бы почувствовал вкус *уединенья и свободы*, забыть его не смог и затем всю свою жизнь стремился повторить эти славные ощущения...

¹ Источник данной поэтической цитаты не установлен. — См.: [14].

² Тут же вспоминаются и не менее знаменитые пушкинские строки: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» (1834).

Глава II

Маршрут: Новоспасское — Горячие воды (Пятигорск)

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол...
А.С. Пушкин. Обвал

Обыкновенно жизнь числят по оседлым местопребываниям. Но стоит покатиться по дикому полю, и счет начинается другой: оседлости кажутся промежутками, не более. Опытные путешественники советуют не брать с собою в такое путешествие более одной мысли, и то самой второстепенной. Чтение во время привалов советуется самое растительное: так, например, хорошо перелистывать почтовый дорожник и рассматривать бесцветную дорожную карту.

Ю.Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара

Из «Записок» известно, что Глинка отправился в далекий путь на Кавказ из Новоспасского в последних числах апреля, в собственной коляске, которой снабдил его отец (см. комм. 1). Он и его спутники путешествовали, конечно же, на почтовых лошадях. Хотя, как замечал профессор А. Нелюбин, совершивший поездку на Кавказские минеральные воды синхронно с Глинкой, в 1823 году, «многие особы из смежных с Кавказскою областью губерний [...] часто предпринимают путешествие к водам на собственных лошадях и с многочисленною свитою». И перечислил выгоды такого вояжа «для больных, расслабленных и для тех, коим тряская и скорая езда может вредить», в частности, указывая и на возможность сделать «значительные сбережения, продовольствуя лошадей во всю дорогу и на самом месте подножным кормом и покупая только овес за самую сходную цену»¹. Однако для тех, кто ехал на Кавказ с расстояния 800 — 1000 верст и более (а к ним, безусловно, принадлежал и Глинка), такой способ передвижения был недоступен, и им оставалось воспользоваться почтовыми, причем стоимость поездки вовсе не была запредельной по тем временам — к примеру, А. Нелюбину поездка на воды и обратно на 8-ми лошадях обошлась в 2300 руб.²

¹ Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб : 1825. — Приведено по: [114].

² Там же.

Что же касается коляски, то такого рода экипажи были достаточно комфортны для длительных поездок и, по крайней мере, не вызывали у Глинки никаких отрицательных эмоций. В качестве примеров можем назвать путешествие из Петербурга на Украину в 1838 г. или наредкость быструю поездку из Орлеана до самой французской границы по пути в Испанию (1845) [175, 105-106; 176, 48-52]. Тот же Нелюбин в «Наставлении больным», путешествовавшим на Кавказские Минеральные воды, сообщал, что людям ослабленным можно «ехать удобно в дорожных колясках, прикрытых спереди зонтиком и задерживаемых с боков особыми полами»¹. Надо полагать, что путешествие на Кавказ в коляске было тогда делом привычным. Так, А.С. Пушкин в лихорадочном состоянии именно в таком экипаже под присмотром Н.Н. Раевского двинулся в путь из Екатеринослава в начале июня 1820 г., причем особого дискомфорта не почувствовал: «Я лег в коляску больной; через неделю вылечился» [133, 17]. И все же в пути генерал был обеспокоен лихорадкой, изводившей Пушкина, и в конце концов забрал его в свою карету [9, 20]. Как видим, у Раевских нашелся ресурс и получше коляски: кроме нее, семейство и сопровождающие (а с ними и Пушкин) путешествовало на воды еще и в двух каретах. Кстати, Нелюбин именно дорожную карету считал лучшим транспортным средством для «изнуренных продолжительною болезнью»: здесь «во время пути можно было бы в степи проводить ночи»². И уж вовсе гротескную картину осмотра роскошного экипажа двумя богатыми московскими барынями по поводу предстоящей поездки на Кавказ нарисовал Пушкин в наброске «Романа на Кавказских водах»:

— Вчера привезли мне новую дорожную карету; что за карета! игрушка, заглядение — вся в ящиках, и чего тут нет: постеля, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервис; хочешь ли посмотреть? [...] Кучера выдвинули из сарая дорожную карету. Катерина Петровна велела открыть дверцы, вошла в карету, перерыла в ней все подушки, выдвинула все ящики, показала все ее тайны, все удобства, приподняла все ставни, все зеркала, выворотила все сумки [...] [137, 591].

¹ Там же. Нелюбин давал подробнейшие наставления по поводу того, как собраться в нелегкий путь на Кавказ: замечал, что «дорожное платье должно быть простое и покойное», что «мужчины могут иметь сюртуки, фраки, шинель на вате, фуражку и на всякий случай вязанные шерстяные сапоги для ночи»; предостерегал брать «пуховики и огромные подушки», которые «весьма громоздки и много занимают места в экипаже», и призывал сменить их на «легонышки матрацы и сафьянные подушки»; не забывал и о гастрономии («отъезжающим надлежит запастись потребным количеством шоколада без ванили, также кофеем, чаем, сахаром и мадерою»).

² Там же.

Правда, бывало, что и самому Пушкину доводилось насладиться подобным комфортом — конечно, по-своему. Такая удача улыбнулась ему во время путешествия в Тифлис (1829 г.; далее путь лежал в Арзрум):

Я благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел графа Вл. Пушкина¹ [...]. Я сердечно ему обрадовался, и мы поехали вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вины и съестные припасы, в южной — книги, мундиры, шляпы и etc. и etc. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше [136, 738].

По-видимому, у писателей свои предпочтения — во всяком случае, в подобной вооруженной крепости на колесах доводилось в свое время путешествовать по Испании Александру Дюма². Правда, далеко не всегда и не все путешествовали с подобными удобствами, и иногда даже коляска могла показаться верхом комфорта. Так, А. Нелюбин считал, что «люди одинокие, не имеющие изнурительных болезней, часто предпринимают путешествие в почтовых повозках (на перекладных)»³. А вот как в 1820 г. добирался из Тифлиса на Кавказские воды литератор Г.В. Гераков — ему пришлось проехать 40 верст в *кибитке*:

Оставя коляску в Георгиевске, для некоторых поправок, принуждены были ехать в двух кибитках; это для меня не по сердцу было впервые, но — нужда к чему не приучит! [...] Я все сидел на облучку, и не так-то дурно, когда кибитка туго набита сеном [35, 94-95].

Декабрист А.Е. Розен, в то время — отставной солдат, в 1839 г. возвращался с семейством домой из Пятигорска в эпически-задумчивом *тарантасе*:

Отставному рядовому трудно было ехать на почтовых в нескольких экипажах, и вообще остановки на станциях с семейством вдвое тягостнее и неприятнее. Поэтому решили ехать на собственных лошадях, на долгих. Каждый день объезжали коней, и почти каждый раз били они,

¹ Имеется в виду В.А. Мусин-Пушкин.

² См.: [175].

³ См.: Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб : 1825. — Приведено по: [114].

но все благополучно, благодаря крепкому устройству сибирского тарантаса; раз свалили старый забор на площади, другой раз палисадник, а о столбиках и говорить нечего. [...] Мы ехали от 50 до 60 верст в сутки, выбирали по возможности лучшее место для ночлега [152, 387].

Какое время Глинка и его попутчики провели в пути на Кавказ, установить очень трудно. Ведь до сих пор мы не знали даже приблизительной даты их прибытия на воды. Решение проблемы затрудняется тем, что какие-либо документы, фиксировавшие хронологию и географию маршрута, по-видимому, не сохранились — в отличие, скажем, от поездки на Украину в 1838 г.¹ Соответственно, сведения об этом отсутствуют и в научной литературе. Мало того: в «Записках» за весь период поездки на Кавказ Глинка указывает лишь две приблизительные даты и еще одну точную (выезд из Новоспасского и возвращение туда же, а также прибытие в Харьков). Как мы уже знаем, не сохранились и его письма того времени. Возможно, поэтому биографы вообще избегали каких-либо датировок относительно этого путешествия. А. Орлова в «Летописи» ограничилась лишь констатацией: «Лето. Жизнь и лечение в Пятигорске» [86, 36]. О. Левашева считала, что Глинка прибыл на Минеральные воды «в разгаре лета» [77, 89], и была не совсем точна, в чем мы убедимся в ходе дальнейших рассуждений.

Поэтому нам не остается ничего иного, как обратиться к изданию 1829 года, названному «*Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей*» [129], и, отталкиваясь от подробных транспортно-географических сведений, содержащихся в нем, от единичных уже известных нам дат (см. выше), а также от целого ряда косвенных данных, предложить приемлемый хронограф путешествия из Новоспасского на Кавказ.

Итак, от уездного города Ельни (а это совсем неподалеку от «родового гнезда» Глинок) до Горячеводска, или же до Константиногорска (так в те времена называлось поселение, за которым лишь в 1830 г. закрепилось имя Пятигорск), предстоял путь протяженностью 1835 верст². Из Новоспасского до Харькова добирались довольно долго, явно не спеша, так как прибыли в этот

¹ См.: [176, 53].

² Здесь и далее расстояния указаны по таблицам «Почтового дорожника...». Если Глинка поехал из Новоспасского к главной дороге не через Смоленск, а «срезая», проселками, то это расстояние могло сократиться на несколько десятков верст.

большой губернский город только к 10 мая — дата указана в «Записках» Глинки [42, 223]. Таким образом, расстояние в 746 верст покрыли дней за 10 — 12, то есть двигались примерно по 70 верст в сутки. Некоторое время (не установленное точно) Глинка гостил в Харькове, дожидаясь своих попутчиков. Понятно, что этот период не мог быть слишком долгим, но из слов Глинки ясно и то, что остановка все же была не на пару дней. Учитывая насыщенное общение с И.М. Витковским и его семейством, а также совместное музицирование, можно допустить, что Глинка задержался в Харькове на несколько дней, но и едва ли более, чем на неделю — декаду. Следовательно, он мог покинуть Харьков и двинуться дальше на юг вряд ли ранее 13 — 15 мая и позднее 20-го. Сколько же дней он находился в дороге отсюда до Кавказских минеральных вод? Сомнительно, чтобы Глинка мог преодолеть оставшийся путь из Харькова (1089 в.) так же быстро, как Пушкин, ехавший в ту же сторону, но из Екатеринослава¹. Известно, что поэт с попутчиками добирался тогда до Горячих вод 10 суток: с 28 мая по 6 июня 1820 года, по сведениям Л. Черейского [186], или даже еще быстрее — 7,5 суток, по давним расчетам М. Гершензона [36, 4-5]. Столь высокую скорость передвижения по степям (100 — 130 верст в сутки) можно объяснить, в частности, тем, что генерал Н.Н. Раевский, взявший патронаж над Пушкиным в этом путешествии, по своему статусу получал в пути «зеленую улицу» и имел право на максимальное количество запрягаемых в экипажи лошадей. Как свидетельствует *«Расписание, высочайше утвержденное 13 Марта 1825 года, кому на сколько лошадей должно выдавать подорожные»* [129, 439], Раевский, состоявший в то время в чине генерала от кавалерии и соответствовавший II классу «Табели о рангах», как полный генерал, мог претендовать на 15 лошадей, коллежский советник Н.И. Петровский-Муравский (старший попутчик Глинки) — лишь на 6, а Глинке, как и всем «чинам, состоящим в 9, 10, 11, 12, 13 и 14 классах», полагалось и того меньше — всего 3 лошади. Однако для примера: даже генерал-майор В.Б. Броневский, которому полагалось 10 лошадей [129, 439], летом 1832 года одолел тот же путь, только в обратном направлении, за 20 дней — правда, учитывая две большие остановки в пути, этот срок сокращается до 11 суток [19, II, 119].

¹ Расстояние от Екатеринослава до Горячих вод составляло 993 версты — а это ненамного (на 100 в.) ближе, чем от Харькова.

Но Глинка и его товарищи ехали, скорей всего, еще медленнее. Вероятно, они находились в пути от Харькова до Горячих вод около 2-х недель и, таким образом, прибыли к цели путешествия либо в последних числах мая, либо в самых первых числах июня, еще точнее — в промежутке между 25 мая и 2 июня, но вероятнее всего — между 28 мая и 1 июня (ст. ст.)¹. Между прочим, свой день рождения 20 мая ст. ст./1 июня н. ст. Глинка, видимо, встретил в дороге, как это позже случилось и на пути в Испанию — См.: [175, 115].

Чтобы проложить маршрут Глинки в тогдашнем российском пространстве, вновь воспользуемся старинным «Почтовым дорожником». Итак, покинув Новоспасское, его коляска, скорей всего, по проселкам выехала на тракт, ведущий через *Рославль* на *Орёл*. Вскоре за Орлом повеяло дыханием весны, стал обновляться пейзаж и вид встречавшихся по дороге селений: по мере приближения к Харькову «украинский мотив» все сильнее давал о себе знать². Проследовав *Курск* и *Белгород*, путешественники прибыли в *Харьков* и остановились там на несколько дней в ожидании Н.И. Петровского-Муравского и его брата (см. комм. 2, 3). Здесь Михаилу Ивановичу выдалась счастливая возможность общения с незаурядным музыкантом-просветителем, педагогом (фортепиано и скрипка), композитором³ И.М. Витковским и членами его семейства⁴. Замечу, что это был самый первый приезд Глинки на Украину, но и далеко не последнее впечатление, связанное с ней, во время путешествия 1823 года (см. комм. 7, 16).

Встретившись со своими товарищами по путешествию в Харькове, Глинка через *Чугуев*, *Изюм* и *Бахмут*⁵ [129, 51] направился в сторону Донских степей. Миновав стороной Ростов⁶ —

¹ Выходит, что если считать даже по новому стилю, это произошло никак не позднее первой половины июня, а не в разгаре лета, как считала О. Левашева.

² См. подробно в ч. I «Странствий Глинки» [176, 74-75].

³ См.: [73].

⁴ О Харькове в те давние годы см. в ч. I «Странствий Глинки» [176, 67-70]. Кстати, теперь могу указать местоположение дома и тогдашний адрес Витковского — об этом сообщал в своих воспоминаниях Ф.О. Рейнгардт: «[...] По Московской от моста направо: угольный (дом. — С.Т.), где гостиница "Вена", дом Варварки [...]; по левую сторону, на углу Московской и Рыбной, небольшой дом [...], где аптечный магазин. Направо дом Тарасова, мало изменявшийся, с нумерами для приезжающих в верхнем этаже; дом губернской гимназии, где оптический магазин Эдельберга, и на том же дворе с Николаевской ул. Уездное училище. Угольный дом на Слесарском переулке, не доходя гимназии, профессора музыки Харьк. унив. Витковского, с магазином нот и муз. инструментов и проч. [...] Угольный, против Витковского, каменный дом, где часовые мастера Бальтенбах, потом Вилкас и Реймерс имели магазины» [32]. Двухэтажный дом И.М. Витковского на углу Московской улицы (№ 11) и Слесарного переулка сохранился и по сей день, в несколько измененном виде. — См.: [111].

⁵ Ныне Артемовск Донецкой обл.

⁶ «Большая [...] дорога проложена мимо города» [19, 101].

тогда еще уездный город Екатеринославской губернии [129, 46], и переправившись через рукав *Дона*, *Акса́й* (около станицы Аксайской), они увидели эти степи во всей их первобытной красе (см. комм. 4). С этого места два больших тракта, ведущих из Москвы на Кавказ (первый — через Орел и Харьков, второй — через Воронеж), каждому из которых по различным соображениям отдавали предпочтение те или иные путешественники, сливались в одну единственную дорогу [68, 26; 129, 20, 51; 143, 346]. Поэтому отсюда мы можем пользоваться описаниями всех современников Глинки¹, так как никакого другого пути в сторону Кавказских вод попросту не существовало.

После переправы путь лежал на *Ставрополь* — всего 337 верст на юго-восток, из них 146 по землям войска Донского, и еще 191 — в пределах Кавказской губернии. Надо сказать, что этот маршрут считался менее опасным, нежели продолжавший его на юг тракт от Моздока к Тифлису через горные кручи, ущелья и головокружительные перевалы, в значительной части проходивший по Военно-Грузинской дороге [143, 345]. Но и в живописности ей, конечно, уступал! Поначалу он не сулил ничего интересного и радующего взор (см. комм. 4). И. Раджицкий в 1823 г. описал эту дорогу как весьма унылую и вдобавок не обещающую особых удобств путнику:

За Доном дорога идет [...] до границы Кавказской Губернии по козацкой земле открытою степью, называемою *Зимним Кочевьем Калмыков*; впрочем, при всем любопытстве моем я, кроме десятка кибиток на высоких колесах, ничего не видел тут Калмыцкого; говорят, на зиму они точно сюда съезжаются. На сем пространстве находится четыре станции, или селения. Здесь, приметно, степные козаки далеки от того благосостояния, в котором находятся прибрежные к Дону. Избушки их разбросаны по обширности поля вокруг озерца или по долинке небольшого ручья, без деревца, без ворот, без огородов [...] Станции почтовые бывают уединенные, и отделены от селений в открытой степи; они тесны и наполнены удалцами, из коих каждый имеет свою пару лошадей. [...] Лошади у них мелкие и худы; а как притом всегда их держат в табуне, то проезжающим бывает остановка, покуда пригонят табун и поймают сколько надобно [143, 353-354].

¹Особенно же — развернутой статьей И. Раджицкого «Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст», опубликованной в 1823 г. [143, 345], а также письмами Н.Н. Раевского, путешествовавшего в 1820 г. вместе с Пушкиным [146].

Однако очевидец тут же радостно предвкушает грядущие усовершенствования:

Правительство заметило сию неудобность, и уже с Мая месяца по всей земле Донских козаков содержание почт отдается Русским ямщикам по заведенному порядку в России. Если притом учредятся постоянные дворы, тогда проезжающим по сей дороге для обозов не встретится никаких неудобств [143, 354-355].

Таким образом, Глинка, путешествовавший как раз в мае того же года, попал прямо в начало этой реформы, однако успел ли он воспользоваться ее плодами, неизвестно. Вместе с тем, безусловный авторитет в области путешествий на Кавказ, А. Нелюбин, давал следующие рекомендации:

Больные должны избирать для себя покойное пристанище [...] В земле Донских Казаков всего лучше останавливаться в станицах, на дороге лежащих, или в больших хуторах. В станционных же домах не советую я приставать, ибо они не получили еще должного устройства и везде учреждены в пустой степи в нескольких верстах от больших селений, от чего в них ничего получить невозможно, да и самого приюта больные вовсе иметь не могут¹.

Но вот что еще важно. В. Броневского в 1831 г. поразила резкая грань, проходившая между Землями Войска Донского и Кавказской областью, лежавшей по пути южнее:

Видали ли вы когда, как воды быстрой реки, смешиваясь с морскою [водою], представляют на поверхности моря две полосы различного цвета? Так граница Донской земли с Кавказскою областью представляет резкую черту: та же степь, но не тот же на ней цвет. [...] Станционные смотрители вежливы, лошадей переменяют не мешкавши, и крик и шум умолк. Большие деревни, тысячи по две и по три душ, отстроены по плану, широкими прямыми улицами разделенными площадями, везде исправная огорожа, местами обсаженная деревьями, кое-где сады; церкви и кладбища расположены вне селений; везде выкопаны пруды или занижены речки. Крестьяне [...] все живут в избытке, хлеба довольно, скота множество [...] До сего времени земля, подобно морю при безветрии, стелется ровно и беспредельно; но здесь степь взволновалась, единообразие кончилось, и природа, облекшись в новую брачную свою

¹Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб.: 1825. — Приведено по: [114].

одежду, представляет виды более разнообразные, более красивые. Холмистое положение приблизило горизонт к зрителю, от чего кажется, будто сталолюднее, все ожило и веселее смотрит. Пестрые тюльпаны, пионы, ноготки, бархатцы и множество других цветов украшают поля, манят взоры, но обманывают обоняние. Весною, пока солнце еще не так знойно, и степные места имеют свою прелесть [19, 17-19].

Внимательный Раджицкий тоже заметил явное оживление пейзажа:

Отсюда путь делается приятнее; хотя также почти до самого Ставрополя на 217 верст открытые степи, но уже местоположение разнообразнее и селения чаще. На сем пространстве девять станций. На каждой станции казенный дом с гостиницею для проезжающих. Селения большие [...] Мне случилось проезжать чрез эти селения в Вербное Воскресенье, и я не мог налюбоваться их благосостоянием. Красные девушки в разноцветных сарафанах вились хороводами, пели песни и плясали с молодыми парнями, между тем как прочие завидовали их счастью; ребятишки боролись, старики сидели на завалинах, утешаясь веселием молодых. [...] Не доезжая Ставрополя 30 верст, [...] я воображал, что въезжаю в счастливую Силезию. Здесь местоположение становится разнообразнее, и вы чувствуете приближение свое к отрасли Кавказа, оканчивающейся у Ставрополя. На горизонте уже синееются возвышения, между тем как до сего в продолжении пути представлялась одна степь с уединенными курганами [143, 355-358].

Итак, эта почти немецкая идиллия (впрочем, определенная натяжка в данной ассоциации так и напрашивается на опровержение) продолжалась вплоть до *Ставрополя*! А этот город был, без сомнения, самым большим и интересным из всех, лежавших на пути Глинки от самого Харькова. Вот что сообщал о нем Раджицкий:

Город Ставрополь [...] расположен на довольно высокой горе. Крепость на самом возвышении, а большое предместье или город стелется по отлогости; у подошвы горы, омывающей речкою, по всему пространству расположены селения и сады довольно обширные. Положение города вообще красивое и выгодное. Город сей, хотя второй по Георгиевске в Кавказской губернии, однако он по положению места более пред сим имеет преимуществ: строением обширнее, многолюднее и для жительства здоровее. Воды здесь хотя неизобильно, но довольно есть чистых источников, вытекающих прямо из гор. Домики небольшие, наподобие белых Малороссийских; но есть несколько купеческих больших каменных; улицы прямые. В крепости на горе казенные строения все каменные [143, 358-359].

Совсем похоже писал о тогдашнем Ставрополе и генерал Раевский:

[...] Приехал в Ставрополь, уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в который едущего ничего кроме отдаленности страшить не должно [146, 522].

В том, что местоположение Ставрополя выгоднее тогдашнего губернского центра — Георгиевска, соглашались многие путешественники — см., например, наблюдения Г. Геракова [35, 102]. На нездоровый климат Георгиевска и на необходимость перенесения центра области в Ставрополь настоятельно обращал внимание властей и сам генерал Ермолов в рапорте от 6 сентября 1824 г. [29, 630-631]. Вот и возникла у правительства идея перенести губернское правление в более удобное место — о ней Радожицкий писал еще летом 1823-го. Но лишь 2 октября 1824 года, уже после поездки Глинки, Ермолову был направлен Высочайший рескрипт Александра I о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест [31, 631]¹.

В этом путешествии многое в жизни Глинки свершилось впервые. Впервые перед ним раскинулись бескрайние степные пространства. А вскоре он увидел горы, о которых до этих пор знал только из книг. Совсем невысокие их цепи он наблюдал еще по дороге в Ставрополь. Затем на горизонте впервые появился Главный Кавказский хребет с громадой Эльбруса — эта изумительная панорама могла открыться ему с высоты крепости в Ставрополе, как и Пушкину тремя годами раньше. А в 1829-м поэт был очарован картиной, вспоминая и собственные впечатления: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи» [136, 643]. О том, с какого расстояния можно было наблюдать громаду Эльбруса, написал С. Броневский:

Первое возвышение, представляющееся глазам путешественника, едущего в Георгиевск из Черкасска [...], есть гора Эльбрус или Шат гора, коей две отделенные конические вершины уподобить можно двум сахарным головам, одна другой ниже стоящим. Они покрыты вечным снегом и усматриваются простым зрением далее, нежели за 300 верст [...]. Однако

¹ См. также: [178].

их видеть можно не иначе, как в ясную погоду, и весьма редко от подошвы до вершины, но большею частию двумя остриями, выходящими из-за облак, которые объемлют средние части сей горы [21, 9].

Сколько гор еще предстоит повидать Глинке — и Альпы, и Апеннины, и Пиренеи... Но ведь многие из нас обладают известным эмоциональным опытом равнинных жителей и хорошо помнят тот несказанный восторг, который овладевает тобою в детстве или в юности при самом первом взгляде на вершины, устремленные ввысь!

Правда, после Ставрополя горы на время скрылись от Глинки. Путь отсюда лежал вновь через степь к заштатному городку *Александрову*, расположенному в 92-х верстах; там был трактир с местом для ночлега [143, 360]. «Дорога идет по возвышениям более или менее крутым и отлогим, которых еще нельзя назвать горами. [...] Все поля обнажены, не видно ни деревца, ни куста», — писал об этом участке дороги И. Радожицкий [143, 359-360]. И так до самого Георгиевска¹. При этом дорожные удобства стали хуже. Тот же Радожицкий сообщал: «Здесь и далее к Георгиевску уже нет по станциям таких гостиниц, как до Ставрополя от границы Кавказской губернии; но может быть найдутся для проезжающих довольно просторные избы у крестьян в селениях». Зато в Александрове начинались военные предосторожности от набегов горцев: запрещалась езда по ночам и были расставлены пикеты [143, 360]. Генерал В. Броневский предупреждал уже в начале 30-х: «Всем, едущим к минеральным водам, должно брать с собою прислугу надежную, хорошо вооруженную, и на границе Кавказской области, в Егорлыке или в Безопасной, ружья осмотреть, зарядить и на ночь в дорогу не пускаться» [19, 26]². И недаром: достаточно назвать *Бешпагир* — селение, через которое

¹ В 78-ми верстах от Александрова или в 170-ти от Ставрополя.

² Хотя, по словам того же автора, преодолевали эту часть пути достаточно спокойно, но и не без незначительных эксцессов: «При разъезде посетителей из Пятигорска в 1831 году многие из них, согласившись, наняли долгих до Ставрополя, выехали вместе, экипажей по десяти и более; и ничего неприятного с ними не случилось. Навстречу одному из сих караванов выскакали человек 20 хищников, но, увидев, что экипажи, ехавшие шагом, окружены были вооруженными людьми, готовыми к обороне, не посмели сделать нападения и ускакали из вида с такою же скоростью, как показались. Я выехал из Пятигорска 15 сентября и в сопровождении трех, иногда одного Казака, а после и совсем без конвоя приехал в Ставрополь благополучно. Далее дорога была безопасна» [19, 91-92].

проезжал и Глинка, где всего за пару месяцев до этого на большой дороге появлялись вооруженные черкесские всадники с явно не мирными намерениями (см. подробнее I и комм. 13). Все это, конечно же, подогревало романтическое любопытство.

Еще не доезжая до Александрова, путешественник мог любоваться в отдалении видом Бештау. А следующая встреча с вершинами Кавказа состоялась сразу после того, как Глинка покинул этот ничем не примечательный городишко. Той же весной вдруг открывшийся вид поразил Радожицкого:

Отъехавши 3 версты от Александрова, представилось мне — точно необыкновенное: безобразные, снежные скалы и бугры, набросанные одни на других или, как будто, взрытые и воздымающиеся к небу представляли хребет беспрерывных гор, которые сначала я почел за тучи облаков, скопившихся к горизонту (точь-в-точь как Пушкин! — С.Т.), наконец между ими выше всех скал увидел огромную снежную массу с двойчатою вершиною, в которой узнал я Гиганта [...] Ельбурса. Подлинно, величественное зрелище [143, 361]!

В. Броневский пришел в изумление почти на том же самом месте:

Из Александрова выехал я большим обозом вместе с Казачьими отрядами [...] Справа открылся, как бы нечаянно, близко подошедший великан — величественный *Эльбурс*, увенчанный снежною короною; а вскоре и *пять гор* Пятигорских, темною зеленью покрытых. В расстоянии около 250 верст до первого и 116 до последних, горы сии являются как громады, поставленные на гладкой, столу подобной равнине. От самого Петербурга не встречаешь ничего подобного, посему такой необыкновенный картинный вид, удивляя, прельщает зрение; но и тут собственным глазам не веришь: чтобы столь высокие горы могли существовать в самом деле [19, 26].

Восторг путешественников возрастал по мере приближения к Георгиевску:

Я не спускал глаз с вершины Ельбурса, который то прятался за возвышения, то вновь показывался и приготавливал для меня новые прелести. Наконец, не доезжая 15 верст до Георгиевска [...], представляется самый лучший вид всего хребта и Ельбурса в полном блеске красоты его. Я схватил это мгновение и сделал слабое начертание картины: в отдалении посреди возвышается в виде огромного шатра Ельбурс; под ним туманная синева скрывает все пропасти и ущелья, в коих гнездятся разбойники — надо знать, что от пункта

зрения до самой горы сей в прямой линии пространство расстояния есть около 170 верст, по сему можно судить о ее огромности — впереди представляется черная [...] Змеиная гора с побочными отраслями, которая хотя также довольно высока, и нередко бывает под облаками, но кажется здесь Пигмеем против седого Гиганта; между ближайшими горками впереди прокрадывается речка Кума из отдаленных ущелий; тут она протекает среди кустарников наравне с большою дорогою; при ее долине на ближайшей высоте стоит всегда козачий пикет для предохранения проезжающих; ибо нередко по течению речки сей между кустарниками пробирается дикой Кабардинец, алчущий добычи [143, 362-364].

А вот какая картина вдруг возникла перед другим путником, Н.А. Нефедьевым, за 20 верст до Георгиевска:

Открылось глазам моим удивительное зрелище Бештовых гор, которые на краю горизонта представились отдельными одна от другой и не изменяющими положения своего черными тучами, так что надобно было уверить меня кому-нибудь, что сии превосходящие всякое описание громады суть горы [115, 33].

Губернский город *Георгиевск*, расположенный на возвышенности, у слияния рек Кумы и Подкумка, издали мог показаться большим, но на поверку состоял «из крепостцы, двух предместий и слободки; всего до 300 домиков; посему жителей не более полуторы тысячи». Хотя находились и «каменные, изрядные строения: дом Губернатора, присутственные места, арсенал, гауптвахта, [...] также каменные ряды лавок» [143, 366-367]. Несмотря на то, что и «припасы для жизни здесь дешевы», и хлеб хорош, и вино недорого, и товару полно в лавках, и живут тут «довольно весело», город не слишком радовал ни проезжих, ни местных жителей. Климат Георгиевска считался нездоровым¹, а местоположение невыгодным. Г. Гераков называл его «жалким городом», И. Раджицкий считал, что здешние «жители вообще стеснены постоем военных и гражданских чиновников», а немецкий путешественник Б. Егер летом 1825-го без огорчения оставлял

¹И. Раджицкий жаловался на нестерпимую жару, которая, конечно, не пришла бы по душе и Глинке: «В Георгиевске жары июльские простирались в горнице в тени от 25 до 28° по Реомюру (от 31 до 35° С. — С.Т.); на открытом же воздухе от 35 до 39° (от 44 до 49° С. — С.Т.)» [145, 388].

«печальный Георгиевск» [35, 101; 143, 366; 200, 99]. Потому-то практически без боя Георгиевск передал полномочия и славу губернского города Ставрополю (см. выше). Видимо, это сыграло плохую шутку с городком, потому что уже в 1827 г., по словам Нефедьева, наружность его производила «какое-то грустное впечатление»: несмотря на все старания, городские признаки тут почти не обнаруживались, а «ветхие небольшие домики, соломенные кровли, плетневые заборы и пустота на улицах стараются кажется уверить, что это деревня» [115, 34].

От Георгиевска до Константиногорска (Горячеводска) оставалось всего-то 40 верст. Понятно, что покрыть их можно было за несколько часов¹. Эти оставшиеся версты путешественники описывали по-разному — видимо, в зависимости от настроения. К примеру, Радожидский преодолевал их в некоторой меланхолии и писал: «Тут везде единообразная пустота, какая-то дикость и томное уныние. Редко встречается на пути с скрипящею арбою Татарин, или объездной козак» [145, 396]. Напротив, немец Егер был вполне в тонусе и замечал: «Бодрое утро было бенефициаром нашей поездки, и весь Кавказский хребет в многообразии его ледяных колоссов лежал слева от нас». Попутно он сравнивал вид на «Кавказский хребет в многообразии его ледяных колоссов» («заостренные пики Казбека и округлый Эльбрус с их гигантскими снежными шапками») — с Альпами²: «Перед нами великолепные, как колоссальные пирамиды, в пестрой зелени листья Бештау Змеиная гора и Мечука³; [...] долина Подкумка в красочных лугах» [200, 99]. А Нефедьев был и вовсе в состоянии радостного ожидания — тем более, что по Константиногорской дороге, в двадцати верстах к юго-западу от Георгиевска, уже открывалась взору возвышенность горного массива Бештау⁴:

¹ См., например: [146, 523].

² Сравнение вершин Кавказа с Альпами (в частности — со Швейцарскими и Итальянскими, в которых у Глинки еще будет возможность побывать вначале тридцатых годов, по пути в Италию и обратно) было тогда распространено. Так, С. Нечаев замечал в 1823 г.: «Вершина Эльбруса по справедливости почитается самым высоким пунктом Кавказских Альпов» [116, 627]. И словно давал в другом очерке пояснение к такому названию: «Кавказские горы [...] высотой своею мало разнятся [...] от Швейцарских Альпов; но в них нет ни зеркальных озер, ни обширных ледников, ни значительных водопадов, какими славится Гельвеция» [117, 26].

³ Машук.

⁴ См.: [21, 13].

По мере приближения к водам, с каждым шагом нетерпение мое возрастало, а мнимая близость гор еще более его увеличивала; ибо от самого Георгиевска, различая белизну камней и зелень сих гор, и потому думая, что они не далее 10 верст, я должен был ехать 40 верст! Ясный день способствовал удовлетворению нашего любопытства: горы были перед нами, по пословице, как на блюде. Чтобы удобнее наслаждаться грозным и вместе пленительным их видом, мы часто выходили из экипажей и шли пешком по душистой зелени, смешанной с различными цветами [115, 35-36].

И здесь сама собою напрашивается аналогия с Глинкой — ведь и он в 1830-м, по пути из Германии в Италию, проезжая Швейцарские Альпы, спрыгивал с дилижанса и шел пешком по дороге, петляющей у самых горных круч. А в Испании, путешествуя из Гранады в Мадрид вместе с возлюбленной, «значительную часть пути прошел пешком» за еле плетущейся галерой. — См.: [42, 243; 175, 377-380]. Кстати, почему бы не предположить, что вообще склонный к «пешедралке» Михаил Иванович проделывал примерно то же и в юном возрасте, на Кавказе?

И еще одно сильное впечатление ожидало Глинку в самом конце пути — крутой и опасный спуск со склонов Машука к текущему внизу Подкумку, ведущий к долине, где и расположился Горячеводск. Здесь дорога подходила к отвесной подошве горы, возвышавшейся справа на полкилометра, а слева был обрыв, под которым речка несла свои быстрые воды [19, 31]. Путь, по словам Нефедьева, следовал «между Подкумка и утесистого высочайшего пьедестала, на котором лежит благотворная источниками своими Машука» [115, 37-38]. Через три года после путешествия Глинки на выражах этой узкой дороги путник был особенно внимателен к реакциям своего кучера:

«Слава Богу!» говорил извозчик, поддерживая между тем на узкой крутизне бричку, чтобы она не вздумала первая взять в Подкумке ванну — «слава Богу! вот мы уже приехали» [115, 38].

...Так или иначе, ко второй половине дня или к началу вечера Глинка и его спутники прибыли на Горячие воды. Как говаривал И. Радожичский, был достигнут «предел странствия для ищущих исцеления» [143, 373]. И пытливый путешественник (а к таковым, конечно, принадлежал Глинка) начинал открывать для себя Кавказ.

А дело это было совсем непростое и требующее большой работы души, о чем свидетельствует несколько таинственный диалог из романа Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (одновременно и «внешний», и «внутренний»):

Грибоедов обернулся к доктору и представил ему горы, как своих знакомых. Направо были стеганные травой холмы, женские округлости холмов были покрыты зеленой ассирийской клинописью трав. Доктор сказал: — Я думаю, что через сто лет здесь будут ходить дилижансы, до Владикавказа, как уже ходят от Петербурга до Царского Села. Он смотрел на дорогу. Грибоедов смеялся без всякой причины. Горы присутствовали при его смехе, как тысячи лет уже присутствуют при смехе, плаче, молитвах и ругани многих тысяч людей, при лае собак, при медленном мычании волов, при молчании травы.

Особенно заключительная фраза вдруг чем-то напомнила мистический смех Моцарта из «Степного волка» Г. Гессе...

Фрагмент текста «Записок» М.И.Глинки¹

Доехав до дому, я пробыл там до последних чисел апреля. Отец снабдил меня коляской, дал мне человека (моего бывшего дядьку по имени Илью) и повара Афанасия (1). Выехав из дому в сырую и свежую погоду, чрез несколько дней, около О р л а повеяло теплым дыханием весны, а переехав О к у, очутился я уже в другой, новой для меня южной полосе. Дубовые рощи заменили наши березовые, по оврагам вместо лозы начали появляться груши, яблони и вишни в цвету, вид полей и деревень с беленькими мазанками вместо черных бревенчатых изб, нерегулярно тянувшихся, но живописно разбросанных, — все это тешило взор днем, а ночью ясное, усеянное ярко-блестящими звездами небо² восхищало меня. Таким образом прибыл я в Харьков к 10 мая. Отец желал, чтобы я отправился на Кавказ, потому что ехал туда знакомый его, человек образованный и солидный, бывший управляющий Смоленской удельной канторы, Петровский-Муравский, и в то же время один из смоленских врачей, Лазарь Петрович Быковский, отправлялся туда же с семейством. С первым из них я должен был съехаться в Харькове (2). Чтобы не терять времени, я, по совету одного петербургского знакомого, откомендовался, сколько умел, г-ну Витковскому, у которого было то время весьма хороший музыкальный магазин в Харькове. Сыграв первое соло концерта а - т о l l Гуммеля, я произвел столь приятное впечатление, что сейчас же познакомился с музыкальным семейством хозяина — и меня до самого приезда ожидаемого мною товарища потешали музыкою.

Наконец прибыл товарищ с братом своим, и мы отправились далее (3). Вскоре беспредельные степи сменили живописную Украину, мы переехали Дон в Оксае и очутились в Азии, что несказанно льстило моему самолюбию. Скажу, однако же, что до самого прибытия на серные воды (ныне П я т и г о р с к) взор не находил предметов приятных, напротив, почти ничего не было видно, кроме беспредельных степей³, заросших густой, высокой ароматической травой (4). Вид теперешнего Пятигорска в то время был совершенно дикий, но величественный: домов было мало, церквей,

¹ Здесь публикуется фрагмент Периода 5 «Записок» («От выпуска из пансиона до первой поездки за границу»). Приводится по изданию: [42, 223–225]. Замеченные нами незначительные расхождения текста, опубликованного в ПСС, и оригинала рукописи «Записок» [40] исправлены в соответствии с рукописью.

² Зачеркнуто все приводило меня в неописанный восторг.

³ Зачеркнуто покрытых.

садов вовсе не было: но так же, как¹ и теперь, тянулся величественно хребет Кавказских гор, покрытых снегом, так же по равнине извивался ленточкой П о д к у м о к, и орлы во множестве ширили по ясному небу (5).

Я с товарищами поселился в скромном домике. Житье было приятное: товарищ привез запас книг, кухня была в порядке: отличная баранина, куры, дичь и превосходнейшие овощи давали нашим поварам возможность хорошо кормить нас, а сантуринское вино (которое я и теперь еще пью охотно) заменяло нам дорогие ф р я ж с к и е вина. Меншикову² (7).

Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске (6). Между прочим я видел пляску³ черкешенок, игры и скачку черкесов, мирных аулов, разумеется (8). Были у меня также ручные дикие козочки (9).

Вскоре по приезде мы приступили к лечению, т. е. начали брать теплые серные ванны и пить воду из так называемого к и с л о с е р н о г о источника. Впоследствии я купался, или, лучше, варили меня в ванне, иссеченной еще черкесами в камне, откуда шла струя серной воды в 37 или 38 градусов по Реомюру. Товарищу воды чрезвычайно помогли и поставили на ноги (он с трудом двигался). Вероятно, и я бы получил от них значительную пользу, если бы сообразовались с моим слабонервным сложением и заставляли бы меня меньше пить и купаться в воде, разведенной с охлажденною прежде, как то делается в Ахене (10).

Взявши несколько ванн к и с л о с е р н ы х, отправились мы на железные воды, расположенные посреди лесов, на площадке на половине горы. Местоположение этих вод дикое, но чрезвычайно живописное; был тогда один только деревянный дом для помещения пользующихся; кто не находил там пристанища, разбивал палатку из войлока, и ночью, когда мелькали огоньки, площадка эта походила на кочевье⁴ диких воинов. Остаток горы до самой вершины покрыт был густым лесом; дикий виноградник оплетал целые купы кустарников и мелких деревьев; орлы летали почти над головами. Однажды я видел, как туча, пронесшаяся в нашу сторону, покрыла нас всех своим густым туманом (11).

¹ Зачеркнуто *вероятно*.

² Надпись сделана карандашом.

³ Зачеркнуто *танцы*: далее слово зачеркнуто и восстановлено автором.

⁴ Зачеркнуто *стан*.

После нескольких ванн железной воды в 32 град[уса] по Реомюру я начал чувствовать себя дурно, а вскоре жестокие головные боли принудили меня, равно как и товарища, оставить эти воды (12). Мы отправились в Кисловодск и, помнится, ехали с конвоем и пушкой, что объясняется тем, что в следующем 1824 году черкесы учинили сильное нападение и вырезали несколько близлежащих деревень (13).

Местоположение Кисловодска веселее Пятигорска, но в мое время было там еще мало домов, а дерев вовсе не было. На плоских вершинах пригорков, расположенных грядами и весьма похожих на окружающие в Кастилии город В а л ь д о л и д р а г а т о с (п а р а м о с), густая ароматическая трава (в июле и августе, когда на равнинах все уже выгорело от зноя) возвышалась так, что покрывала коня с всадником до шапки (14).

И здесь надлежало пить воду и купаться в н а р з а н е (8 град[усов] по Реомюру), — и здесь дело шло столь же неудачно, как и на железных водах. Вскоре я почувствовал лишение сна и аппетита, и доктор Быковский сам убедился, что мне н а р з а н вреден, и, чтобы исправить расстроенный желудок, пользовал меня (не без успеха) горькими, настоянными в вине, травами. Сон же не мог так скоро возвратиться, отчасти оттого, что нелегко успокоить однажды раздраженные нервы, а также и от земляных блох, которые по ночам не давали мне возможности сомкнуть глаз (15).

На обратном пути, расставшись с товарищем в Харькове, я почувствовал, приближаясь к Орлу, лихорадочные припадки и, остановясь по прибытии в Орел у знакомого купца, занемог лихорадкою с нарывами на местах, где были лишаи от рождения. Через несколько дней болезнь миновалась сама собою, а с ней исчезли и лишаи. Полагали, что я радикально вылечен, но весьма ошиблись, как это окажется впоследствии.

В начале сентября я возвратился в Новоспасское и, отдохнув, с новым рвением принялся за музыку. Во время путешествия, продолжавшегося 4 месяца¹, в одном только Харькове² у меня было фортепиано, а на скрипке я играл весьма неудовлетворительно. Сверх того, раздражительное действие минеральных вод и множество новых впечатлений возбуждали мое воображение... (16).

¹ Зачеркнуто *кроме*.

² Зачеркнуто *я не имел*.

КОММЕНТАРИЙ

1. Доехав до дому, я пробыл там до последних чисел апреля. Отец снабдил меня коляской, дал мне человека (моего бывшего дядьку по имени Илью) и повара Афанасия.

Глинка с попутчиками выехал из Новоспасского в самых последних числах апреля 1823 г. (см. подробнее II). Его отец, Иван Николаевич, принял решение о поездке сына на Кавказ в начале марта. Глинка тогда еще находился в Петербурге¹. Профессор А. Нелюбин, в 1823 году на собственном опыте испытывавший все трудности путешествия на воды, рекомендовал выезжать туда из столицы между 5 и 10 числами мая, когда «дороги после весенней распутицы уже просохли и разлившиеся реки вошли в свои берега», и никак не позднее середины этого месяца² — следует полагать, чтобы избежать утомительной жары. Что почти в точности было выполнено предусмотрительным Иваном Николаевичем относительно отъезда сына из Новоспасского.

Давая инструкции отъезжающим на Кавказские воды, Нелюбин писал: «Должны взять для услуги одного или двух человек (весьма нехудо, когда один из них будет повар)»³. Создается впечатление, что И.Н. Глинка и это пожелание исполнил исправно, снарядив в поездку с сыном его *бывшего дядьку и повара*. Но дело-то в том, что знаменитая книга Нелюбина была написана по следам его поездки на Кавказ 1823 года и издана только в 1825-м; следовательно, семейство Глинок в то время никак не могло быть с нею знакомо! Поэтому можно предположить, что подобные советы тогда буквально «носились в воздухе» и передавались людьми сведущими из уст в уста.

Что касается слуг, которые сопровождали в путешествии юного Глинку, то о бывшем его дядьке, крепостном *Илье*, известно очень мало. Однако мы знаем, что он не покидал своего подопечного и позднее. Во всяком случае, по возвращении Глинки в Петербург, в марте — апреле 1824 г., Илья жил вместе с ним на снятой в Коломне квартире [42, 226]. На всякий случай разъясню здесь,

¹ В «Записках» Михаил Иванович вспоминал: «В начале марта 1823 года отец известил меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобным случаем поездки на Кавказ, чтобы пользоваться там минеральными водами. Я немедленно собрался в путь» [42, 222].

² Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб, 1825. — Приведено по: [114].

³ Там же.

кем (по служебным обязанностям) являлся дядька в русских помещичьих домах: это был слуга (воспитатель) при мальчике из дворянской семьи¹. Замечу, что Глинка пишет об Илье как о *бывшем* своем дядьке. Что совершенно справедливо: он уже явно вышел из мальчишеского возраста, но это воспоминание, конечно же, говорит о долгих и, вероятно, очень теплых отношениях.

Повар же, которого звали *Афанасий Кириллович* [48, 435], как следует полагать, вполне удовлетворял кулинарным пристрастиям Глинки, о чем композитор не забудет упомянуть в мемуарах. В Пятигорске «...кухня была в порядке: отличная баранина, куры, дичь и превосходнейшие овощи давали нашим поварам возможность хорошо кормить нас» (см. комм. 6). Думаю, что Афанасий Кириллович не сплеховал и в других местах, которые им вместе с Михаилом Ивановичем довелось посетить во время путешествия.

Вообще же выезжать на Воды с обильной прислугой в те времена становилось привычкой, превращавшейся у людей с каким-никаким достатком в устоявшийся обычай. Так, например, Г. Гераков проследовал в 1820 г. в сторону Горячих вод с егерем и поваром, а генерал Раевский вместе с дочерьми и с Пушкиным ехал в том же году и в том же направлении «в сопровождении врача, гувернантки и прислуги» [35, 95; 36, 2]. Ну а путешествие в собственной коляске, которой Иван Николаевич заботливо снабдил сына, было совсем не худшим для тех лет способом передвижения². Так что поездка на Кавказ была обустроена солидно и начиналась в условиях достаточно комфортных!

2. Отец желал, чтобы я отправился на Кавказ, потому что ехал туда знакомый его, человек образованный и солидный, бывший управляющий Смоленской удельной конторы, Петровский-Муравский, и в то же время один из смоленских врачей, Лазарь Петрович Быковский, отправлялся туда же с семейством. С первым из них я должен был съехаться в Харькове.

¹ В одной из версий текста «Записок» есть примечание Глинки, где термин трактуется по-иному: «Дядьками именовались у нас люди, служившие за столом во время обеда и ужина» [41, 9]. Но сказано-то это уже по поводу жизни в Благородном пансионе, где дядьки исполняли другие обязанности в сравнении с усадьбой.

² Во всяком случае, он выгодно отличался от переезда из Петербурга в Новоспасское всего лишь месяц тому назад, когда Глинка с попутчиками, по его словам, «едва подвигались [...] в четырехместной старинной крытой линейке с фартуками», угодив в самую мартовскую распутицу. Хотя и это «путешествие [...] было приятно» [42, 222]! О коляске и других транспортных средствах см. подробно II.

Петровский-Муравский — фигура, пожалуй, наиболее загадочная из всех лиц, названных Глинкой в кавказском фрагменте «Записок». На этих страницах Глинка упоминает о нем достаточно часто — шесть раз. Правда, ни разу не называя его имени и отчества, и вовсе не касаясь каких-либо биографических подробностей. Вводя эту персону в свое повествование, Михаил Иванович пишет, что это «человек образованный и солидный, бывший управляющий Смоленской удельной конторы *Петровский-Муравский*». И добавляет, что должен был съехаться с ним в Харькове. Затем речь идет уже о Пятигорске: «Я с товарищами поселился в скромном домике. Житье было приятное: товарищ привез запас книг». (Интересно было бы узнать, что это были за книги?). Там же «*товарищу воды* чрезвычайно помогли и поставили на ноги (он с трудом двигался)». А вот на железных водах вышла неудача, и жестокие головные заставили Глинку, «равно как и товарища, оставить эти воды». И, наконец, Михаил Иванович пишет, что на обратном пути они с товарищем расстались в Харькове [42, 223-225].

Что могли добавить к этому биографы Глинки? Да, собственно, ничего! В именном указателе к академическому изданию «Записок» читаем лаконичную запись, точь-в-точь повторяющую слова композитора: «Петровский-Муравский, управляющий Смоленской удельной конторой; знакомый И.Н. Глинки» [48, 454]. То же — и в главе «Поездка Глинки на Кавказ» из книги Е. Канн-Новиковой: автор лишь называет «управляющего смоленской удельной конторой Петровского-Муравского» [67, 114]. Судя по всему, эта персона совсем не привлекала к себе внимания тех, кто когда-либо писал о Глинке, — а жаль, могли бы и поинтересоваться... Вот и получился такой себе человек без имени. Во всяком случае, ни имени, ни отчества того, кого Михаил Иванович многократно именует своим товарищем даже через тридцать лет после знакомства, исследователи до сих пор не назвали!

Естественное желание узнать об этом спутнике Глинки хоть что-нибудь подтолкнуло меня заглянуть в ежегодники со «штатным расписанием» Российской империи, называемые «*Месяцесловами*». В книге на 1823 год обнаружил прелюбопытнейшую запись. Из нее следует, что управляющим Смоленской удельной конторы департамента уделов¹ в том году действительно состоял коллежский

¹ Департамент Уделов, учрежденный в 1797 г., принадлежал Министерству Императорского двора и управлял имуществом царской семьи — землями, имениями и крепостными крестьянами. На местах контор Уделов насчитывалось 19, в том числе и Смоленская. — См.: [63, 42-43].

советник *Николай Иванович Петровский-Муравский*¹. Мало того, как можно прочесть в Прибавлении к первой части «Месяцеслова», именно в этом году он был уволен со службы². (То, что об этих фактах Глинка вспомнил в «Записках» через три десятилетия — очередное доказательство его потрясающей памяти на людей и на события!).

Просмотр подобных книг за период с 1818 по 1822 г. дает основания утверждать, что Петровский-Муравский находился в той же должности как минимум начиная с 1818-го³ (в каждом ежегоднике по поводу него повторяются практически идентичные записи, а вот в книге за 1824 г. ничего подобного уже нет⁴!). Но в отставку он не вышел! В ежегодниках за 1825 — 1827 гг. он вновь появляется в той же должности управляющего удельной конторой и с тем же послужным списком — только уже в Твери; и лишь в 1828 г. его сменил другой начальник. — См.: [106, 40, 41; 107, 40; 108, 52; 109, 58].

Теперь, когда полностью подтвердились слова Глинка о месте службы и должности Петровского-Муравского, и нам стало известно его имя и отчество, остается обратить внимание на награды этого достойного человека, перечисленные в «Месяцеслове»: ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени⁵ с бантом, кавалер золотой шпаги с надписью «за храбрость» [103, 40]. Замечу, что если орденом Св. Анны награждались «светские и духовные лица», то орден Св. Владимира присваивался «в награду заслуг по военной и гражданской службе», причем «военные получают сей орден с бантом» [63, 38]. Именно орденом с бантом, то есть за заслуги воинские, и был награжден Н.И. Петровский-Муравский. Но и золотая шпага с надписью «за храбрость», которой он обладал, принадлежала к числу высших государственных боевых наград [63, 38]⁶.

¹ Привожу запись в том, виде, как она существует в «Месяцеслове»: «В ведомстве департамента уделов: Удельные конторы: [...] Смоленская, управляющий Кол. Сов. Николай Иванов. Петровский-Муравский, орден с. Ан. 2 и с. Вл. 4 ст. с бант. и Пруск. за заслуги. Кав. им. воен. кр. и зол. шп. с надп. за храбрость» [103, 37, 40].

² «В Удельных конторах. [...] Смоленской: [...] Управляющий Кол. Сов. Петровский-Муравский уволен» [104, 7].

³ В книге за 1816 год имени Петровского-Муравского еще нет (это и понятно, он еще служил в армии), а «Месяцеслов» за 1817 г. мне, к сожалению, не удалось обнаружить.

⁴ См.: [98, 46; 99, 46; 100, 44; 101, 46; 102, 38; 105, 40].

⁵ Оба относились к кавалерским орденам, всего их было восемь [63, 35].

⁶ Соответствующий указ был подписан в 1807 г.; до 1825 г. золотым оружием было награждено 1542 офицера и генерала. Золотое оружие, приравненное к русским орденам, вручалось за подвиги в сражениях под Красным и в Смоленске, в Бородинской битве, в сражениях при Березине, под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. — См.: [59]. И действительно: как мы убедимся, боевой путь Петровского-Муравского проходил как раз по этим местам!

Конечно же, возникает вопрос, за какие воинские подвиги наш герой был удостоен такой чести? Первое, о чем мы подумаем в связи с этим, будет Отечественная война 1812 года, и не ошибемся! Можно установить не только сам факт его участия в баталиях, но и место службы с указанием должностей, им занимаемых: «Петровский-Муравский Николай Иванович — майор (с 16.04.1814 подполковник) 20.03.1813 — 09.02.1816 — командир 49-го егерского полка» [125]. Сразу же замечу, что 49-й егерский полк был одним из поистине героических подразделений русской армии, участвовавших в войне с Бонапартом¹. Обратим внимание на то, что в самый разгар кровопролитного оборонительного Смоленского сражения и предшествовавшего ему боя под Красным, а также во время Бородинской битвы Н.И. Петровский-Муравский, в звании майора этого полка, состоял старшим адъютантом при командире 27-й пехотной дивизии, знаменитом военачальнике, генерал-майоре *Д.П. Неверовском* [16, 316; 23; 153, т. XI, 186]². Одним из кульминационных эпизодов противостояния в Смоленске стал большой и кровопролитный бой около Малаховских ворот 5/17 августа 1812 г. — См. подробно: [16, 312-317]. В связи с этой стычкой и находим единственное пока что упоминание о воинском подвиге Петровского-Муравского. О нем поведал военный историк Н.П. Поликарпов, цитируя материалы из наградных списков: «Состоявшие при ген.-майоре Неверовском адъютантами *майор 49 егерского полка Петровский-Муравский*, шт.-кап. лейб-гвардии Измайловского полка Унгебауер, шт.-кап. Павловского гренадерского полка Гавриленков — "по вступлении войск в город Смоленск, заметил

¹ Шефом этого полка был герой войны полковник Кологривов [33, 252-253]. Он «с отменной храбростию долго удерживал натиск неприятельских стрелков, и по вступлении в город (Смоленск. — С.Т.) поспешно расставил людей по стенам и тем остановил неприятельское стремление» [16, 316]. Замечу, что происходил этот бой в том числе и у Малаховских ворот, о чем речь пойдет уже в непосредственной связи с Петровским-Муравским.

² К генералу Неверовскому мы еще вернемся (см. комм. 7). Пока же привожу краткие биографические сведения о нем: «Неверовский (Дмитрий Петрович, 1771 — 1813) — генерал-лейтенант; [...] участвовал в войнах с Турцией и Польшей. В 1812 г. командовал дивизией. Важнейшим подвигом его было сражение под Красным с войсками Мюрата и отступление после него, признаваемое военными авторитетами за беспримерное. Несмотря на частые стычки с неприятелем, его дивизия, впервые под Красным бывшая под огнем, отступала в величайшем порядке и успела настолько задержать неприятеля, что наши войска свободно могли вступить в Смоленск и прикрыть Московскую дорогу. В бородинском сражении погибла большая часть дивизии Н[еверовского], и он сам был контужен. [...] В 1813 г. [...] с только что сформированным им 13-м корпусом, участвовал [...] в сражениях при Кацбахе и под Лейпцигом, где получил смертельную рану» [194, т. ХХА, 811].

ген.-майор Неверовский пролом в стене, тогда они, по приказанию ген.-майора Неверовского, завалили его в то время, когда уже неприятель приближался к оному"» [16, 316]. А ведь буквально за пару дней до этого состоялась драматическая оборона Красного. Итог этим событиям не без известной поэтичности подвел в своих «Записках» адъютант Наполеона, французский бригадный генерал Ф.-П. де Сегюр: «Когда город был взят, французы увидали вдали разделившиеся на две колонны шесть тысяч русских пехотинцев, отступление которых прикрывалось несколькими эскадронами. *Это был корпус Неверовского, совершивший свое львиное отступление* (курсив мой. — С.Т.)» [159, 61]. В одной из этих русских колонн был, конечно же, и Н.И. Петровский-Муравский. Позднее он вместе с Неверовским участвовал и в Бородинском сражении. Об этом свидетельствуют данные из работы современных историков: «27-я пехотная дивизия (придана 8-му пех. корпусу). Начальник: генерал-майор Д.П. Неверовский (шеф Павловского гренад. п., контужен 26 августа, но остался в строю). [...] Старший адъютант: майор 49-го егерского п. Н.И. Петровский-Муравский» [23].

Трудно даже представить себе, сколь много интересного мог рассказать Глинке и об этих битвах, и о заграничном походе русской армии Петровский-Муравский — или в долгом пути на Кавказ, или в то время, которое коротали они на водах, или в прогулках по окрестностям, или вечерами за бутылкой сантуринского¹... Думаю, нелишним будет предположить, что «библиотечка», взятая в путешествие Николаем Ивановичем, тоже содержала нечто из военной истории. Конечно, у юного Глинки уже был опыт тесного общения с подобными героями. Для примера назову его долгое и доброе знакомство с *Александром Ивановичем Киприяновым* (1780 — 1872) — ельнинским помещиком, мужем двоюродной сестры Михаила Ивановича, Александры Васильевны Потресовой (см. I)². Причем из текста «Записок» следует, что Киприянов был «человек чрезвычайно умный, образованный и приятный», вдобавок снабжавший Глинку книгами; очень интенсивное общение с ним пришлось как раз на первую половину 20-х годов [39, 366; 42, 227]. Он, как и Петровский-Муравский, был участником Смоленского сражения. А из статьи смоленского исследователя узнаем, что подполковник Московского гренадерского

¹ См. комм. 6.

² См.: [48, 446; 55, 59], а также И. А.В. Потресова венчалась с А.И. Киприяновым в новопасской церкви.

полка Киприянов за подвиг на Бородинском поле был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» [122, 3].

Между прочим, фамилия Петровских-Муравских значилась в Родословной книге дворян Полтавской губернии, причем во второй ее части — «Военное дворянство, приобретенное чином военной службы» [162]. А текст «Записок» Глинки неожиданно дает намек и на некие украинские связи самого Николая Иванович Петровского-Муравского. Как известно, Глинка ехал на Кавказ со Смоленщины, из Новоспасского. Со стороны Смоленска должен бы двигаться и Петровский-Муравский. Однако он с братом (см. комм. 3) присоединился к Глинке только в Харькове и там же покинул его на обратном пути. Выходит, что Николай Иванович направлялся в этот город не с севера (не из Смоленска, или Москвы, или Петербурга) — Орёл-то он явно миновал стороной! Однако появился в Харькове и не с востока или северо-востока — тогда ему был бы прямой резон миновать этот город и следовать по Тифлисскому тракту через Воронеж. И совсем уж абсурдно было бы считать, что Петровский-Муравский приехал в Харьков с юга — дальнейший путь как раз и предстоял в сторону южную! Остается догадаться, что, вероятно, он прибыл в этот большой губернский город с запада и туда же удалился, покидая Глинку на обратном пути. Но на запад от Харькова лежит только Украина, и ближе всего — Полтавщина. Можно предположить, что после увольнения со службы Н.И. Петровский-Муравский до того, как съехаться с Глинкой по пути на Кавказ, направился в украинское имение кого-либо из своих родственников. А может быть, и в свое малороссийское «родовое гнездо»? Петровскому-Муравскому еще предстоит сыграть важную роль в расширении круга общения Глинки на Кавказе. Но об этом (причем в контексте украинской темы) речь пойдет в комм. 7.

Какие-либо биографические данные о докторе *Лазаре Петровиче Быковском*, путешествовавшем вместе с Глинкой, обнаружить не удалось¹. Вместе с тем, Михаил Иванович вспоминает о нем не без симпатии (см. комм. 15), несмотря на противоречивые, мягко говоря, результаты водолечения (см. комм. 10, 12, 15, 16). Из текста «Записок» следует, что с Быковским по пути на Кавказ они съехались уже после Харькова. Но где конкретно — неизвестно.

¹ Именной указатель ПСС и здесь ограничивается лишь сведениями, и так изложенными в «Записках» самим Глинкой: «Быковский Лазарь Петрович, врач в Смоленске» [48, 437].

3. Наконец прибыл товарищ с братом своим, и мы отправились далее.

Здесь мы узнаем, что Н.И. Петровский-Муравский путешествовал вместе с братом. Но этот персонаж начисто исчезнет из повествования Глинки столь же внезапно, как и появился. Какие-либо сведения о нем раздобыть не удастся. Ни единого слова о пребывании этого человека на водах, как и о совместном с ним возвращении оттуда, Михаил Иванович не скажет. Тогда как о Николае Ивановиче вспомнит несколько раз, причем называя его преимущественно в единственном числе («[...] расставшись с товарищем в Харькове [...]», и проч.). Это вызывает закономерный вопрос, доехал ли вообще брат Петровского-Муравского вместе с Глинкой и другими его попутчиками до Кавказских минеральных вод, или оставил их где-то по пути? То есть, не направлялся ли он, скажем, в Новочеркасск, или в Ставрополь, или в какое-либо иное место, лежащее по дороге к горам Кавказа либо близ нее? В комм. 2 мною было высказано предположение, что Н.И. Петровский-Муравский двигался в сторону Харькова с Украины и туда же удалился, расставаясь с Глинкой в этом городе по пути с Кавказа. То, что в дороге — вероятно, со стороны Полтавщины, — ему сопутствовал брат, может быть дополнительным аргументом в пользу версии о том, что где-то там могло находиться имение Петровских-Муравских.

4. Вскоре беспредельные степи сменили живописную Украину, мы переехали Д о н в Оксае и очутились в Азии, что несказанно льстило моему самолюбию. Скажу, однако же, что до самого прибытия на серные воды (ныне П я т и г о р с к) взор не находил предметов приятных, напротив, почти ничего не было видно, кроме беспредельных степей, заросших густой, высокой ароматической травой.

Глинка переправился через Дон в станице Аксайской¹, там, где в эту реку впадает ее правый рукав — Аксай². Для своего времени он был прав, именуя и реку, и селение, стоящее на ней, с буквы «О» — Оксай. Дело в том, что, как удалось установить, в некоторых вполне солидных источниках первых десятилетий XIX в. (например,

¹ Ныне город Аксай в непосредственной близости от Ростова-на-Дону.

² р. Аксай — правый рукав Дона протяженностью 86 верст, шириной 25—60 сажень (т. е. от 50 с лишним до 130 м); «весной он заносится илом и песком; старания сделать его судоходным на всем протяжении не имели успеха; суда ходят только ниже города Новочеркасска» [194, Доп. т. I, 63].

в «Карманном почтовом атласе всей Российской Империи», изданном в 1808 г.) станица, которую упоминает Глинка, тоже названа *Окса́йской* [68, 26]; соответственно, и название реки писалось как *Окса́й*. Хотя в большинстве современных Глинке изданий и населенный пункт, и река все-таки именуются так же, как и ныне, с буквы «А».

В Аксайской станице для переправы через Дон соединялись оба существовавших тогда тракта, ведущих на Кавказ, — один, проходивший через Харьков (по которому ехал Глинка), и другой, проложенный через Воронеж (см. II). «Здесь величественный Дон приближается к устью и соединяется с рукавом своим Аксаем, отделяющим Новый Черкасск от Старого», — сообщал И. Раджицкий летом 1823 г. [143, 346-347]. Действительно, на старой карте хорошо видно, что станица расположена совсем рядом с Черкасском (к западу от него) и недалеко (в южную сторону) от Новочеркасска¹ [68, 26]. Кстати, в учебнике географии Арсеньева, прекрасно знакомом Глинке (см. I), сказано: «Новочеркасск главный город Земли Войска Донского на протоке Дона, Аксае» [5, 185]. Следовательно, Глинка вполне мог знать и об Аксае, и о Новочеркасске еще до поездки на воды.

Аксайская станица была большим торговым селением и важным транспортным узлом — во всяком случае, слава одной из значительнейших пристаней на Дону и главнейшей переправы через Дон по дороге на Кавказ сохранялась за ней вплоть до рубежа XIX и XX вв. [194, т. I, 303]. В 1820 г. по пути на Кавказские воды Пушкин и Раевский дважды здесь переночевали. — См.: [146, 520-521]. Поэтому представляется почти неизбежным, что и Глинка с попутчиками задержались тут для ночлега на сутки, но возможно — и на несколько больший срок. Что же нового и интересного мог повидать здесь Глинка?

Во-первых (и впервые!) — донских казаков в их природной жизненной среде, имея возможность пристально приглядеться к ним.

¹ *Новочеркасск* находился в двадцати верстах от Аксайской станицы [194, т. I, 303], *Старо-Черкасск* — в шести верстах от нее [143, 346]. О судьбе этих городов сообщал словарь Брокгауз — Ефрон: «Образуемый А[ксаем] остров (до 20 вер[ст] ширины) низок и часто заливается водою, вследствие чего расположенный на нем город Старый Черкасск в 1804 г. перенесен на место нынешнего Новочеркасска, на возвышенный берег А[ксая]» [194, Доп. т. I, 63]. Уже в 1820 г. Пушкин и Раевский застали в Старом Черкасске полное запустение, о чем генерал и писал дочери с ностальгией: «Сели опять в шлюпку и поехали в Старый Черкасск. Сей разжалованный город в станицу еще более обыкновенного залит водою. В нем осталось домов до 700, в том числе несколько старых фамилий чиновников [...] Но церквей не перевезли и их богатства, но не могли увезть памяти, что это первое было гнездо донских казаков. Словом, Старый Черкасск останется вечно монументом как для русских, так и для иностранных путешественников» [146, 521-522].

Нечего и сомневаться, насколько это было важно для автора будущего замысла Казахской симфонии «Тарас Бульба», пусть и несостоявшегося¹. Тем же летом в Аксайской повстречал казаков Илья Раджицкий:

Здесь я увидел тех же удалцов, с какими познакомился во время прошедших кампаний. Та же разноборщина: кто в куртке, кто в фуфайке, кто в синем, в красном; один в картузе, другой в калмыцкой шапке. Все у них идет живо, проворно, и как будто говорит: держи ухо остро [...] Черты отличительной в их физиономии не видно, которая бы показывала корень народного племени; все удостоверяет более, что это пришельцы из разных стран Русского Царства, основавшие свое отечество на берегах плодородного Дона. — Женщин мало видно. Если которые являются, то в кафтанчиках и в пестрых вязаных колпаках, что дает им отличительный вид донских Амазонок: в поступи статные, глаза быстрые, и лица свежие, миловидные [143, 350-351].

Во-вторых, Глинка на рынке около переправы мог повстречать украинских чумаков на промысле. На пристани в Аксае их тогда же, причем большой массой, увидел тот же Раджицкий: «Тут наиболее встречаются чумаки с волами, накладывающие на свои возы рыбу тарань и соль» [143, 349]. Следует полагать, коль скоро это первое свидание Глинки с чумаками все же состоялось, что воспоминание о нем еще отзовется и в пристальном интересе к их быту, и в постижении чумацкого песенного фольклора на Украине, пятнадцатую годами позднее. — См.: [176, 136-141].

Сам же вид станицы ничего оригинального Глинке не преподносил. Расположившись на правом, крутом берегу Аксая, она была вся застроена деревянными, глиняными или саманными домиками под камышовыми крышами [143, 348] и выглядела достаточно эклектично и неряшливо, но, безусловно, совсем не бедно, о чем и написал другой современник Глинки — В. Броневский:

Изрядной архитектуры каменная церковь и другая, пониже, в половине горы, столь же хорошей наружности — первые бросаются в глаза. Далее, по скату крутого побережья, представляется город, деревня или станица, не знаю, как назвать. Тут мазанка, там, подобный блокгаузу, с небольшими, неправильно прорезанными амбразурами, крытый черепицею или железом каменный двухэтажный дом. Здесь — красивый деревянный, с дырявою крышею, с разбитыми окнами, а там — разбросаны хижины и палаты, крытые лубками, камышом, тростью, с железными ставнями и дверьми. Улицы расположены по крутому скату горы, узки и кривы, много развалин, пустырей, большая часть домов без заборов, или обнесены

¹ Неоконченная партитура была опрометчиво уничтожена Доном Педро. — См.: [177, 374].

такими, которые, упав на улицу, мешают проезду. Иные домики выжелтены, другие выбелены или, имея на себе натуральный цвет, от времени побуревший, украшены какими-то кривыми, короткими колоннами и красивыми, пестро размалеванными галереями и крыльцами. Строение вообще являет вид новый, странный и не совсем безобразный. На набережной *тихого Дона*, широко разлившегося, построены из лубков ряды, над крышею которых на жердях развешана *тарань*, запахом своим заражающая воздух; она составляет на Дону дешевое и лакомое блюдо для простого народа. Ряды и пред ними улица наполнены всякого рода товарами: в первых — сахар и деготь; апельсины и хомуты; бублики, инжир и драгоценные ткани дивятся, что встретились в одной лавочке; на улице кучами набросаны разное дреколье, [...] ржавые якоря и котлы. Аксай почитается богатейшею станицею на Дону и мог бы быть, судя по выгодному положению, одним из лучших городков в России, если бы не был прикрыт этою взорванною и замаранною по наружности мантиею [19, 9-10].

Но вот рыбный рынок у пристани мог произвести на Глинку и его товарищей неизгладимое впечатление своим богатством и разнобразием, вызывая ностальгические чувства даже у людей XXI века. Радोजицкий не пожалел красок, чтобы описать его:

Подлинно, здесь царство рыбной промышленности: по всему берегу множество всякой мелкой рыбы развешано у каждого дома на жердях и на крышах. Тут под высокими навесами у пристани развешаются янтарные балыки; там купают свежепросольную белужину; здесь перекалдывают свежих осетров; у берега в плетеных садках плещутся живые сазаны. Сколько предметов лакомства для охотников! Вся пристань заставлена большими и малыми судами с рыбою; одни привозят живую, другие нагружаются просольною и развозят вдаль [...] Дон, кормилец козаков, оживляет их промышленность; дает им красную рыбу и поит сладким вином. Как за это не любить его и не иметь к нему той родимой привязанности, которой мы столько в козаках удивляемся? [143, 349-350].

Дон, конечно, стал главным впечатлением Глинки на аксайской переправе. Это была первая великая русская река — да и вообще большая река! — которую ему удалось повидать. (Верховье Днепра, на котором расположился Смоленск, здесь не в счет — слишком узка и маломощна здесь эта река). На Волге и ее притоках Глинка не был никогда в жизни, на уральских или сибирских реках — и подавно. Он еще раз увидит Дон по пути назад и больше ни разу к нему не вернется... Зато в 1838 г. пред ним предстанет Днепр во всей его красе (в Киеве), в 30 — 50-х гг. он неоднократно повстречается с немецким Рейном и вдоволь поплавает по нему на пароходе, а в 1847-м прогуляется по берегам

испанского Гвадалквивира и проплывет по Дунаю от Регенсбурга до Вены. — См.: [176; 177].

Дон захватывал путешественника сразу же: «Явление нового предмета, подобно великолепной декорации с видом величественной реки, выдвинувшейся на сцену, принудило меня заняться рассмотрением оною», — писал В. Броневский [19, 8-9]. У одних панорама Дона вызывала, казалось бы, самые неожиданные ассоциации, даже с немецкой Саксонией — как, например, у Радожицкого:

Весь правый берег Дона ниже и выше Аксайской станицы усеян дачами и хуторами среди плодоносных садов [...] Любуясь сим берегом величественного Дона, я вспомнил Саксонию, цветущие берега Эльбы, усеянные мызами и садами; и по мере удаления от счастливого берега, забывался в приятных воспоминаниях прошедшего [143, 352].

Впрочем, как мы в свое время установили во II части «Странствий Глинки», В.А. Жуковский, будучи в Германии, на два года раньше Радожицкого с ностальгическим чувством сопоставлял виды окрестностей Дрездена и берегов Эльбы с родными русскими пейзажами [177, 18].

Других же охватывала настоящая волна эмоций — например, Н. Раевского около Аксайской:

Пообедав, выпросил шляпку и поехали назад водой. Вообрази ты себе берег нагорный, с разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами, и застроенный беспрерывными дачами на расстоянии сорока верст, в степном уголку земного шара, — ты можешь легко представить чувства смотрящего на сии картины человека, коего сердце к приятным чувствам открыто быть может [146, 521].

Сама же переправа через реку, которой воспользовался и Глинка, выглядела очень романтично, и Радожицкий писал также и о ней:

Переправа от Аксайской пристани почти во всякое время года бывает по воде на 7 верст в малых и больших лодках, смотря по тяжести и важности экипажей и обозов: две трети пути тянется бичевою вдоль берега против течения воды. Ширина рукава Аксая, равно как и Дона здесь не более 300 сажень (640 м. — С.Т.) весною и в половину менее летом, чрез которые плывут на веслах или при попутном ветре поднимают паруса; посему переправа редко может быть опасна [...] Переправляющихся высаживают против деревушки Махина. Тут для проезжающих по почте есть выставка лошадей. Казенная переправа производится на слабом пароме [143, 347-348, 353].

Но вот за переправой Глинке предстоял долгий, унылый и пустынный путь, и «взор не находил предметов приятных»¹. И с тоской писал об этом пути Юрий Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара», думая о Грибоедове и мысленно созерцая «безотрадный вид степи от Черкаска до Ставрополя»:

Дорога! Ах, долины, горы, то, се, колокольчик! Реки тоже, извивающиеся, так сказать, в светлых руслах своих! Небо со столь естественными на нем облаками! Ничуть не бывало: все это было видно и проезжено тридцать раз. Дорога и есть дорога. Жар, пыль и мухи. Оводы непрерывно жалют лошадей, и те ни с места.

Вроде бы верно, но ведь для юного Глинки все здесь было в новинку — он вообще впервые в жизни увидел настоящую дикую степь! И повторить этот опыт ему доведется лишь спустя двадцать с лишним лет — в Испании, причем в совершенно экзотическом антураже, на бескрайних выжженных равнинах Старой Кастилии или Ла-Манчи. Украина в 1838 году — не в счет, ведь Михаил Иванович тогда не покидал пределов лесостепной полосы (Черниговщина, Полтавщина, Киевщина и Слобожанщина). А ведь еще была весна, степь была совсем живая, и ее, по словам Глинки, покрывала густая, высокая ароматическая трава. Кстати, Пушкин ехавший той же дорогой, и тоже в мае, но на шесть лет позже, заметил, что «трава густеет и являет большую силу растительности» [136, 643]. Ароматические травы еще раз привлекли внимание Глинки во время этого путешествия, но уже в разгар лета и на возвышенности, в Кисловодске (см. комм. 14).

Конечно, следует напомнить и о бытовавшем в те времена куда более оптимистическом взгляде на этот степной путь. Радожницкий, например, полемизировал с теми, кто в воображении видел здесь только «пустынную, ужасную степь без пристанищ, без приюта» [143, 345]. А Раевский замечал, как преобразилась эта дорога буквально за несколько лет:

Мы вышли на левый берег Дона, сели в кареты и пустились в путь, 200 верст ехали землями, принадлежащими донскому войску, кои в мое время,

¹ Как все-таки могут иногда совпадать впечатления чутких и внимательных наблюдателей, даже не знакомых друг с другом! В. Броневский, проезжавший той же дорогой, только в обратном направлении, после Ростова заметил ровно то же, что и Глинка — *взору не на чем было остановиться*: «Ночь была теплая, дорога гладкая как стол [...] Боже мой! какая пустота [...]: как тихое море, покрытое голубым кристальным куполом, расстилась предо мною необозримая голая степь, на коей взор мой не находил ни одного предмета, на коем мог бы остановиться, отдохнуть (курсив мой. — С.Т.)» [19, 103].

равно и 170 верст Кавказской губернии [...], составляли степь безводную и необитаемую, и на всем сем расстоянии кроме одних землянок ничего не было, ныне ж нашел я большие селенья, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проезжающего [146, 522].

Замечу, что написано это за три года до путешествия Глинки.

И, пожалуй, самое главное — лежащее уже не только в области географической, но и в метафизической. Переправившись через Дон, Глинка буквально за миг попадал прямо в Азию — со всеми вытекающими отсюда последствиями: от расширения «поля зрения» до будущих творческих открытий! Но о значении этого события речь уже шла в главе I.

5. Вид теперешнего Пятигорска в то время был совершенно дикий, но величественный: домов было мало, церквей, садов вовсе не было: но так же, как и теперь, тянулся величественно хребет Кавказских гор, покрытых снегом, так же по равнине извивался ленточкой П о д к у м о к, и орлы во множестве ширяли по ясному небу.

Глинка и его спутники достигли цели своего путешествия, вероятно, на рубеже мая и июня 1823 г. (см. II). Относительно продолжительности пребывания на Горячих водах сам мемуарист ничего не пишет. Однако существуют косвенные данные, позволяющие высказать некоторые предположения по этому поводу. Глинка покинул Кавказские воды и двинулся в обратный путь в начале (и никак не позднее середины) августа (см. комм. 16). Таким образом, он провел здесь 2 — 2,5 месяца, и его курортный маршрут был стандартным (Горячие — Железные — Кислые воды). При этом лечение в Пятигорске обычно продолжалось три недели — месяц, а иногда и более¹, занимая такое же (или даже несколько большее) время, чем на Железных водах и в Кисловодске вместе². Следует учесть, что курс лечения горячими водами обычно завершался к самому концу июня или в июле.³ Затем, по словам И. Добродеева, «для совершенного укрепления больные отправляются к Нарзану», т. е.

¹ К примеру, М. Гершензон в свое время установил, что Пушкин с Раевскими в 1820 г. прожили на Горячих водах несколько более трех недель [36, 5-6]. Вообще же к середине столетия прочно укоренилась практика отводить на курс лечения в Пятигорске 4 — 8 недель [52, 61].

² По сведениям из книги К. Грум-Гржимайло, на водолечение в Железноводске и в Кисловодске полагалось затрачивать от одной до трех недель на каждом из курортов [52, 61].

³ Например, Пушкин и Раевские в 1820 г. покинули Горячие воды в самом начале июля, а И. Добродеев (1828 г.) — в конце этого месяца. — См.: [36, 6; 58, 145].

на Кислые воды, и очень часто заезжают еще и на воды Железные [58, 145]. Так поступил и Глинка. Можно предположить, что в Горячеводске он провел примерно месяц или несколько более месяца, до начала июля включительно, посвятив оставшееся время в июле и в начале августа лечению на двух других курортах (см. также I и комм. 16).

Как видим, молодого Глинку сразу же пленил совершенно дикий и одновременно величественный вид Пятигорья. И это не случайно — речь ведь идет о крае, который только-только начала осваивать цивилизация. Никакого города здесь в те времена еще не было и в помине, а существовало лишь поселение то ли военного, то ли курортного типа. Ему только предстояло преобразиться в настоящий город, и называлось оно в те времена *Горячеводск*¹. Имя же *Пятигорск* окончательно закрепилось лишь с 1830 года. Глинка в «Записках» называл это место именно так потому, что вспоминал о нем спустя три десятилетия, когда новое имя уже стало привычным.

Общий вид действительно был потрясающе живописен. Место для курорта избрано на редкость удачное. Он расположился на высоте более 500 м, на левом берегу излучины р. *Подкумок*², в окружении конусообразных вершин вулканического происхождения, одиноко и живописно вздымающихся над поверхностью земли³, на южном и юго-западном склоне г. *Машук* (высота 1050 м) и в ущелье (небольшой долине) между этой горой и ее отрогом — *Горячей горой*

¹ Во времена путешествия Глинки и несколько позднее бытовали еще и другие названия — *Серноводск*, *Мечук* (от названия горы Машук) [145, 404] и *Константиногорск* [129, 333; 143, 373] — по имени известной крепости, от которой ведет свою историю город. Крепость была заложена в 1780 г., неподалеку от Горячей горы, и тогда же военнослужащие гарнизона оценили целительную силу тамошних источников, хотя местные жители издавна знали об этом и вырубали на вершине Горячей горы каменные бассейны. Первые деревянные купальни появились в конце XVIII века на уступе горы, первая искусственная ванна была высечена в ее травертинах в 1803 г., первый деревянный дом для посетителей вод построили в 1812 г. Слава целебных вод распространялась быстро, и число курортников постоянно росло от десятков до сотен приезжающих в год (см. также I). Со второй половины 10-х годов позапрошлого века, при самом активном участии генерала А.П. Ермолова, началась тщательно спланированная застройка Горячеводска, постепенно разворачивались масштабные работы по благоустройству курорта. Уздным городом Пятигорск стал в 1827 г. — См. подробно: [24; 49; 54; 52, 110; 66].

² Немецкий путешественник Б. Егер описывал пейзаж весьма поэтично: у южного склона Мечука «излучиной змеится Подкумок, прорываясь через травы и цветущие луга» [200, 106]. (Обратим внимание на сходство: в «Записках» Глинки Подкумок извивался *ленточкой по равнине*). Реку длиной 160 км и шириной 20 — 28 м никак нельзя назвать могучей, но течение ее по каменистому руслу очень быстро. Она берет начало из родников в горах. Немного ниже Георгиевска впадает в р. Куму. — См.: [66; 194, т. XXIV, 87].

³ Из них самая выдающаяся и высокая — г. Бештау (1400 м).

(557 м)¹, из которой, собственно, и бьют знаменитые целебные источники. Местность тогда была достаточно пустынна и небогата лесами, облюбовавшими главным образом склоны окрестных гор; покрыт лиственным лесом и Машук². Вот что увидел тем же летом 1823 года И. Раджицкий, когда бросил первый взгляд на будущий Пятигорск:

Подъезжая к Мечуку³, я увидел по каменистой его отлогости в небольшой ложине стелющийся городок, с белыми домиками, и на южной стороне отдельный род галерей с колоннадою⁴ [...] При въезде стоят две пушки и лагерь пехотных войск, далее козачий пикет. После сего место сие не представляет никакой опасности [...] Обеспечение тут со всех сторон: позади высокая и до половины покрытая кустарником вершина горы Мечук, на флангах караулы, а впереди под крутыми утесами протекает Подкумок, за которым открытое пространство степи. Так сама Природа положила источник исцеления в месте наиболее безопасном [145, 403-404]⁵!

Ф.А. Баталин в книге «Пятигорский край и Кавказские Минеральные воды» (1861) напомнил о том, какой замечательный вид открывался в недалеком прошлом современникам Глинки:

Вообще картина, которая представлялась взорам новоприбывшего на воды при въезде в Горячеводскую долину, поражала своей необыкновенностью: она зараз напоминала и военный лагерь, и шумную провинциальную ярмарку, и столичный пикник, и цыганский табор. Величественный Бештау с своею остроконечною вершиною, зеленеющая Машука, скалистая Горячая гора, источник горячей воды, каскадами свержавшийся с возвышения, — увеличивали оригинальность этой картины⁶.

¹ Начинаясь от нынешнего курортного района Провал, вдоль южной границы парка «Цветник», Горячая гора вытянулась до современного центра города. На ее отвесном склоне видны слоистые пористые складки, многочисленные углубления-«гrotты», образованные травертинами [66].

² Дуб, терновник, миндаль, кусты бузины и проч. [200, 106].

³ Гора Машук.

⁴ Скорей всего, имеются в виду Ермоловские ванны (см. комм. 10).

⁵ А.П. Нелюбин по впечатлениям того же знаменательного лета дал подробное описание панорамы Горячеводска (хотя и несколько запутанное): «Селение сие занимает небольшую долину, лежащую между Южною и Юго-Западною передовою горою Машуки, образуя неправильный треугольник, коего острый угол обращен к Кислозерному источнику, один бок прилегает к Южной передовой горе и Главному источнику горячей воды, а противоположный бок огибают подошву Юго-Западной передовой горы и оканчивается близ передового поста лагеря, откуда по прямой линии к Солдатской слободке составляет основание площади сего треугольника». — Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб.: 1825. — Приведено по: [114].

⁶ Баталин, Ф.А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные воды. В 2 ч. СПб.: Типограф, деп. уделов, 1861. — Приведено по: [114].

Михаил Иванович, как всегда, совершенно точен в своих наблюдениях, когда пишет о том, что «домов было мало, церквей, садов вовсе не было». И действительно, Радожицкий насчитал в тогдашнем Пятигорске всего 60 домов [145, 404]. Ровно столько же — «до 60 домов, домиков и лачужек» — заметил здесь и Н. Раевский тремя годами раньше [146, 523]. Нелюбин приводил похожие цифры за 1823 год — «всего 29 домов и 21 флигель, принадлежащие частным лицам». И дотошно пересчитал даже комнаты: «В сих домах и флигелях, отдаваемых внаймы, имеется 270 комнат, 40 кухонь и очагов, несколько подвалов и потребное число сараев»¹. Надо сказать, что для Глинки столь ограниченные возможности найма квартиры имели определенное значение, но об этом речь пойдет в комм. 6. В общем, количество домов было характерно более для села, чем для города. То же можно сказать и об улицах. Их было всего несколько на пространстве половины квадратной версты. При этом продольные пересекались поперечными: 3 главные, 3 вновь застраивавшиеся, одна поперечная и один переулок². А в 1820-м, судя по письму Раевского, улиц было и того меньше — всего две [146, 523]. Да и несколькими годами позднее Нефедьев наблюдал при въезде в Пятигорск вполне деревенскую картину — правда, неожиданно наполнившуюся городскими лицами и приметами быта: «Вдруг показалась линия небольших солдатских домиков, расположенных по берегу Подкумка. На дворах экипажи и палатки, и в маленьких окнах хижин различные обращенные к нам головы мужчин и дам, в чепчиках и шляпках, в колпаках и просто в волосах, удостоверляли, что здесь начинаются квартиры посетителей» [115, 38-39]. Однако удивительно, что иностранец Егер все-таки уже в те времена считал, что на Горячих источниках «сейчас основан красивый город (подчеркнуто мною. — С.Т.) с регулярными, прямыми, широкими улицами» [200, 106]. А тот же Нефедьев в 1827 г. и вовсе пришел в восторг от вида Горячеводска: «Я оглянулся направо, и — удивление поразило меня! Цепь каменного утеса по правую сторону дороги, не обещавшая конца, в одно мгновение исчезла, и треугольная лощина, вдавшись узким концом в недра Машуки, явила картину совершенно волшебную!» Он явно не ожидал

¹ Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114]. Однако Б. Егер в 1825 г. увидел уже 70 домов [200, 106]. А к середине 50-х годов здесь насчитывалось более 550 домов [52, 110]. Так что прогресс в деле строительства, безусловно, имел место.

² См.: Там же.

увидеть здесь «правильную улицу, образованную с одной стороны вообще весьма красивыми домами, а с другой утесом, откуда горячие источники с шумом низвергаются» [115, 39-40].

Таким образом, Пятигорск почти с самого начала своей истории имел вполне оправданные городские амбиции и обладал соответствующим шармом! Возможно, потому, что город строился по плану, к которому в свое время приложил руку сам генерал Ермолов, и даже существовал альбом, содержащий «высочайше утвержденные гравированные чертежи кварталов», которым следовало руководствоваться архитекторам [17]¹.

Дома были преимущественно оштукатуренные деревянные и одноэтажные, в пять окон по уличному фасаду [17]. И это создавало определенные неудобства курортникам. С. Нечаев писал тем же летом 1823-го:

Исключая двух домов Кизлярского купца Орешева, все другие на горячих водах построены в один этаж и почти все покрыты тростником. Если б они были выше и сложены из камня, который, в нескольких шагах, рыть можно из Машуки², живущие находили бы в них более прохлады в летние жары. Впрочем, в полдень солнце стоит здесь так высоко, что совершенно заслоняется крышею и в комнаты не заходит. Чтoб защититься и от знойного воздуха, по восточному обыкновению, затворяют ставни [117, 30-31].

Предохранительные меры от жары были особенно актуальны и потому, что бульвар с насаженными деревьями около кислосерного ручья будет устроен только в конце 1827 г. [115, 41], и от обжигающего летнего солнца попросту не оставалось куда спрятаться. Даже подобия какого-либо парка в этих местах еще не существовало³. Впрочем, в этом путешествии Глинке не везло с садами — он их не повидал и на Кислых водах (см. комм. 14). В Пятигорске же парк разобьют только в 1829 г., на месте болота, которое образовала вода из сероводородных источников. И в самом центре городка протекал по мелким камням ручей минеральной воды, запах которой, по словам

¹ Картина застройки Горячеводска будет неполной, если не упомянуть о Казенном здании с небольшой гостиницей и аптекой. Аптеку предполагали учредить еще летом 1822 г., а в апреле 1823 г. это было предписано Высочайшим указом [120, 625-626; 149, 620]. В том же строении же располагалась чертежная Строительной комиссии.

² «Камень песчано-известковый, серого цвета, добывают из горы. Доставка леса затруднительна», — писал И. Радожицкий [145, 404]. Первое частное каменное здание — дом генерала Мерлини — было построено из местного камня до 1822 года, т. е. еще до приезда Глинки. — См.: [17; 114].

³ Через тридцать лет К. Грум-Гржимайло насчитал в Пятигорске уже 2 публичных и 17 частных садов [52, 110].

современника, «не услаждает обоняние»; излишки воды из купален просто стекали вниз по горе [19, 33]. По воспоминаниям А. Розена, и в конце 30-х годов «при тихой погоде летом, при тумане зимою [...] по всему городу распространяется сильный серный запах» [152, 368]. Можно представить себе, как это раздражало «мимозного» Глинку — наверное, никак не меньше, чем постоянно преследовавший запах угольной пыли в Венеции десятью годами позже!

Конечно, вся бегло набросанная мною картина производит впечатление глухомани, погруженной в перманентную стройку, что никаких особых удобств приезжим не сулило. Но можно порадовать читателя и тем, что совсем незадолго до приезда Глинки дела обстояли много хуже. Жить курортникам зачастую было попросту негде — поэтому устраивались кто как мог: то ли в слободке при Константиногорской крепости, в трех — четырех верстах от строящегося города (это был удел людей достаточных или тяжело больных¹), то ли вблизи источников — в походных палатках или шалашах из тростника, наконец, в войлочных калмыцких кибитках, сдаваемых внаем. Н. Раевский писал: «[...] Нанимают калмыцкие кибитки, палатки, и располагаются лагерями, где кому полюбится, и как будто подделываются нестройной здесь природе» [146, 523]. Примечательно, что для его семейства и Пушкина был снят дом в Константиногорской крепости, на определенном отдалении от целебных источников [186]. Такое положение сохранялось и всего за год до прибытия Глинки. В 1825 г. Б. Егер писал: «Еще три года назад (то есть в 1822 г. — С.Т.) здесь все купальщики проживали в войлочных шатрах или на расстоянии четырех верст, в Константиногорской крепости» [200, 99].

Трудно объяснить подобное совпадение, но как раз ко времени приезда Глинки в 1823 году город начал интенсивно расти и благоустраиваться. Он расширялся географически, постепенно охватывая новые территории. Продолжалась разбивка новых городских кварталов. Работы были в самом разгаре. Началась прокладка новых дорог. Еще в 1822 году по инициативе генерала Ермолова была создана Строительная комиссия для устройства курорта и приглашены талантливые архитекторы, братья Джованни и Джузеппе Бернардацци, чей вклад в создание привлекательного облика будущих Пятигорска и Кисловодска совершенно неосценим

¹ См.: Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

(см. комм. 6, 7, 10, 14). Примечательно, что именно в 1823 году Горячеводск окончательно отказался от калмыцких кибиток как пристанища посетителей¹.

На фоне этих нововведений как на дрожжах вырастал оптимизм по поводу будущего Кавказских вод. Г. Гераков еще в 1820 г. писал: «Ермолов разводит сад (в Горячеводске. — С.Т.), и ежели несколько лет пройдет с таким попечением от начальства, то уверен, что вся Европа *оставит свои воды, и будет приезжать за здоровьем на Кавказ* (курсив мой. — С.Т.)» [35, 100-101]. И. Раджицкий летом 1823-го даже впадал в эйфорию, выражая свои мысли уж вовсе метафорично и высокопарно: «Город *Мечук* [...] вырастает магическою силою, как будто накипом от серногорячих вод» [145, 405]. И строил радужные прожекты относительно будущего: «Правительство обратило особенное внимание на [...] приспособление всяких удобностей для посетителей; на таковой предмет [...] определена уже от казны нужная сумма денег, и принимаются к исполнению сего с деятельностью; заготовляют и свозят различные материалы, так что *через несколько лет, может быть, и у нас будет свой Карлсбад* (курсив мой. — С.Т.)» [143, 373]. И действительно, в 1832 году В. Броневский заметил: «Пятигорск и при самом начале существования своего, еще не планированный, не вымощенный, и без тротуаров — очень походит на Немецкий городок, весьма опрятный и регулярный» [19, 32]. В 1825 г. П. Свиньин заявлял, что Горячие воды «старанием попечительного начальства здешнего, вероятно, вскорости сравнятся с иностранными и насчет разных удобностей жизни; — превосходя несравненно оные качеством и силою целебных свойств своих» [156, 254]. Правда, холодным душем на всех четверых оптимистов могли бы пролиться слова немецкого путешественника, сказанные в том же 1825-м: «Область горячих источников была бы прекрасной, если бы искусство хоть в некоторой степени могло прийти на помощь природе. *Но не хватает людей, и они ленивы*», — делал Б. Егер скептический вывод по поводу происходящего на водах [200, 100].

Однако следует согласиться, что комфорт в значительной мере убивает ощущение первозданности и величия природы, о чем с проницательностью поведал Пушкин, захавший на Горячие воды из Георгиевска всего на день, по пути в Арзрум, свернув для этого с прямой дороги на Владикавказ:

¹ О быстром изменении облика тогдашнего Горячеводска и о том, с какими строительными мероприятиями это было сопряжено, см. подробно: [17; 49; 54].

Здесь нашел я большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался [136, 644-645].

Но и Глинка ведь был прав, когда писал в 1854-м: «Так же, как и теперь, тянулся величественно хребет Кавказских гор, покрытых снегом», — вдруг запнувшись, подумав и вычеркнув стоявшее рядом с оборотом «как и теперь» слово «вероятно». И словно вторя строкам юношеской поэмы Лермонтова «Аул Бастунджи»:

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.

Действительно, какая неопределенность может существовать рядом с этим поистине вечным пейзажем, недаром Глинка дважды и почти что рядом применяет к нему определение «величественный»! Вспомним о поистине пророческом смехе Грибоедова, взглядывавшегося в горную цепь Кавказа, а по сути дела — в вечность («Смерть Вазир-Мухтара», см. II).

Этот вид, открывавшийся из Горячеводска/Пятигорска, врезался в память многим поэтическим натурам, постигавшим тогда Кавказ. Немец Егер, к примеру, восхищался возможностью «видеть на расстоянии несколько рядом стоящих небесно-голубых пирамид» [200, 106]. А С. Нечаев в 1823-м высказывался по этому поводу куда более развернуто:

С подножия Машуки, где устраивается местечко для посетителей, показываются снеговые горы, как зубчатая, сплошная стена, соединяющая две крайние твердыни: Эльбрус и Казбек. Очарованный житель равнин с трудом может поверить, что сия великолепная гряда тянется пред его

глазами более нежели на двести верст и отстоит от него на таковое же пространство. К ней прилегают другие, так называемые Черные горы, покрытые лесом, изрытые вертепами. Горный хребет, надменно возвышающийся позади волнообразных увалов Кабарды, для живущих на горячих водах есть зрелище *единственное* во всех значениях этого слова» [117, 27-28].

Дополняет картину наблюдение Н. Нефедьева относительно вида, открывающегося от ванн на Горячей горе:

[...] Расселины с kloчочущими внутри горячими источниками; звук пустоты, раздающийся под ногами, заставляет размышлять о происхождении сего утеса (предгория Машуки); внизу вьется чуть приметная дорожка из Георгиевска; за нею по зелени мелькают быстрые струи речки Подкумка; далее простирается равнина до самых снежных гор, которые за сто и более верст представляют великолепную перспективу, украшенную пирамидами горы Шат (Эльборус), имеющей большое сходство с двумя рядом стоящими сахарными головами [115, 48].

Созерцание этой панорамы к лермонтовским временам вошло в привычку, о чем свидетельствуют строки из «Героя нашего времени»: «На крутой скале, где построен павильон, называемый Золовой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус» [80, 67]. Но при Глинке ни павильона, ни телескопа еще не было.

А теперь об орлах... Михаил Иванович упоминает о них в комментируемом фрагменте «Записок» дважды, причем возвращается к теме всего лишь через два абзаца: орлы то «*во множестве ширяли по ясному небу*», то «*летали почти над головами*» (уже на Железных водах, см. комм. 11). Надо сказать, что эти гордые птицы густо заселили русский литературный Кавказ того времени — от Жуковского до Пушкина и Лермонтова. Куда они летели в воображении юного Глинки? Звать к свободе, как орел из пушкинского «Узника», созданного всего за год до описываемых событий?

Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

Или, может быть, хищные птицы устремлялись к кавказским вершинам клевать печень прикованного где-то неподалеку Прометея? Кто знает...

Орлы то являлись в неподвижной тишине гор, как у Пушкина:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
(А.С. Пушкин. *Кавказ*)

То — у Лермонтова — оглашая спящие горные вершины
призывными криками:

И, спавшие под сению скалы,
Взвились с криком дикие орлы.
(М.Ю. Лермонтов. *Аул Бастунджи*)

С незапамятной поры и по сей день орлы продолжают летать, парить и даже ширять над горами Кавказа! Еще Пушкин приметил их в этих местах: «Орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников» [136, 643]. Словарь Брокгауз — Ефрон сообщал, что в Пятигорском округе «встречаются пышные горные луга и скалы, на которых водятся орлы, грифы» [194, т. XXVA, 939]. И наш современник, историк В. Шкерин, описывая дорогу из Пятигорска в Кисловодск, говорит о том же: «Неприступные кручи будто созданы для орлиных гнёзд. Орлы-могильники, самые распространенные из пернатых хищников Кавказа, и сегодня кружат в небе над окрестностями Кисловодска. Жёлто-бурый цвет оперения взрослых птиц хорошо скрывает их на фоне скал ущелья» [190]. А на обрывах гнездятся еще и соколы, и белоголовые сипы [66].

Во времена Глинки орел был почти непременным участником черкесских воинских состязаний. И. Добродеев, описывая черкесский байрам (1828), замечал: «Лошадь летит, и черкес, не доезжая шагов двадцать до цели, успевает вынуть из чехла свое ружье и редкий дает промах. Некоторые пускают стрелы в орлов, коих в сей стране находится очень много» [56, 225]. А бывало, что образ легендарной птицы залетал и в адыгские народные танцы — причем самым экзотическим образом. Этнограф Б. Бгажноков, наблюдая за динамикой быстрых парных танцев черкесов, отмечал «впечатление, что мужчина как орел парит над девушкой» [11, 61]¹.

На Горячей горе, около Александровского источника, в котором принимал ванны и Глинка, в самом начале XX века поставлена

¹ См. также комм. 8.

скульптура гордой птицы, воплотившая мотив горской легенды «об орле, смертельно ужаленном змеей и нашедшем избавление от неминуемой гибели в струе целебной воды». С тех пор это скульптурное изображение стало символом всех Кавказских Минеральных Вод [17; 66]¹.

О том, как протекала жизнь Глинки в Горячеводске, какие бытовые удобства и трудности его там ожидали, как он проводил время, с кем мог общаться и как проходило его водолечение, какие развлечения мог тогда предложить этот городок, и о публике, которая его посещала, см. в комм. 6, 7, 10.

6. Я с товарищами поселился в скромном домике. Житье было приятное: товарищ привез запас книг, кухня была в порядке: отличная баранина, куры, дичь и превосходнейшие овощи давали нашим поварам возможность хорошо кормить нас, а сантауринское вино (которое я и теперь еще пью охотно) заменяло нам дорогие ф р я ж с к и е вина. Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске.

В «Записках» Глинка сообщает о своем жилище на Горячих водах только то, что поселился с товарищами в скромном домике. Правда, что это был за домик, уже установлено, а имя Глинки обнаружено в «Ведомостях посетителей Горячих вод в сезон 1823 года», где сделана запись: «Глинка Михайло Иванович, отставной 10 класса, при нем крепостных два человека [...] в доме надворной советницы Хандаковой»². Данные о Михаиле Ивановиче в этом документе верны, так как, во-первых, он сам в свое время счел нужным заметить, что «в начале лета 1822 года [...] был выпущен (из Благородного пансиона. — С.Т.) первым, с правом на чин 10 класса» [42, 222]³, а во-вторых, при нем действительно были два крепостных человека — бывший его дядька по имени Илья и повар Афанасий Кириллович (см. комм. 1).

Хорошо известно пристрастие Глинки к скромным квартирам, притом расположенным в центре городов, где он останавливался. Так было и в немецком Эмсе, и в Вене, и в Мадриде, и во многих других

¹ Путеводитель советских времен рекомендует обратить внимание и на подобную скульптуру в Кисловодске [66].

² Приведено по: [185].

³ Эти слова Глинки находят подтверждение и в соответствующем документе — «Списке воспитанников Благородного Университетского Пансиона...», где значится: «Глинка Михайло. Сын капитана Глинки [...] Причина выбытия. С чином 10 класса» [161, 417].

местах¹. Однако, судя по отзывам современников, дом Хандаковой был одним из лучших на Горячих водах и по тогдашним тамошним меркам слыл даже богатым, явно выделявшимся убранством среди других! Так, А.П. Нелюбин записывал свои впечатления 1823-го года: «Из магазинов и лавок достопримечательны находящиеся в доме генерал-майора Мерлини и г-жи Хандаковой [...] В лавке под домом г-жи Хандаковой блистала роскошь Востока, как то: турецкие платки, персидские ковры, кашемировые ткани и шелковые материи, употребляемые азиатскими народами»². Из материалов архива Управления Кавказскими Минеральными Водами (переписка об отводе мест под дома частных лиц) следует, что дом Хандаковой, как и другие известные на заре истории Пятигорска строения, принадлежавшие Реброву, Мерлини, Чернявскому и др., был построен до 1822 года. Причем, по мнению историка С. Недумова, только эти немногочисленные деревянные дома (а каменный-то в это время в частных руках был лишь один!) выделялись на общем фоне «своей величиной и красотой архитектуры» [114]. Но на Плане Пятигорска, составленном в 1831 г. архитектором Иосифом Бернардацци (см. вкладку, илл. 2)³, этот дом как самостоятельная единица уже отсутствует. В. Хачиков выдвинул вполне обоснованное предположение о том, что он был сначала продан купцу Орлову, а вскоре после того перепродан им помещику Кизлярского уезда Варлааму Арешеву, удачно занимавшемуся коммерцией. Таким образом, домовладение Хандаковой к 1831 году оказалось в границах усадьбы Арешева, существовавшей и ранее [185]. На Плане она значится под № 15, как «дом помещиков Оршевых»⁴.

Дом Хандаковой, судя по Плану, находился в самом центре городка, буквально в полутора сотнях метров от подножия Горячей горы, откуда били целебные ключи, и в непосредственной близости от Александровских и Ермоловских ванн, на расстоянии в полверсты от кисло-серного (Елизаветинского) источника⁵. А ими-то

¹ Об этой привычке Глинки см. подробнее в предыдущих книгах «Странствий Глинки» [175; 177].

² Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

³ Приводится по источнику: [124]. См. также этот план Пятигорска в статье А. Коваленко [71].

⁴ Существуют разночтения в написании этой фамилии.

⁵ Местоположение этих строений обозначено на Плане соответственно литерами а, b, s (см. илл. 2).

преимущественно и пользовался Глинка (см. комм. 10)¹. И где-то совсем рядом, наверное, играл духовой оркестр (см. ниже), но о нем, как и о каком-либо ином музыкальном впечатлении в Горячеводске (за исключением пляски черкешенок, конечно!), Михаил Иванович не считал нужным что-нибудь припомнить — видимо, маловато их было...

В. Хачиков сообщает, что хозяйка дома, госпожа Хандакова, — «это супруга советника губернской казенной палаты, ибо в Георгиевске тогда вряд ли могло оказаться два чиновника такого ранга с одинаковой фамилией». И выдвигает две взаимоисключающие версии: по одной из них, Хандаков по ряду обстоятельств произвел «запись семейного домовладения на жену», а затем, выйдя в отставку и продав дом, удалился куда-нибудь в Центральную Россию; по другой же — этот чиновник за некое неопределенное время до 1823 года умер [185]. Однако удалось совершенно точно установить, что Хандакова к приезду Глинки уже десять лет как была вдовой! А супруг ее скончался еще в 1813 г. Это следует из Рапорта гражданского губернатора от 6 августа 1813 г., повествующего о почти детективных событиях, развернувшихся в Георгиевске еще на рубеже 1812 и 1813 гг. и связанных с обнаружением фактов мошенничества и коррупции, к выявлению которых был причастен и Хандаков. Относительно него там с замечательной тяжеловесностью сказано следующее: «Советник Казенной палаты Хандаков, который после того помер, что до приезда и по прибытии в Георгиевск Соковнина, накануне смерти гражданского губернатора Брискорна, был одержим он тяжкой болезнью» [148, 359].

Дома, где Глинка останавливался на Горячих водах, давно уже нет. Сейчас место, где он когда-то стоял, находится на территории санатория «Руно» [183]. Какой вид на окрестности открывался из окна Глинки, сейчас с точностью определить трудно. Но, может быть,

¹ Еще в декабре 1824 г. И. Раджицкий заранее обещал подыскать квартиру в Горячеводске на будущее лето издателю «Отечественных записок» П. Свиньину; при этом строго рекомендовал нанять ее «около ванн» и приехать в мае [144, 125-126]. А ведь Глинка поступил точно так же! Надо сказать, что предусмотрительность Раджицкого была совсем не лишней. Иначе не обойтись без коллизий с поиском жилья; их живо описал В. Броневский: «При начале курса, когда все посетители живут в Пятигорске, во всем городе только одна комнатка в ресторации (ее еще не существовало во время приезда Глинки. — С.Т.) и другой чулан в доме Арешева отдаются в наем по суткам; если они заняты, что по великому числу всякой день вновь приезжающих почти всегда случается, то приезжий не выходя из экипажа, часто ночью и под проливным дождем должен искать квартиру по домам и не иначе как на весь курс. Никто на двор не пустит, если не заплатишь всех денег вперед. В такой торопливости нанимают квартиру, какая попадется: тут торгу нет, и хозяин берет, что ему рассудится» [19, 40-41].

чем-то похожий на тот, который так приглянулся Печорину? Ведь Лермонтов поселил своего героя явно неподалеку от бывшего дома Хандаковой — в той части города вообще все было близко! Заглянем в дневник Печорина:

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли¹. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом... *Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?*.. (курсив мой. — С.Т.) [80, 66].

Примечательная аналогия: примерно в то же самое время, когда Лермонтов создавал «Героя нашего времени» (1838 — 1839 гг.), Шопен был на Мальорке вместе с Жорж Санд и в тех же тонах (иногда вплоть до совпадения!) восхищался тамошней природой в письме Ю. Фонтане от 15 ноября 1838 г.:

Небо, как бирюза. Море, как лазурь. Горы, как изумруд. Воздух, как на небесах. Днем солнце [...] Словом, чудесная жизнь! [191, 363].

Между прочим, вполне экзотический вид на Машук, а за ним — и на пятиглавую вершину Бештау в деталях запечатлен на гравюре И. Бернардацци «Вид вершины Машука и Бештовой горы с окрестностями», сопровождающей его План (см. также комм. 5).

Дорого ли Глинке и его спутниками обошлось их горячеводское пристанище? Ответить на этот вопрос точно, конечно же, не представляется возможным, но все же думается, что совсем недешево. Причем соотношение цены и качества оставляло желать лучшего.

¹ О том, как Глинку и его товарищей здесь же, на водах, однажды накрыло облако, см. в комм. 11.

Доискиваясь причин поистине умопомрачительной стоимости аренды жилья на водах именно в 1823 г. — как, впрочем, и в другие годы, — С. Нечаев писал о непомерной дальности и дороговизне маршрутов подвоза стройматериалов на Горячие воды и задавался резонным вопросом: «Можно ли после сего дивиться, что порядочный дом становится здесь впятеро дороже, нежели в Москве (sic!), и впятеро берут за наем его в кратковременное пребывание больных?» [117, 31-32]. В том же году И. Радужицкий сообщал, что Горячеводск застроен домами, «в которых помещается с удобностью по несколько семейств из приезжих», причем они «беспрестанно выстраиваются деревянные и каменные; ибо [...] доставляют жителям значительный прибыль». И тут же указывал плату за постой в месяц: от 300 до 700 или даже до 1000 руб. [145, 404-405]. Правда, В. Броневский, по наблюдениям начала 30-х годов, приводил более скромные цены: «За отделение в три или четыре комнатки с особою кухнею и прочей прислугою [...] платится на весь курс, считая с 1 мая по 1 октября, от 400 до 600 рублей» [19, 37-38]. То ли он ведет речь о квартирах, неудачно расположенных (далеко от источников), то ли цены на жилье в Пятигорске к этому времени действительно снизились¹. Бальнеолог Ф.А. Баталин, изучив уже в середине века давние описания Пятигорска и устные рассказы местных обитателей, писал о той же дороговизне: наемная плата была очень высока — в слободке для большой семьи она составляла по меньшей мере 750 руб.², а для одинокого человека — 250 руб. Поближе к Горячему источнику цены и вовсе «кусались» — даже за казенную кибитку взималось 25 руб. в месяц (но таковых было очень

¹ Вместе с тем, и в конце 30-х годов дороговизна на Кавказских водах и, в частности, в Пятигорске, вкупе с другими неудобствами отпугивала многих потенциальных курортников. А. Розен писал: «Если город и число жителей увеличились не довольно скоро и значительно, то причиною тому не минеральные воды, не врачи местные, не климат, но дальнейшее расстояние, неудобства на пути от самого Харькова, по донской земле, где не было станций для ночлега. Кроме того, расходы на пути, пребывание на водах стоят дороже, чем поездка в Баден-Баден или в Виши, чем жизнь за границей, где дешевле и в двадцать раз лучше можно иметь квартиру и стол, все готово, все отборно» [152, 370-371].

² Здесь явно имеется в виду плата за месяц в «высокий» сезон, и именно для Пятигорска — то есть в июне. При этом бытовые условия в Солдатской слободке и в начале тридцатых годов оставались самыми скромными. Здесь, по словам В. Броневского, на узкой дороге расположились «несколько хижин или мазанок снаружи опятных, но столь маленьких и низких, что если войти в горенку и лечь на лавку, то одною рукою можно достать окно, другою дверь, а ногою коснуться потолка»; были там «домики и в три и в пять окон по фасаду, в коих 100 комнат отдаются в наем за сходную цену» [19, 31].

мало); обычно же за кибитку отдавали до 100 рублей в месяц¹. Профессор Нелюбин дал обобщающую характеристику цен на жилье относительно всех Кавказских минеральных вод, отметив, что наём квартир являлся главной издержкой для посетителей и зависел от качества дома и его удобства, количества комнат, наконец, от близости к источникам². Сезонные колебания цен на жилье были значительны: одна и та же квартира в разные летние месяцы стоила по-разному. Дороже всего — в июне, когда основная масса курортников собиралась в будущем Пятигорске, потому что именно оттуда начинался нормативный «тур» по Кавказским водам (см. I). Зато, по словам Нелюбина, «в июле месяце платится [...] только половина, а в августе — одна четвертая доля»³. Напомню, что Глинка гостил на Горячих водах как раз в самый «дорогой» период — в июне. Исходя из этого, а также учитывая и удобное расположение дома Хандаковой, и количество постояльцев (а их — без прислуги — выходит никак не меньше пяти или даже более того, потому что доктор Быковский был с семейством), за свое скромное жилище все вместе могли заплатить сумму, приближающуюся к 1000 руб., а то и больше. Что же касается Глинки (вернее, его родителей), то за проживание на Горячих водах было отдано, вероятно, никак не менее двух — трех сотен рублей, а это по тем временам было суммой совсем немалой: Глинка и его спутники могли позволить себе квартировать совсем недешево, даже по местным меркам!

И все же качество жилых помещений в Горячеводске тогда соответствовало самым спартанским меркам, по поводу чего С. Недумов замечал: «Внутри дома разделялись перегородками на несколько комнат, которые сдавались приезжим внаем. Стены комнат обиты шпалерами или же оштукатурены и побелены. Снаружи немногие дома были обшиты тесом, большинство же обмазаны глиной. Только один дом был покрыт железом. Остальные [...] соломой, смазанной глиной» [114]. Хотя тогдашние посетители Пятигорска и в этой скудости могли обнаружить начатки комфорта, великодушно прощая неурядицы:

Как все здешние дома построены для приезжих, то внутреннее расположение оных удобно. Комнаты содержатся довольно опрятно:

¹ Баталин Ф.А. «Пятигорский край и Кавказские минеральные воды». В 2 т. СПб.: 1861. — Приведено по: [114].

² Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

³ Там же.

снаружи оштукатурены, внутри обклеены оберточной бумагой, разными колерами раскрашенной. [...] Впрочем, хотя в окна дует, и двери не притворяются, но все нужное есть: и сараи для экипажей, и кухни, и погреба, и чуланы [19, 37].

И все же Н. Нефедьев с изрядным раздражением высказался о соотношении высоких цен и качества предоставляемых услуг:

Квартиры нанимаются весьма дорогою ценою [...] Н.В. платил в месяц до 600 рублей за пять комнат. Это доказывает, что хозяева домов большие знатоки в своих расчетах, простирающихся иногда и далее; например: в нашей квартире было четыре или пять стульев дурной работы с изломанными ножками, и два таких же стола. Такой скромной мебели было недостаточно, но хозяйка *по особенной благосклонности*, вывела нас из затруднения, предложив из собственных покоев своих круглый стол красного дерева, зеркало и два кресла — на прокат за 100 рублей в месяц! [115, 50-51]¹.

Правда, насчет цен горячеводского жилья и предоставляемых им удобств сохранилось и «альтернативное» наблюдение Г.В. Геракова (1820 г.), преисполненное оптимизма, смешанного вдобавок со свойственным этому автору прямолинейным патриотическим задором:

Остановились в чистом доме с мебелью, прямо против горячих вод, — десять рублей в сутки (вероятно, с персоны, и тогда это примерно сходится с данными других посетителей вод, приведенными выше. — С.Т.). В чужих краях гораздо более платят; здесь сколько хочешь сиди в ваннах, ничего не платишь, а там за все плати [35, 98-99].

Да и Глинка о каких-либо неурядицах в его «скромном домике» ничего не пишет: то ли у Хандаковой все было обустроено достаточно комфортно (по тем временам, конечно!), то ли в молодости на такие мелочи не обращают внимания... (Правда, радостному Геракову в ту пору было уже под пятьдесят!) Но и сами представления Глинки об удобствах быта менялись с годами, и длительные периоды пребывания за рубежом, начиная с тридцатых годов и до конца жизни, должны были приучать к другому. Социолог и историк С. Экштут заметил, что «в европейских странах наблюдался

¹ Внутреннее убранство помещений продолжало смущать курортников и в тридцатые годы: «Мебель [...] не очень благовидна и состоит из простых деревянных скамей, столов и разнокалиберных стульев; есть и картинки лубочной печати, есть портреты китайской живописи [...] Есть и бракованные Московских фабрик зеркала, в которых и самое прелестное личико покажется безобразным, готическим» [19, 37].

ощутимый рост бытового комфорта, отсутствие которого в России людьми образованными воспринималось довольно болезненно». И привел по этому поводу меткое высказывание Ф. Тютчева: «Я не без грусти расстался с этим *гнилым* Западом, таким чистым и комфортабельным, чтобы вернуться в эту многообещающую в будущем грязь милой родины. Переход чрезвычайно резок [...] Теперь поняли, наконец, что семейная жизнь имеет свою поэзию. Может быть, когда-нибудь признают так-же бесспорную поэзию комфорта»¹.

Возвращаясь к скромным горячеводским условиям, подчеркну одно важное обстоятельство: судить по вышеприведенным данным о тотальной дороговизне жизни на кавказских водах было бы несправедливо. Не случайно Нефедьев, а позднее и Броневский, замечали, что все, кроме наемного жилья, здесь очень дешево [19, 38; 115, 50]. В этой связи самое время сказать о съестных припасах, поскольку вопрос о «вкусной и здоровой пище» всегда занимал Глинку — правда, выражаясь его словами, сказанными по другому поводу, «*в меру, а не чрез меру*» [42, 256]². Гастрономическим пристрастиям Михаила Ивановича в Горячеводске было где развернуться. Местные прилавки являли собою картину полного изобилия. Причем, как можно установить по Плану (илл. 2), находились в непосредственной близости от дома, где он остановился. В мельчайших деталях это гастрономическое буйство описал Нелюбин:

В ряду балаганов, находящихся во второй улице и примыкающих к подошве Юго-Западной передовой горы Машуки, продавались: чай, сахар, кофе, шоколад, чернослив, изюм, коринка, винные ягоды, миндаль, сухие плоды, мед, прованское и деревянное масло, лимонный сок, уксус, сарачинское пшено, манная и перловая крупа, восковые и сальные свечи, перец, инбирь, корица, поваренная соль и другие вещи, принадлежащие к кухне, столу и десерту. Кроме сего, в некоторых местах разбиты были палатки и навесы, где продавались разные лакомства [...] Торг съестными припасами производится при въезде в Горячеводское селение между Солдатской слободкой и домом Чернявского³. Сюда ежедневно в 5 часов утра привозят колонисты из Карраса⁴ белый и ситный хлеб, сливочное и обыкновенное коровье масло, молоко, сливки, яйца, картофель, шпинат,

¹ Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене, урожденной баронессе Пфедфель // Старина и новизна. 1914. Кн. 18. С. 52. — Приведено по: [193, 65].

² См. подробнее в статье автора [171].

³ На Плане этот дом обозначен под № 40. Место торгова находилось при окончании дороги из Карраса, на расстоянии не более полукилометра от жилища Глинки (см. вкладку, илл. 2).

⁴ Шотландская колония Каррас в шести верстах от Горячеводска.

салат, зеленый лук, всякую огородную зелень и плоды. Черкесы на своих арбах из ближайших аулов¹ доставляют мясо, дичину, фазанов, молодых барашков, кур, цыплят, яйца и многие другие жизненные припасы².

Почти о том же — только более кратко — сообщал и другой современник Глинки: «Жители Шотландского селения [...] произведения свои продают посетителям вод, как то: прекрасный хлеб, свежее масло, яйца, сливки, кур, зелень и фрукты» [123, 52]. В. Броневский заметил, по сути, то же самое, добавив для примера некоторые цены: «Говядина продается по 7 коп., баранина превосходного вкуса — по 10 коп. фунт» [19, 38]. Особенно же по вкусу посетителям вод, как мы убедились, приходился хлеб, выпеченный в Каррасе. От него в восторге остался и Г. Гераков: «Белый хлеб в Шотландской колонии [...] отлично хорош; после С. Петербурга, я такого не ел». Правда, заключал это суждение в своем духе — с некоторой завистью: «Колонисты богатеют, им хорошо». Но рынок все равно посещал с удовольствием: «После ванны ходил и на базар: не дурен [...]» [35, 101]. Вообще же на горячеводском рынке в те годы царил полный интернационал, торговали и армяне, и евреи, и греки, и итальянцы, и немецкие колонисты, и черкесы³. Вообще же за стол платили очень дешево: «состоящий из 4 блюд, без вина, для 5 особ обходится кругом не более полутора рубля» [19, 38-39].

Учитывая все вышеизложенное, убеждаемся в том, что Глинка совершенно адекватно оценил спектр кулинарных возможностей Горячеводска: «Кухня была в порядке: отличная баранина, куры, дичь и превосходнейшие овощи давали нашим поварам возможность хорошо кормить нас». Уж здесь-то его повару Афанасию Кирилловичу было где развернуться⁴! В общем, вполне справедливым представляется радостное резюме Г. Геракова: «здесь на водах, чего хочешь, все достать можно, и нахожу, что не дорого» [35, 100].

¹ Из этого, между прочим, следует, что Глинка мог наблюдать черкесов не только на празднике байрама (см. комм. 8), но и во время нередких походов на местный рынок.

² Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

³ См.: Там же.

⁴ А на худой случай, казенная аптека находилась почти рядом с домом Хандаковой, и тоже была хороша. По словам И. Добродеева, она «своим устройством едва ли чем уступает Аптекам столичным» [57, 66]. Аптека была учреждена Именным Высочайшим Указом как раз в 1823 году; туда были назначены 2 врача, 3 лекарских ученика, аптекарь и 2 аптекарских ученика [54].

Теперь от пищи перейдем к напиткам. Глинка пишет о *сантуринском вине*, которое вполне заменяло им на водах дорогие фряжские вина. В чём-чём, но уж в этой марке вина в Горячеводске не было недостатка. Дело в том, что через дом от жилища, которое нанимал Глинка с компанией, под номером 13 красовался дом генерала Мерлини (см. вкладку, илл. 2) — один из лучших на Водах. В том доме была «итальянская лавка с галантерейными вещами», а подле нее — «греческая лавка с лучшими винами, где можно было получать старую мадеру, французские и немецкие вина, также Санторийское (подчеркнуто мною. — С.Т.) и почти все Архипелагские и наши отечественные вина по ценам не слишком высокими»¹. Поскольку это заведение, как мы видим, находилось в «шаговой доступности» от дома Хандаковой, никаких проблем с санторинским у Глинки и его друзей не было. Как, впрочем, и с другими винами: кизлярское, «употребляемое здесь большими»(sic!) продавалось по 8 рублей за ведро красное, и по 12 руб. — белое. «Прочее в соразмерности», — добавлял Броневский специально для гурманов [19, 38].

Санторинское вино действительно было недорогим — вероятно, отсюда и его популярность в России в течение всего XIX века². В этом Михаил Иванович, к примеру, мог убедиться, еще во время остановки в Харькове. Там, по воспоминаниям Ф.О. Рейнгардта, в 20 — 30-е годы XIX ст. «из вин наиболее распространено было сантуринское», причем оно, прямо как в «Записках» Глинки, рассматривалось в числе напитков, которые «вполне заменяли дорогие французские вина» [32]. Когда Глинка употребляет словосочетание *фряжские вина*, он ведет речь именно о винах *французских*³.

Чем же, кроме дешевизны, могло прельстить Глинку санторинское? Обратимся к словарю Брокгауза — Ефрона, где об этом греческом вине сказано:

Санторинское — такое название носят вина, выделяемые на острове Санторино⁴. Весьма известны три сорта сладких вин: 1) *Vino*

¹ Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

² Санторинское неоднократно обнаруживаем и в текстах русской литературы — от Гоголя до Чехова.

³ См. в Толковом словаре Ушакова: «*Фряжский*, ая, ое (старин.). Французский. || Заморский, иностранный. *Фряжские вина*» [169, стб. 1120]. Синонимы слова: *генуэзский, итальянский*. Поэтому существует и иная трактовка: «*Фряжское вино* — итальянское, по старинному русскому названию («Фряжская земля») Генуэзской области» [182, 363].

⁴ о. Санторини в Эгейском море.

Santo — сладкое, очень крепкое вино с сильным, возбуждающим ароматом, темно-янтарного цвета. 2) *Vino Santo Rosé* — рубинового цвета сладкое вино, похожее на предыдущее, но еще сильнее по букету. 3) *Misistra Malvasier* — темно-красное вино, которое одновременно с необыкновенным количеством сахара обладает приятно горечью бургундских вин. Полагают, что название последнего сорта вина произошло от винограда «Мальвазия», произрастающего в Мисистре (древней Спарте) [194, т. XXVIIIА, 365].

Как видим, все разновидности санторинского — *сладкие* (и даже *очень сладкие!*), весьма *крепкие* и обязательно *красные* вина. Нам уже доводилось писать о том, что П.А. Степанов, прекрасно знавший М.И. Глинку, вспоминал в письме, помещенном в журнале «Баян» (1889, № 14), а затем полностью опубликованном в монографии П. Веймарна¹: «Красное вино ему было запрещено, как вредное для здоровья, хотя он иногда и пил такое вино, только очень хорошее, как например превосходное кахетинское на обедах у князя Паскевича; преимущественно пил он только белое вино, которое называл беленьким и любил шампанское». А вот из крепленых вин в связи со вкусами Глинки современники упоминали лишь о *хересе* [171, 162-163], а сам композитор, в чем мы убедились, — еще и о *санторинском*. Правда, речь о нем Глинка ведет, обращаясь к своей молодости — возможно, упомянутые медицинские ограничения тогда еще не действовали. И все бы хорошо, но Михаил Иванович в середине 50-х заявляет, что и теперь еще пьет сантуринское охотно! Примечательно, что тогда же, когда Глинка работал над «Записками», — в 1855 году — профессор Грум-Гржимайло издал свою известную книгу о минеральных водах. Там он в «*Общих гигиено-диетических правилах*» для Кавказских вод вполне допускает потребление вина во время лечения. При этом в Пятигорске — только по назначению врача; зато уж в Кисловодске разрешалось развернуться в полную силу, и речь о каком-либо специальном предписании не шла: разрешалось по собственному усмотрению поглощать вина, причем не должна была смущать даже «*рюмка водки, кто привык*» [52, 40, 43].

Случай с санторинским — первое по хронологии упоминание о потреблении вина в «Записках». Вообще же горячительные напитки в той или иной мере станут составной частью глинкинской повседневности; по моим подсчетам, они упоминаются на страницах мемуаров композитора чуть менее двадцати раз. В том или ином виде

¹ [25, 21]. В публикации воспоминаний П. Степанова 50-х годов прошлого века данный фрагмент был выпущен, видимо, по цензурным соображениям.

штофы и бутылки, как и посуда для питья, присутствуют также в сюжетах нескольких «глинкинских» карикатур Н.А. Степанова и К.П. Брюллова¹. Глинка был, безусловно, знатоком и любителем вин. Хорошее вино соблазняло его даже в те дни, когда он из-за расстройства желудка не мог ничего есть. Однако следует заметить, что вино в то время не только не запрещалось пациентам медициной, но зачастую даже рекомендовалось *лицам, которые к нему привыкли* — с должной мерой медицинского такта (то есть, деонтологии). Но не крепкое и, желательно, разведенное водой. Причем целебным вино считалось как раз при тех болезнях, которыми страдал Глинка — *меланхолия, парезы, артриты и невралгии*. В Пятигорске с этим явно считались, что ясно как из вышеприведенной рекомендации Грум-Гржимайло, так и из впечатлений военного писателя В. Броневского: «Наблюдаемая здесь диета весьма умеренна и гораздо милостивее Немецкой: кроме плодов, всего сырого, кислого, соленого, горячительного, все позволяется, и *рюмки две некрепкого вина за столом не запрещается* (курсив мой. — С.Т.)» [19, 69]. Но замечательная деталь: как раз лучшие *немецкие* врачи в свое время прописали Ф.М. Достоевскому, наряду с регулярным приемом воды из минерального источника, и красное вино ежедневно — правда, немецкий ланвайн казался ему невыносимо кислым. Возможно, последнее обстоятельство было связано с одним особым свойством минеральных вод. О нем бегло и не без иронии упомянул А. Бестужев-Марлинский в повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году»: «Ужин кончился, но человек десять романтиков насчет покорности к предписаниям эскулапа не думали покидать стола, и по числу опустошенных бутылок я заключил, что *кавказская вода имела для них чудесное свойство — возбуждать жажду к вину* (курсив мой. — С.Т.)» [13, 256]. А Лермонтов и вовсе приметил на водах тягу к подобному миксту что называется «в одном флаконе». И вложил в уста Печорина слова из комедии «Горе от ума» А. Грибоедова:

Нигде так много не пьют кахетинского вина² и минеральной воды, как здесь.
Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из их числа
(М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

¹ См. альбом «М.И. Глинка в карикатурах Н.А. Степанова», составленный В.П. Энгельгардтом в 1850 г., а также комментарии к нему Н.В. Рамазановой и Е.А. Пережогой [110, 4-8].

² Глинка тоже был любителем кахетинского (см. выше). А французский биограф однажды в порыве привязанности к русскому композитору отметил: «Французские вина он очень любил, и он умел оценить вина из Шампани и Бордо», что, правда, не мешало ему потреть и кавказские вина [198, 63].

Словно в подтверждение этих слов А. Розен писал, вспоминая об одном из способов употребления целебной воды нарзанного источника: «охотники пили ее с кахетинским или с донским вином, вместо лимонада» [152, 380]. Глинка же вспоминал о «падающем» варианте подобной терапии: «Доктор Быковский сам убедился, что мне н а р з а н вреден, и, чтобы исправить расстроенный желудок, пользовал меня (не без успеха) горькими, настоянными в вине, травами».

С чем только не смешивали тогда на Кавказе целебную воду — даже с морсом! Очевидец не без восторга писал в 1815 г.: «Кислые воды отменно укрепляют, притом они так приятны! Примешаешь ли к этой воде малинового морса — выйдет наслаждение, роскошь для вкуса, и мне кажется, если бы Боги древности были поделикатнее, поутонченнее, наверное, оставя свой нектар, ухватились бы за этот приятный напиток» [26, 66]. Возможно, к вышеописанным манипуляциям прибегали и для того, чтобы избежать конфузоз с собственным настроением, о которых предупреждал Лермонтов словами своего персонажа — Грушницкого¹: «*Пьющие утром воду — вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру — несносны, как все здоровые*» [80, 69].

Рассказ о пятигорской повседневности, которую застал Глинка, будет неполным, если не упомянуть о том, как одевались курортники, и чем занимали свой досуг. Сразу же должен заметить, что тогдашний Пятигорск далеко не все были склонны рассматривать как место развлечений (этот приоритет оставался за Кислыми водами). Поэтому еще раз прислушаемся к мнению Броневского:

На все Европейские минеральные воды ездят для приятного препровождения времени; там — в числе посетителей больных менее половины, здесь — напротив, исключая небольшое число служащих офицеров и мнимобольных, все прочие, в проезде на длинном пути претерпевая всякого рода неудобства и даже подвергая жизнь свою опасности, приезжают в Пятигорск не для удовольствия и светских рассеяний, но для лечения. Сюда даже странствующие труппы актеров и ярмарочные картежные игроки не доезжают [...] Здесь больные [...] живут как больные, наблюдают диету и в точности исполняют предписание медиков [19, 73-74].

И все же на Горячих водах в те времена — возможно, даже вопреки обстоятельствам, — царила атмосфера маскарада (см. I). И. Радोजицкий начал восхищаться этой праздничной круговертью, еще не доехав до Горячих вод: «В продолжение месяцев Апреля и Мая,

¹ Действие разворачивалось в Кисловодске.

я видел множество из России проехавших, чрез Георгиевск, к водам особ значительных, с семействами, в дормезах, каретах и колясках». Причем не все ему казались больными: «Отличное общество обоего пола, дворян, военных и неслужащих, съезжалось, как будто, не для исцеления от болезней, а для взаимного свидания на празднество» [145, 387-388]. Другой современник Глинки вспоминал позднее: «Пятигорск, безлюдный тихий городок зимою, вдруг в половине мая переполнился приезжими и закипел» [152, 370]. Пятигорский променад даже сравнивали по многолюдности, пестроте и щегольству с Невским проспектом:

Обыкновенно с 4 часов утра начинается движение и продолжается до 2 часов пополудни, а потом от 4 до 10 часов вечера снова та же беготня; так что весь день проходит в питье воды, купанье, завтраке, отдохновении, обеде и ужине [...] Полный Венецианский карнавал представлялся глазам моим. Столичные и провинциальные одежды представляли здесь смесь истинно маскарадную: кто во фраке и в черкесской шапке, кто, завернувшись в широкий плащ, шел посреди собрания в колпаке, кто в бурке и под вуалью, кто в [...] сюртуке и в шитом золотом картузе; слуги и служанки, столь же разнообразно одетые, несут в купальни узлы, ковры, подушки и тюфяки. От пяти часов и до позднего вечера бульвар, пред окнами моими проходящий, кипит многолюдством, пестреет от разноцветных одежд, полковая музыка гремит [19, 33, 74, 76].

Кавалеры одевались пестро, нередко эклектично, зачастую следуя «черкесской моде»¹, подчас — до карикатурности. Они то рядились в бурку и башлык или в кафтаны, туго опоясанные ремнем, подражая черкесам, то смешивали жанры, являясь «в щегольском последнего фасона сюртуке» и одновременно в «огромной кабардинской шапке из косматых овчин». Впридачу офицеры умудрялись гарцевать прямо по городу «в черкесском наряде [...] на славнейших черкесских конях». — См.: [115, 49-50; 152, 371]². В лермонтовские времена (30-е годы) ко всему этому стали понемногу привыкать, но в начале 20-х «черкесская мода» была еще в диковинку. Но и сам вид тогдашнего Горячеводска, открывающийся с высоты Ермоловских ванн, предрасполагал к органичному восприятию такого калейдоскопа. Привожу выдержку из письма Н. Раевского от 13-го июня 1820 г.:

¹ См. I и комм. 8.

² Благо с приобретением предметов экзотического кавказского антуража в Горячеводске никаких проблем не существовало, и Н. Нефедьев писал по этому поводу: «Костюмы сии, а также кинжалы, седла и самые лошади продаются здесь черкесами, собирающими изрядную дань с посетителей, которые обыкновенно желают возвратиться с вод с какими-нибудь черкесскими вещами» [115, 49-50].

Часто прихожу заблаговременно пользоваться с галерей видом наиприятнейшим гор и забавным сего селения и жителей, карикатурных экипажей, пестроты одеяний; смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков, здешних жителей и приезжих — все это под вечер движется, встречается, расходится, сходится, и все до безделицы с галерей новых ванн глазам вашим открыто [146, 523].

Вообще же этот курортный городок по принятой здесь манере одеваться мог соперничать даже со столицами, чему сразу же поразился И. Радожицкий:

Въехавши в город, я увидел во всех дворах много экипажей приезжих, и по улицам довольно гуляющих особ. Встречались наиболее военные офицеры; встречались и щеголи в модных сертуках и фраках. Даже гуляли под вечер дамы в прекрасных калошах из модных магазинов, что здесь не последняя редкость [...] Видя такое общество, я с удовольствием воображал, что подлинно нахожусь в каком-либо городке близ столицы [145, 405-406].

Нефедьев даже иронизировал по этому поводу: «Дамы, (как приятно говорить в похвалу их постоянства), не изменяют и здесь законам моды» [115, 49]¹. Попутно замечу, что в тогдашнем Горячеводске очаровательные женские лица нередко радовали взор, а Радожицкий даже умудрился наблюдать их в окнах домов, откуда нет-нет, да и «показывалось довольно женских лиц приезжих семейств; между ними являлись молодые и прекрасные» [145, 406]. Словом, складывались блестящие предпосылки для курортных романов, а подчас — и для более серьезных увлечений². Правда, как воспользовался ими молодой Глинка, и воспользовался ли вообще, мы вряд ли когда-то узнаем (см. I).

¹ Надо сказать, что обстоятельства жизни на Горячих водах вполне способствовали комфорту франтов и щеголих. С. Недумов писал, что «уже в 20-х годах XIX в. в местных лавках можно было не только достать все необходимое, но даже и предметы роскоши» [114].

² Лет пятнадцать спустя Лермонтов в «Герое нашего времени» описал эту сторону нравов, характерную для Пятигорска: «Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы; и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. [...] Наконец вот и колодец... [...] Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою пестрые шляпки любительниц уединения вдвоем, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку или безобразную круглую шляпу» [80, 67].

Что еще могло привлечь внимание многочисленных посетителей Горячих вод тем летом 1823 года? Понятно, что никакого театрального здания, концертного зала или, скажем, курзала — по примеру известных европейских курортов того времени, например, Эмса¹, — в этом строящемся городе еще не существовало. Однако духовой оркестр все же развлекал публику. Во всяком случае, четырем годами позже Н. Нефедьева сразу же при въезде в Горячеводск удивило звучание полкового оркестра на главной площади: «Неожиданно раздались согласные звуки музыки [...] На площади гремела военная музыка; а нарядные дамы и кавалеры прогуливались по чистой, тщательно выпланированной улице, где посредине струится кислосерный ручей, ниспадающий с горы»². Попривыкнув к жизни на водах, он выяснил, что это происходит ежедневно, «большая половина» отдыхающих вечерами «гуляет при звуках приятной музыки», и даже черкесы «из замирных Аулов» не прочь при этом присутствовать [115, 40-41, 49].

Где множество очаровательных дам — там и танцы. В начале тридцатых годов балы уже стали для Пятигорска явлением привычным. По словам В. Броневского, там можно было встретить и пышно одетую столичную модницу, и хорошенькую провинциалку, которая «танцует всю ночь до упаду». При этом он заметил, что «во всех наших провинциальных городах недостаток танцующих кавалеров весьма ощутителен, и это, конечно, потому, что во всех почти учебных заведениях мальчиков танцевать не учили, а для девиц танцевание всегда почиталось первым предметом воспитания» [19, 77-78]. Но Глинка-то, как мы знаем, «танцевальной грамматикой» своего времени еще как владел, причем с юности³! Хотя и писал о пансионских годах: «В танцах я был плох» [42, 221]. Думается, что последнее высказывание, во-первых, может нести некоторый оттенок перфекционизма, а во-вторых, у Глинки был широкий арсенал возможностей преодолеть этот недостаток (мнимый или действительный) еще в Петербурге, до поездки на Кавказ. И, конечно же, он мог сполна проявить свое искусство на «водных» балах. А играть там вполне мог все тот же духовой оркестр «военной музыки» — благо такой обычай процветал тогда по всей Империи⁴.

¹ См.: [177].

² Годы спустя на том же месте продолжала играть «военная музыка», и декабрист А.Е. Розен тут в первый раз услышал «Норму» Беллини (речь, конечно, идет об оркестрованных для духового состава фрагментах) [152, 371].

³ См. статью А. Гадецкой, специально посвященную данному вопросу: [34].

⁴ С. Экштут отмечает, что в те времена «ни один провинциальный праздник не обходился без полковой музыки» [193, 32].

Традиция продолжалась и в конце 30-х: по наблюдениям очевидца, «раз в неделю бывали собрания, танцевали здоровые и больные» [152, 371]. С большой степенью вероятности можно предположить, что танцы стали частью горячеводской повседневности уже ко времени приезда Глинки. Кроме того, иногда устраивались небольшие фейерверки [146, 525].

Но если уж и духовая музыка, и танцы приелись, а фейерверк бывал далеко не каждый день, можно было просто прогуляться по городку. Только гулять-то в ту пору было еще негде: знаменитого парка «Цветник», бульвара с липовыми аллеями и Казённого сада тогда не было и в помине, как, кстати, и грота Дианы, и беседки «Эолова арфа», и прочих красот¹. Зато какой чудесной заменой фланированию по местам будущего бульвара могли стать прогулки по окрестностям — пешие или даже конные! Например, восхождение на близлежащую гору Машук, которое в 20-е годы с удовольствием совершали многие — например, Г. Гераков (в дождь!)² или Н. Нефедьев, в деталях описавший это событие середины июня 1827 г.:

Н. В. с некоторыми знакомыми вздумал побывать на самой вершине горы Машуки; мы наняли козачьих лошадей и в числе четырех человек совершили сие предприятие. Необыкновенная крутизна, с одной только западной стороны казалась доступною верховой езде. Сначала вела нас сквозь частый, преимущественно дубовый, лес небольшая тропинка; но скоро следы ее исчезли, и нам осталось самим открывать путь, который делался с часу на час затруднительнее, и казался почти невозможным. Крутизна так увеличилась, что лошади не шли, а можно сказать, ползли и с трудом продирались в чаще леса, едва ли кем посещаемого; причем всадники беспрестанно должны были отражать удары сучьев, и скатываясь с лошадей назад, решились идти пешком. Я один, следуя вперед, преодолевал все препятствия [...] Густота леса скрывала от нас ту опасность, какая ужаснула бы на открытом месте, и мы победив все трудности, увидели наконец себя на желаемой высоте. Здесь я удостоверился собственным опытом, как трудно достигать высоты! — Взоры наши терялись в безбрежной со всех сторон отдаленности; другие значительные горы казались ничтожными пригорками, а дома в Горячеводском селении — карточными домиками!

Поверхность Машуки довольно ровная, обширна и покрыта высокою травою и цветами; на самом же возвышенном пункте ее водружен деревянный столп, испещренный именами тех, которые здесь были. Передав и наши имена сему тленному памятнику, и отдохнув, отправились мы обратно тропинкою пешеходцев, тысячу раз труднейшею, нежели первая дорога. Тут камни вместе с землею катились из-под ног, и только кустарник, за который

¹ Устройство всех этих привлекательных для курортников мест было тогда делом недалекого будущего.

² См.: [35, 100].

мы держались, спасал нас от падения, каждую минуту угрожавшего. Лошади пущены были вперед на произвол судьбы, и должно приписать одной привычке сих животных, что они сошли благополучно [115, 51-55].

Здесь так и бурлит романтическая радость от опасности, ощущение первопроходца в диких местах, ведомая и Глинке, как, впрочем, многим его современникам! Поэтому вполне логичным было бы ожидать от него подобного трудного восхождения к вершине Машука и такого же головокружительного спуска. Хотя в «Записках» он ничего подобного и не пишет... А ведь можно было съездить еще и «на Бештовую высокую гору» (Бештау), как это сделал Раевский с компанией в 1820 г. [146, 524]. Судя по всему, к подобным приключениям был склонен и молодой Пушкин (см. комм. 11).

Горячие воды предоставляли разнообразные возможности для занимательных поездок по округе — подчас самых экзотических. Почему бы, например, не прогуляться к черкесам, в соседний Аджиджабу? Туда, как и многие другие, однажды направился и Глинка (см. комм. 8): судя по всему, он не пожалел об этом!

Конечно, прогулки по городу и окрестностям, выезды на пленэр и прочие развлечения оставляли время и для работы души. Ведь в Горячеводске могли быть встречи совершенно неожиданные. Г. Гераков в 1820 году «тут увидел Пуш-на (А.С. Пушкина. — С.Т.) молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее», и разговаривал с ним [35, 99; 100]. А могло быть и вполне повседневное общение — к примеру, такое, которое случилось у питьевого Елизаветинского источника. Вот что поведал о нем современник Глинки:

Здесь посетители имеют ту выгоду, что составляют одно, столь милое общество, где каждый готов ко взаимными друг другу услугам, где читаются газеты, журналы и таким образом разливается просвещение, где сообщаются статистические сведения того места, из коего кто ехал, где сообщаются спасительные действия воды, — между таким образованным и любезным обществом и не видишь, как летит время [57, 70-71].

Безусловно, Глинка здесь много размышлял, беседовал со своими попутчиками и другими интересными людьми и, конечно же, читал — недаром он упоминает о «запасе книг», взятых в поездку Н.И. Петровским-Муравским. О том, что это были за книги, мы можем только гадать. Но в библиотечке вполне могло найтись место для очерков по истории, географии и этнографии Кавказа, и Глинка с удовольствием бы их читал — ведь данными вопросами он интересовался смолоду. (См. также I).

Общее впечатление о Горячих водах у Михаила Ивановича сложилось явно позитивное. И он был не одинок в подобной оценке. Вот лишь один пример — восторженное высказывание Н. Нефедьева: «Время, проведенное мною на водах [...] в кругу составленного [...] там знакомства, принадлежит к счастливейшим минутам моей жизни» [115, 41-42]. Стоит ли удивляться, что и Глинка подводил промежуточный итог в том же духе: «Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске». Вспоминая то ли о круге своего общения, то ли о прелести маленького городка и его окрестностях, то ли о величественном виде гор, которые практически постоянно находились в поле зрения (а Глинка горные пейзажи любил на протяжении всей жизни и знал в них толк!), то ли обо всем вместе...

7. NB Тимковский и представление К. Меншикову.

Эта краткая карандашная заметка сделана рукою Глинки на полях рукописи «Записок». Поскольку мы уже хорошо знаем, что в его мемуарах ни о чем не говорится случайно, сразу же возникает три вопроса. Во-первых, кто эти люди, лишь однажды вошедшие в биографию композитора (больше их имена на страницах «Записок» или писем ни разу не встретятся)? Во-вторых, почему Михаилу Ивановичу этот факт показался столь важным, что он помнил о нем тридцать лет спустя, работая над мемуарами? И, наконец, если основным действующим лицом в организации самого представления был Тимковский (а это косвенно следует из содержания карандашной надписи), то кто подвигнул его оказать протекцию неизвестному юноше из Смоленской губернии?

Ответить на первый вопрос легче, чем на другие. Хотя о Меншикове в I томе академического издания литературных произведений и переписки Глинки сказано очень скупое, и лишь в именном указателе: «Меньшиков Александр Сергеевич, князь (1787-1869), адмирал, генерал-адъютант» [48, 450]. Никаких иных данных об этом, безусловно, небезынтересном персонаже русской истории в известной мне литературе о Глинке не встретилось. Но даже и само прочтение фамилии князя здесь безупречно: непонятно, почему и в опубликованном тексте «Записок», и в именном указателе она пишется через мягкий знак — как *Меньшиков*¹. Но в глинкинской рукописи совершенно отчетливо

¹ Кроме того, отсылки именного указателя (исключая одну!) ошибочно направляют к совсем другому Меньшикову — музыканту Мironу Максимовичу, имя которого тоже в нем присутствует. — См.: [42, 224; 48, 450].

читается без всякого мягкого знака [40, л. 45]! И так же звучит при многократных упоминаниях имени князя в исторической и справочной литературе (как дореволюционной, так и новейшей). Мало того, еще в суворинском издании «Записок» 1887 года читаем: «На поле рукою Глинки написано карандашом: "Тимковский и представление князю Меншикову"» [41, 21].

Приведу здесь некоторые сведения о князе Меншикове — впрочем, достаточно известные в литературе по русской истории, но в «глинкиану» по разным причинам пока не проникшие. А.С. Меншиков — правнук соратника и фаворита Петра I, Александра Даниловича Меншикова, был видным государственным деятелем, сподвижником Александра I (впрочем, и Николай I «доверял ему и любил его, называя своим "другом"» [118, 291-292]), военачальником¹ и дипломатом². Человек широко образованный, обладавший познаниями в самых разных областях, он слыл знаменитым библиофилом. Надо полагать, что присущая Меншикову остроумная язвительность и рационалистический, критический склад ума не делали общение с ним легким. Недаром современник когда-то сказал о нем: «Если мы будем смотреть на лицо князя с двух противоположных сторон, то одному будет казаться, что он насмехается, а другому — что он плачет» [140, 176]. Поведение Меншикова подчас было настолько экстравагантным, что он удостоился специального очерка (на целых 14 страниц!) в книге М. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» [140, 173-186]. Что же до музыкальных интересов князя, то о них известно мало — разве такая, к примеру, побасенка в передаче того же Пыляева, показывающая, между прочим, что и в этом предмете светлейший князь совсем не выглядел профаном:

Когда приехал в Россию итальянский певец Рубини, он ещё сохранял все пленительное искусство и несравненное выражение пения своего, но голос его уже несколько изменял ему. Спрашивали князя Меншикова, почему

¹ Военную карьеру начал смолоду. Участвовал в турецкой кампании 1809 г. и в войне 1812 — 1814 годов, был ранен при осаде Парижа. Проявил себя талантливым полководцем во время турецкой кампании 1828 г. (тяжело ранен при осаде Анапы), одно время был начальником главного морского штаба. Иногда военная удача от него отворачивалась; так, словарь Брокгауз — Ефрон сообщает: «Был назначен начальником войск в Крыму и оставался на этом посту до февраля 1855 г. Действия его во время Крымской войны вызывали [...] много порицаний со стороны специалистов военного дела». — См.: [118, 291-292; 194, т. XIX, 104].

² Николай I однажды отправил князя с чрезвычайной миссией в Персию; там он был арестован и сидел в тюрьме до 1827 г. [194, т. XIX, 104]. Видимо, эта страна была не лучшим местом для русских дипломатов — вспомним об А.С. Грибоедове!

он не поедет хоть раз в оперу, чтобы послушать Рубини. — «Я слишком близорук, отвечал он, не разглядеть мне пения его (курсив мой. — С.Т.)» [140, 185-186].

Надо сказать, что Глинке еще предстоит как раз *услышать* Рубини, и произойдет это в начале 30-х годов¹; но князь-то явно говорит о временах еще более поздних...

Вот такому совсем простому человеку и был представлен на водах Глинка, которому едва исполнилось девятнадцать. И тут же возникает вопрос: а не было ли какой-либо «сверхзадачи» у этой акции, несомненно, предпринятой его старшими знакомыми? Здесь необходимо разъяснить, чем вообще занимался Меншиков летом 1823-го. Выясняется, что как раз тогда он «неожиданно для себя зачислен на службу по министерству иностранных дел» — правда, уже в следующем году был уволен «по домашним обстоятельствам» [118, 291-292]; но сие было тем летом на водах еще неведомо не только Глинке, но и самому князю. Примечательно, что именно в иностранное ведомство стремился определить Глинку отец, Иван Николаевич, вскоре после окончания Благородного пансиона, то есть, начиная с лета 1822 г.² И год спустя дело было еще вовсе не решено; колебания продолжались вплоть до весны 1824-го³!

Невольно задумываешься над тем, что упомянутая Глинкой встреча носила некий прагматический оттенок. Но, конечно же, инициировалась и стремлением оказаться в том блестящем «ермоловском» кругу русских офицеров и государственных деятелей, где вполне по заслугам вращался князь Меншиков. Благо, на еще пустынных и едва начавших застраиваться водах для этого существовали самые замечательные возможности: общество здесь в пору приезда Глинки собралось поистине уникальное, по словам его современника — «самое отборное и предметов к разговорам, самым занимательным, довольно» [123, 42]. Вот как его описал подполковник И.Е. Радожицкий, приехавший на минеральные воды, как и Глинка, в мае 1823 г.⁴:

¹ См. ч. II «Странствий Глинки» [177, 294].

² «Отец желал, чтобы я служил по Иностранной коллегии, которая считалась в то время почетнейшею службою», — вспоминал Глинка в «Записках» [42, 222].

³ «Да правду сказать, не чувствовал я особенного призвания к дипломатической службе», — замечал сам Глинка о своих раздумьях по этому поводу весной 1824 г. [42, 227]. И тут же поступил в канцелярию Совета путей сообщения! См. также I.

⁴ Даты приблизительно можно определить по очерку Радожицкого [143, 343]. См. также I.

Съезд посетителей нынешнего лета, говорят, значительнее всех прошедших. Одних пашпортов собрано до 200. Некоторые семейства приехали с большою прислугою. В числе значащих особ, удостоивших посетить здешний отдаленный край и ознаменовать целительность вод, были: Государственный Канцлер Граф Н.П. Румянцев, Генерал-Адъютант Кн. Меншиков¹, Граф Алексей Петрович Орлов, Инженерный Генерал Сазонов, Артиллерийский Генерал Никитин, Генералы: Желтухин, Аклечеев, Измайлов [...] и некоторые другие. Сверх того было до 70 Штаб и Обер-Офицеров. Из числа приезжих помещиков много было хороших фамилий, наиболее из под-Московных² Губерний [145, 406-407].

Как видим, одних генералов насчитывается в списке целых семь. (А через два года, судя по списку о числе приезжающих на Кавказские воды, опубликованному П.П. Свиныным в 1825 г., их будет уже 17³)! И это не говоря уже о самом Государственном Канцлере Н.П. Румянцеве — пускай и отставном, знатоке, исследователе и собирателе книг и старинных рукописей, с именем которого связан будущий Румянцевский музей — предтеча нынешней Российской государственной библиотеки⁴! Конечно же, среди этого множества офицеров выделялись участники наполеоновских войн. И многие из них — как, кстати, и сам князь Меншиков, слыли вольнодумцами (об этом речь пойдет далее; см. также I). Ну а Глинка в те далекие времена вполне мог бы себя причислить к помещикам из «хороших фамилий», «из Подмосковных Губерний». А уж о поистине «карнавальной» демократичности общения на водах написано много (см. I и комм. 6). Вот как высказался об этом современник Глинки, побывавший на Кавказе:

В рассуждении порядка в употреблении вод, существуют здесь совершенная вольность и равенство. [...] Посетители принимают ванны по очереди, смотря потому, кто прежде пришел. Очередь сия никогда не нарушается. Приятно видеть, как даже знатные особы подчиняют себя сему вообще принятому правилу. После ванны, отдыхая на ложе, делают

¹ Это упоминание о Меншикове является важным подтверждением слов Глинки из «Записок».

² Так в тексте. — С.Т.

³ См.: [156, 254].

⁴ Н.П. Румянцев вышел в отставку в 1814 г. Кстати, надо полагать, что именно в это посещение Кавказских вод он открыл очередную древность — две «татарские бабы», в 50 верстах от Пятигорска, весом соответственно 40 и 30 пудов, без надписей [144, 119]. Трудно переоценить сам факт возможного общения юного Глинки с этим выдающимся интеллектуалом — если, конечно же, таковое состоялось тогда на водах. Но, собственно, почему бы и нет?

нередко знакомства с возлежащими и тоже потеющими соседями. — *Презабавно рекомендоваться лежа!* (курсив мой. — С.Т.) [123, 41]¹.

Все же думаю, что представление Глинки кн. Меншикову произошло в более строгих обстоятельствах. Надо иметь в виду и то, что, по отзывам некоторых современников, демократизм нравов на водах парадоксально сочетался с известной чопорностью отношений. В. Броневский писал как раз об этом:

Хотя знакомятся здесь легко, но обращение вообще как-то холодно; светское приличие и высокая скромность наших дам в публичке мертвит общий разговор, и, несмотря на то, что здесь большая часть особ принадлежит к высшему сословию, в смешанном нашем обществе мало еще свободы в обращении. [...] Мужчины разделяются: каждый ищет разговора в своем кругу, каждый услуживает своим дамам, каждый имеет своих особливых знакомых [19, 75].

Вот почему для юного и еще никому не известного Глинки было так важно доброжелательное посредничество в установлении отношений с такой высокопоставленной особой, как светлейший князь.

А теперь самое время рассказать о другом персонаже карандашной надписи Глинки — о *Тимковском*. В именном указателе академического издания «Записок» есть лишь крайне лаконичная запись: «Тимковский Василий Федорович (1781 — 1832), государственный деятель; писатель; в 1820-х гг. чиновник особых поручений при А.П. Ермолове на Кавказе» [48, 460]. И ничего более о нем глинкинские биографии до сих пор не поведали. Сразу же замечу, что В.Ф. Тимковский был личностью совершенно разносторонней и выдающейся: преуспевающим государственным и общественным деятелем, прекрасным дипломатом, талантливым ученым с замечательным литературным даром. Он был родом с Украины, из Золотоношского уезда Полтавской губ.²; там прошли его детские годы и юность. Отец его — *Федор Назарьевич* (1739 — 1790) — родился и долгое время жил в Переяславе, прослужил там 10 лет

¹ В. Броневский в начале 30-х годов замечательно передал атмосферу, царившую у горячеводских колодцев с минеральной водой: «Тут, на небольшой площадке, смешение дам и кавалеров, в толпе происходящей и в цвете и виде своем изменяющейся беспрестанно, представляет нечто необыкновенное, занимательное, приятное. Тут неожиданно встречаются друзья, приятели, сослуживцы; сюда из разных концов обширной России съезжаются гости незванные и, входя в общую сию гостиную, остаются почти целый день на открытом воздухе и проводят время без удовольствия и без скуки» [19, 74-75].

² Ныне в Черкасской обл.

в Перво-перемышлянской сотне (стал полковым есаулом), потом был Переяславским почтмейстером, затем избран заседателем в Золотоношском уездном суде. У него было шестеро сыновей и три дочери¹. Здесь обращаю внимание на особенно интересный для нас факт из истории рода Тимковских. Младшая из сестер, *Гликерия Федоровна* (1788 — 1829), вышла замуж в 1803 г. На хуторе Тымкивщина близ Золотоноши, в доме ее матери, Анны Савичны, у нее в 1804 г. (точь-в-точь в год рождения Глинки!) родился сын, в будущем прославивший российскую и украинскую науку — *М.А. Максимович*². В.Ф. Тимковский, соответственно, приходился ему родным дядей со стороны матери!

Первичное образование Тимковский получил в Золотоношском Благовещенском женском монастыре, как и все его многочисленные братья и сестры, потом учился в Киевской духовной академии, а затем — в Московском университете³. С начала 10-х годов состоял на государственной службе, выполняя при этом самые ответственные поручения: в канцелярии государственного совета (там, в частности, составлял манифесты в эпоху войны с Наполеоном), участвовал в заграничном походе русской армии 1813 г., служил в Министерстве иностранных дел, с 1816 г. был правителем канцелярии при наместнике Бессарабской области, в 1820 г. назначен председателем пограничной комиссии в Оренбурге; наконец, в 1822 г. по приглашению А.П. Ермолова был командирован на Кавказ для выполнения особых поручений [91, 268; 153, т. XX, 520-521; 166]. Именно в этом статусе Тимковский и пребывал на водах, когда его

¹ См.: [92, 260-262; 153, т. XX, 520; 165, 2118-2120].

² Максимович стал первым ректором Киевского университета (1834 г.) и отличался поистине ренессансным универсализмом ученых интересов: ботаник, историк, филолог, этнограф, собиратель украинских народных песен.

³ Киевскую духовную академию и Московский университет окончили четыре брата В.Ф. Тимковского — *Илья, Иван, Роман и Егор*. Каждый из них был талантливым по-своему, и каждый внес значительный вклад в отечественную науку (двое стали знаменитыми профессорами). — См.: [91, 262, 267, 270-272]. При этом исследователь все же подчеркивает, что, «по общему признанию современников, Василий Федорович был самым талантливым из шести братьев Тимковских» [60, 546], а Максимович в свое время написал о нем: «...Душа его рвалась [...] к деятельности гражданской, для которой, казалось, и родился он, одаренный способностями блестящими. С ними он развивал в себе чувство непреклонной, немолчной правды, изучая любимого своего писателя Плутарха, по которому и составлял себе идеал жизни» [91, 267]. Вместе с тем, современник, дивясь несколько пренебрежительному отношению А.С. Грибоедова к В.Ф. Тимковскому, оставил более скептическое мнение о последнем: «Тимковский имел у нас какую-то авторитетность умного человека, много видевшего и, кажется, кое-что пописывавшего, хотя бонвивана, но хорошего рассказчика» [2, 159].

познакомили с Глинкой. В тот период жизни с ним познакомился М.А. Максимович, который по прошествии лет вспоминал: «В [...] 1820 г. [...] увидел я в Москве и Василия Федоровича Тимковского, запечатленного гениальною силою ума и слова. Его проезды через Москву из Оренбурга, в Грузию и обратно, воодушевляли меня новою силою. Я строго следовал совету его не пускаться в ремесло уроков и не тратить на то золотого времени студентства» [92, 326]. Однако Тифлис был вреден для здоровья Василия Федоровича, поэтому в 1824 г. он покинет Кавказ и возвратится в Петербург, а в 1826 — 1828 гг. будет назначен губернатором Бессарабии [91, 269; 153, т. XX, 521]. «Но он был тогда уже в упадке духа и тела, — с сочувствием писал Максимович о последних годах жизни Тимковского. — [...] В конце 1829 года воротился в Петербург, где и dokonчил в одиночестве грустную жизнь свою [...] В.А. Жуковский и несколько других его друзей и почитателей хотели почтить его могилу памятником и собрали для того сумму; но я слышал, что один приятель покойного, на которого возложено было это дело, не исполнил его» [91, 269]. Удивительное сходство некоторых обстоятельств с берлинскими похоронами Глинки в 1857 году!

Безусловно, в отношениях Глинки и Тимковского не стоит игнорировать какие-либо цели, связанные с выбором места будущей службы выпускника Благородного пансиона. Ведь Тимковский, как и Меншиков, достаточно долгое время был связан с Министерством иностранных дел². Но что же еще, кроме осуществления чисто конъюнктурных задач, могло дать знакомство с ним молодому Глинке — если, конечно, допустить, что их общение все же не свелось лишь к официально-ритуальному представлению?

Во-первых, эти кавказские встречи могли существенно расширить представления Глинки об окружающем мире, особенно учитывая уже сформировавшуюся тягу будущего автора «Руслана» к географии (см. I). А ведь от географии до интереса к политическому устройству общества и к познанию жизни самых разных народов — всего лишь шаг! Научные труды Тимковского действительно можно причислить к настоящему *народознанию*. Его перу принадлежат, к примеру,

¹ См.: Странствия Глинки. Ч. II [177, 467-470].

² В 1818 г. Тимковский, по воспоминаниям Максимовича, «переместился из Государственной канцелярии в Министерство Иностранных дел, где занимался преимущественно делами азиатскими», выполнял «ответственные поручения по линии среднеазиатской политики правительства», будучи «одним из создателей Азиатского департамента МИД», и занимал должность начальника обоих его управлений [91, 268; 153, т. XX, 521].

«История Бессарабии» (1816 — 1817 гг.), пространная записка «О нынешнем состоянии Оренбургской пограничной комиссии и о положении Меньшей Киргизской орды», направленная в МИД в 1821 г.¹ С целью гармонизации отношений с русскими он, между прочим, считал необходимым «собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии [...] кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства и сходно с ними принимать благоразумные и твердые меры к его устройению, и, так сказать, воспитывая оный и, приготавливая к новому бытию политическому, вести постоянно к высшему образованию»². Замечу, что в течение всей своей творческой жизни М.И. Глинка много преуспел в деле вникания «в дух и свойства» самых разных народов!

Во-вторых, самое важное для биографии юного Глинки, на мой взгляд, состоит в том, что Тимковский стремился к научному познанию Кавказа и мог каким-то образом передать эту увлеченность своему младшему собеседнику. По воспоминаниям М. Максимовича, Тимковский работал над записками о Кавказе, где, как и в других трудах этого талантливого автора, «сила пера его нередко уравнивалась с силою его увлекательная изустного слова» [91, 270]³. Причем вполне вероятно, что этот труд Василий Федорович писал как раз в пору общения с Глинкой. Вот с каким чудесным собеседником повстречался начинающий композитор на водах! Трудно даже представить, сколь много интересного мог рассказать Тимковский любознательному юноше о Кавказе и о народах, его населяющих — ведь лучшего проводника в «Азии бесплодные пределы» среди тогдашних знакомых Глинки трудно было отыскать! Почему бы не предположить, что после общения с таким знатоком вопроса вчерашний выпускник Благородного пансиона увидел в совсем новом свете и «пляску черкешенок, игры и скачку черкесов» в ауле близ Пятигорска, о чем он совсем рядом с упоминанием о Тимковском сообщает в «Записках» (см. комм. 8)?

И, наконец, в беседах с В. Тимковским и людьми из его кавказского окружения Глинке мог сообщаться некий вольнолюбивый дух (не будем обязательно сводить его к собственно декабристским идеям, хотя и их тоже нельзя исключить). Как мы уже знаем, этот дух поистине носился тогда в облаках над вершинами Кавказа (см. I).

¹ Почти все научные труды В.Ф. Тимковского по разным обстоятельствам были безвозвратно утеряны. Высказывается предположение о том, что с его идеями по национальному вопросу мог быть знаком А.С. Пушкин. — См.: [179, 111].

² ЦГИАЛ. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 36—36 об. — Приведено по: [60, 547-548].

³ Рукопись считается пропавшей.

И если В. Тимковский прославился призывами к установлению гармонии между народами Империи в сочинении, которое современный исследователь называет «лучшим программным документом по национальному вопросу эпохи декабризма» [60, 547-548]¹, то А. Меншиков тоже не раз был замечен в свободомыслии и даже попадал из-за этого в опалу, причем случилось это буквально накануне его встречи с Глинкой. «В это время М[еншиков] прослыл почему-то за вольнодумца. В 1821 г. он, вместе с Новосильцевым и Воронцовым, составил проект освобождения помещичьих крестьян, принятый императором неблагосклонно», — сообщал солидный дореволюционный словарь [194, т. XIX, 104]. А пик раздражения властей пришелся как раз на 1822 — 1823 годы [118, 291-292]. Кстати, оба «диссидента», безусловно, принадлежали к близкому кругу генерала А.П. Ермолова, главнокомандующего войск на Кавказе, широко известного своими либеральными воззрениями. Тимковский был специально приглашен к нему для выполнения особых поручений. А Меншиков вскоре после декабрьских событий 1825 года тоже выполнял «особое поручение» — был командирован Следственным комитетом «на Кавказ с целью выяснить настроения в Кавказском корпусе Ермолова». Но составил совершенно благоприятное для генерала донесение [1, 411]!

И это еще не все: вполне актуален вопрос о том, не был ли сам Тимковский в той или иной мере причастен к организациям декабристов? Он и по сей день остается спорным. В ряде источников участие Тимковского в движении рассматривается как не полностью обоснованное предположение [166]. Однако из развернутой таблицы, составленной С. Эрлихом, следует, что имя Тимковского все же было внесено в известный «Алфавит декабристов»², хотя в библиографическом указателе 1982 г. он упомянут как «недекабрист» [195, 282, 308]. Вместе с тем, в статье И. Ерофеевой приводится достаточно развернутая аргументация скорее в пользу утвердительного ответа и подчеркивается, что Тимковский проходил по следственному делу декабристов [60]. Для убедительности приведу две выдержки по поводу Тимковского из первоисточника — протокола допроса П.И. Пестеля. Вот что он отвечал следователям:

¹ Речь идет об уже упомянутой записке Тимковского о киргизах. Между прочим, брат В.Ф. Тимковского, Илья Федорович (1773 — 1853) — профессор Харьковского университета, историк русского права, — был в 1816 г. отстранен от кафедры за вольнодумство.

² Составлен в 1827 г. правителем дел Следственного комитета А.Д. Боровковым.

[...] Слышал я, что у них есть общество, даже некоторых членов оного называли, а именно: Якубовича, адъютанта генерала Ермолова, Воейкова и Тимковского, который теперь губернатором в Бессарабии. Мне также сказывали, что общество сие хотело край, вверенный Ермолову, от России отделить и начать новую династию Ермоловых; но сие токмо в случае неудачи общей революции.

Князь Сергей Волконский ездил в 1824 году летом на Кавказ и там познакомился с Якубовичем, а потом и с Тимковским [...] От них двух узнал он, что в Кавказском корпусе существует тайное политическое общество с революционными намерениями. Из членов сего общества, называли они ему Воейкова, адъютанта генерала Ермолова, говоря, что он один из главных членов. О генерале Ермолове сказывали они, что он об обществе ничего не знает, но членам оного покровительствует чрез старание тех лиц, Ермолову приближенных, кои суть члены общества [126].

Тимковский после восстания декабристов и, возможно, еще до него находился в поле внимания тайной полиции. Вот выдержка из донесения М.Я. фон Фока¹ от 24 октября 1826 г., записанного со слов «веры достойного человека»:

На Ермолова никто не имеет влияния, кроме его собственного самолюбия. Он некоторым своим любимцам позволяет говорить себе *иногда* правду и даже требует этого — но *никогда* не следует их советам. Чем умнее человек, находящийся при нем, тем он менее следует его влиянию, чтобы не сказали, что им управляют. Таким образом сбыл он с рук нынешнего бессарабского губернатора Тимковского, который утруждал его своими планами и советами [64, 288].

Как бы то ни было, права И. Ерофеева, когда пишет: «Нам неизвестны какие-либо конкретные факты, свидетельствующие об участии Василия Федоровича в оппозиционной деятельности, но принципиальная близость его идейных убеждений политическим программам деятелей тайных обществ подтверждается множеством документов и мемуарных свидетельств, и сомнений не вызывает» [60, 547]. В общем, говоря словами любимого пансионского учителя Глинки И.Я. Колмакова (сказанными, правда, по совсем другому поводу): «*знали; но подозрения не было; было известно; но не подозревали!*» [42, 218].

Что же до Глинки, то знакомство с А.С. Меншиковым и В.Ф. Тимковским, вероятно, позволило ему, уже много узнавшему от своего пансионского воспитателя — декабриста В.К. Кюхельбекера²,

¹ Директор Особой канцелярии министерства внутренних дел, потом директор канцелярии III Отделения, ведал политическим сыском и цензурой.

² По воспоминаниям Н.А. Маркевича, Глинка в пансионские годы — возможно, вслед за Кюхельбекером — «не сочувствовал никаким Бурбоном» [94, 140].

уже пережившему бунт в Благородном пансионе¹, хотя бы соприкоснуться в этой глуши, на еще не освоенных по-настоящему просторах Кавказских гор и вод, с целым созвездием мыслящих, знающих жизнь, высокообразованных людей. Ему еще предстояло выйти 14 декабря 1825 г. на Дворцовую и, вероятно, на Сенатскую площадь, чтобы своими глазами увидеть волнующие и трагические события, а через несколько дней выдержать допрос по делу декабристов [39, 372; 42, 229-230]. Правда, относительно Глинки в этом отношении следует избегать каких-либо скоропалительных выводов, памятуя о том, что вспоминала его сестра, Л.И. Шестакова: «Брат никогда не вмешивался ни в политические, ни в хозяйственные разговоры; обыкновенно, когда заговорят о чем-нибудь подобном, он скажет: "Это не по моей части!" и уйдет к себе» [188, 44].

И, наконец, чрезвычайно важно то, что в общении с Тимковским Глинка продолжал открывать для себя Украину — он ведь только что, по дороге на воды, пересек всю ее восточную часть с севера на юг, остановившись в Харькове. И, безусловно, уже был насыщан об Украине в Благородном пансионе со слов своего товарища, Н.А. Маркевича, учредившего там «Общество Малороссиян» (наряду с Минералогическим и Ботаническим), куда был с почетом принят «за музыку»². Что же мог поведать о своей родине юноше со Смоленщины Василий Федорович? Думаю, никто, кроме него самого, не сможет лучше «реконструировать» если не само содержание этих бесед (да это и вовсе невозможно!), то тот дух, который витал над ними. Случилось так, что В.Ф. Тимковский отправил письмо своей сестре, Гликерии Федоровне (матери М.А. Максимовича), всего за несколько месяцев до встречи с Глинкой, 13 ноября 1822 г. Там он описал, какие чувства охватили его при прощании с Украиной на пути в Тифлис. Он ехал к Ермолову, явно намереваясь оставаться на Кавказе как минимум до лета следующего года (дорога-то была долгая и нелегкая, да и служба не отпустила бы!), то есть до тех пор, когда судьба свела с ним Глинку. В пути уже немолодой Тимковский явно испытывал ностальгию по родным краям, грустно погружаясь в одинокое странствие:

Сентября 8-го, прорезавшись сквозь толпы ярмаркующих в Золотоноше, прибыл в Згаль по полудни рано [...] Почитаю излишним изъяснять тебе мои чувствования разнообразные при свидании с сестрою, при виде и посещении левады в пребывание под кровом дому родительского, под сенью

¹ См. подробно: [67, 46-54].

² См. подробнее: [94, 132].

величественных дубов згарских, или на Острой-могиле, и пр. и пр.!!!.. Октября 4 выехал я из Самусёвки [...]; сестра провожала меня до Рублёвки, последней станции подле Кременчуга. Тут расстались мы в горести; тут оставил я родину и круг родных, в котором беспрестанно почти, начиная от самого Петербурга, находился... Я почувствовал себя *странствующим рыцарем службы* (курсив мой. — С.Т.), в коем никто не принимает живого участия¹.

Конечно же, возможное становление в уме и в сердце образа Украины как один из итогов общения с Тимковским, вместе с интенсивным по музыкальным впечатлениям пребыванием в Харькове, было совсем неплохим «прологом» к предстоящему через пятнадцать лет большому путешествию Глинки по Левобережью Днепра! Но к Украине у нас будет повод обратиться еще раз.

А теперь самое время вернуться к вопросу о том, кто содействовал знакомству Глинки с Тимковским, представившим, в свою очередь, недавнего выпускника Благородного пансиона князю Меншикову? Никакого внимания у биографов этот факт до сих пор не вызывал, и лишь однажды в мое поле зрения попала публикация краеведа и журналиста В.А. Хачикова, обозначившего проблему достаточно ясно, хотя и очень бегло: «Тем не менее, представиться ему (Меншикову. — С.Т.) Глинка сам не мог и сделал это [...] при посредстве Тимковского. Как произошло знакомство Глинки с помощником Ермолова? Может быть, ему способствовал товарищ отца, Петровский-Муравский, вместе с которым Глинка прибыл на Воды? Что нужно было юноше от князя, мы тоже вряд ли когда-нибудь узнаем» [184]. Как видим, правильный вопрос повис в воздухе...

То, что Н.И. Петровский-Муравский (см. комм. 2) был посредником, познакомившим Глинку с Тимковским, сомнений почти не вызывает. Но вот по поводу того, какими рычагами он тут воспользовался, мы можем только строить догадки. Правда, есть одно гипотетическое, но далеко не беспочвенное предположение. И касается оно генерала Д.П. Неверовского. Мы уже установили, что Петровский-Муравский прошел свой боевой путь бок о бок с ним (см. комм. 2), так что факт их тесного личного знакомства совершенно неопровержим. Но при чем здесь Тимковский? А дело

¹ Большой фрагмент этого письма приводит М.А. Максимович. — См.: [91, 268-269]. А вот как поэтично написал о тех же местах он сам в автобиографии: «Я родился 1804 года, 3 сентября, на той прекрасной полосе украинских степей, которая на восток от Днепра простирается от города Золотоноши, через Згарь и Крапивну до текущей "серебряными струями" Сулы. — Моя родина — в Згарском хуторе Тимковщине» [92, 324].

в том, что, как оказывается, они с Неверовским были земляками, да еще и очень близкими: оба родились в одном уезде Полтавской губернии — Золотоношском, там же прошли их детские годы. Правда, Неверовский покинул эти места в пятнадцатилетнем возрасте (в 1786 г. он был забран в Петербург и определен в Семеновский полк)¹, а Тимковский задержался на родине дольше. Если учесть к тому же, что Неверовский был на десять лет старше, то познакомиться в родных местах они, конечно, не успели. Но их родители, принадлежавшие к уездному дворянству родом из казаков, обязательно должны были знать друг друга! Мало того, отец Неверовского был Золотоношским городничим [121, 213; 153, т. XI, 186] приблизительно тогда же, когда отец Тимковского служил заседателем в Золотоношском уездном суде. Трудно представить себе, чтобы их семьи, в уездном городе известные, не общались, причем достаточно тесно, и по службе, и в быту. Мы уже знаем, что связи В.Ф. Тимковского и его близких с родными местами на Украине были очень прочными. Но и жизненные пути Неверовских очень долгое время продолжали тяготеть к Золотоноше и окрестным селам. В этом убеждает, в частности, тот факт, что родной брат Д.П. Неверовского, Иван Петрович (последний представитель рода), уже в 1844 — 1847 гг. был предводителем Золотоношского дворянства. Так же, как и Дмитрий Петрович, он на долгое время (и, как выясняется, не окончательно!) покидал родные места, проходя службу во флоте (начинал с гардемарина в 1797 г.; вышел в отставку капитан-лейтенантом в 1816-м), но затем возвратился на Украину и жил в с. Павливицина (ранее называлось Неверовщиной)².

¹ См.: [153, т. XI, 186].

² См.: [72, 191]. Между прочим, в годы активной служебной деятельности в Золотоноше отцов В. Тимковского и Д. Неверовского уездным судьей (с 1782 г.), а затем предводителем местного дворянства (1785—1787 гг.) избирался Иван Леонтьевич Максимович (ок. 1727 — 1801), который также происходил из рода Тимковских. Еще один представитель этого достойного семейства — Николай Васильевич Максимович (1797 — 1867), выйдя в отставку в звании подпоручика в 1821 г., тогда же был утвержден в должности смотрителя Золотоношского уездного училища, а в 1835 — 1838 гг. стал предводителем тамошнего уездного дворянства [72, 188-189, 191]. Особенно занимательно то, что его имя обнаруживаем в «Списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году», опубликованном П. Свиным в «Отечественных записках»: «48, 49. Максимович Василий Иванович, Надворный Советник, из Полтавы; сын его Максимович, Артиллерии отставной Подпоручик, Николай Васильевич» [158, 259]. А в 1832 г. на Кавказ приезжал и сам М.А. Максимович: он был командирован в эти края и собрал тут «богатые коллекции» [104, т. XVIII, 442]. Здесь Максимович встречался с композитором А. Алябьевым.

Возможно, пути Тимковского и Неверовского пересеклись еще в Петербурге — ведь общеизвестно, насколько там в среде выходцев с Украины был силен дух землячества! Возможно, они встретились уже в 1813 году, в заграничном походе русской армии, в котором оба принимали участие, возможно — где-то еще. Главное же, что сама вероятность их личного знакомства никак нельзя игнорировать. И если это так, то Петровский-Муравский¹ — однополчанин и адъютант Неверовского — получал «карт-бланш» на обращения к Тимковскому по самым разным поводам...

Что же до самого Василия Федоровича Тимковского, то его жизненное *credo* в аллегорической форме сумел передать поэт С.Д. Нечаев, посетивший Кавказские минеральные воды летом 1823 г., а в 1825-м написавший стихотворение «Воспоминания», посвященное Тимковскому:

Летел он с Севера — и реки лил добра:
По манию его, добыча запустенья,
Расторг тиранства цепь поработенный Юг;
 Под юной пальмой просвещенья
Нашли прохладну тень искусства и досуг;
 И Мономахова порфира,
Простертая Петром на раменах полмира,
И Запад, и Восток приав под свой покров,
Европу, Азию узлом родства связала².

8. Между прочим я видел пляску черкешенок, игры и скачку черкесов, мирных аулов, разумеется.

Заметка Глинки о черкесском танце и народных играх — единственное на кавказских страницах «Записок» упоминание не только о фольклоре и быте местных обитателей, но и о каких-либо музыкальных или художественных впечатлениях вообще. Однако очень меткое, бьющее прямо в цель — ведь еще в начале XIX века в русских ученых кругах считалось, что «*ристание* (скачка на конях. — С.Т.) и пляска заключают в себе общественные увеселения черкесов» [21, 147]. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к короткой записи Глинки. И первый же вопрос, который тут возникает — где и когда будущий автор «Руслана и Людмилы» мог наблюдать все это восточное великолепие?

¹ О том, что и Петровский-Муравский также мог иметь отношение к Украине, см. в комм. 2.

² [116, 624]. О Нечаеве см. также в I.

Разумеется, Е. Канн-Новикова была права, когда писала в давней статье «Поездка Глинки на Кавказ»: «На улицах Пятигорска ни черкешенки не плясали, ни черкесы не занимались скачками. Эти увеселения [...] не входили в обыденную жизнь аулов. Они были принадлежностью празднеств, в частности летнего праздника — байрама. Можно с достоверностью утверждать, что цитированные строки "Записок" Глинки относятся к народным празднествам байрама, на которых Глинка присутствовал в одном из ближних к Пятигорску аулов» [67, 116].

Сразу же замечу, что, наряду с распространенной практикой выездов на пленэр (см. комм. 6), на Водах существовал и особый обычай отправляться в соседние аулы на празднование байрама¹. Так и поступил летом 1825 года известный русский публицист и издатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин. Он тотчас же взялся за перо, чтобы описать это событие по горячим следам, «пока впечатления еще живы, пока воображение еще не развлечено, не занято другими, не менее любопытными для Европейца предметами»:

Приближась к Аджиеву аулу (близ Горячих вод. — С.Т.) за цепью карет, колясок, напоминавших гулянья в Екатерингофе², я невольно был изумлен картиною, представившеюся моим взорам: прелестная долина, расстилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пестрыми, противоположными. Русские дамы, в нарядах, дышащих Парижем, стояли вместе с Черкешенками, походящими на привидения на их ходулях (называемых *пхавака*). Группы военных офицеров сливались с разнообразными костюмами столичных и провинциальных щеголей; там козаки, черкесы, нагайцы рыскали на борзых конях своих; наконец толпа песельников и музыкантов, расположенных по сторонам раскинутых палаток — всё вместе представляло весьма занимательное зрелище [157, 241-243].

Это было, конечно же, экзотическое продолжение того ощущения маскарада, к которому посетители Вод были уже приучены всем

¹ На массовый характер таких экскурсий обратил внимание очевидец — И. Добродеев (1828 г.): «12 Июня большая часть посетителей минеральных вод из любопытства находились в [...] Черкесском ауле, чтобы видеть увеселения, сопровождающие оный праздник (байрам. — С.Т.)» [56, 222]. Спустя сто с лишним лет Е. Канн-Новикова отметила: «Кто однажды видел байрам, тот навсегда сохранял память об этом незабываемом зрелище. Торжественный праздник ежегодно привлекал толпы любопытных. Посетители Горячих Вод, здоровые и больные, невзирая на палящий зной, отправлялись, — кто в каретах, кто верхом, а кто и пешком, — в мирные аулы, где происходили празднества» [67, 117]. О том, что подобные поездки на байрам превращались тогда в традицию, упоминал и исследователь творчества Лермонтова С. Андреев-Кривич [3, 72].

² Увеселительный парк и излюбленное место гуляний в Санкт-Петербурге первой половины XIX в.

складом тамошнего времяпрепровождения (см. I и комм. 6). А о настроении, царившем на празднике, чудесно высказался Лермонтов в юношеской поэме «Измаил-бей»: «Дни мчатся. Начался байран. / Везде веселье, ликованья» [81, 361].

Кроме уже упомянутых, в 20-е годы на праздновании байрама в Пятигорье присутствовали А.С. Пушкин (1820), М.Ю. Лермонтов (еще ребенком, в 1825 г.), а также, весьма вероятно, литераторы С.Д. Нечаев и И.Т. Раджицкий (1823).

Что же представлял собою черкесский байрам, который приводил в восхищение юного Глинку и его современников? Начну с того, что общим именем *байрам* называются два важнейших исламских праздника: *Ураза-байрам* (или Большой байрам) — праздник разговения, отмечаемый по окончании Рамазана (месяца поста), и *Курбан-байрам* (Малый байрам) — праздник жертвоприношения, сопровождаемый «закланием баранов с раздачей их мяса бедным». См.: [194, т. IIа, 722, т. XVII, 63]. Оба события сопровождалась народными играми, состязаниями, песнями, танцами, скачками.

В этой связи совсем нелишним будет вопрос, на каком, собственно, из двух праздников присутствовал Глинка? Для этого нужно определить, на какие даты они приходились в 1823 году (каждый год оба байрама сдвигаются по исламскому календарю, причем весьма значительно). Известно, что Ураза-байрам отмечают в первый день месяца *шавваль*, сразу же после окончания Рамадана, а Курбан-байрам — через 70 дней после него, в 10-й день месяца *зиль-хиджа*, и празднуют 4 дня. — См.: [194, т. IIа, 722, т. XVII, 63]. Для вычисления точных дат обоих праздников в 1823 г. (1238 г. по исламскому календарю) воспользуемся их расчетом, представленным на сайте «*Gregorian islamic Calendar*». Выясняется, что Ураза-байрам в том году пришелся на 11 июня н. ст. (соответственно на 30 мая ст. ст.), а Курбан-байрам — на 18 августа н. ст., т. е. на 6 августа ст. ст. [199]. Следовательно, Глинка, который провел на Водах все лето от начала до конца, мог присутствовать на любом из двух праздников. Поскольку нам уже известно, что Михаил Иванович прибыл на Горячие воды в конце мая (см. II), он вполне мог застать праздник разговения (Ураза-байрам) и присутствовать на нем 30 мая или в ближайшие последующие дни. Более того, эта версия является предпочтительной, потому что запись о черкесских плясках и играх плотно «вписана» в повествование о первом, пятигорском периоде пребывания на Водах. (Опыт показывает, что Глинка в «Записках»

¹ Здесь и далее даты празднования байрама приведены по этому источнику.

предпочитает не разрывать повествование хронологически, а если и поступает так, то всякий раз специально это оговаривает). Хотя опрометчиво было бы вовсе исключить и то, что Глинка ведет речь о Курбан-байраме; в таком случае он посетил праздничное гуляние 6 августа. В это время он уже был на Кислых водах. Но почему бы, кстати, не предположить, что Глинка побывал тем летом последовательно на двух праздниках байрама? Ведь Е. Канн-Новикова выдвинула в свое время интересное (но, к сожалению, никакими фактами не аргументированное) предположение о том, что «поездки в аулы были для Глинки, при его пытливой любознательности, явлением обычным» [67, 116].

Надо сказать, что русские очевидцы черкесских празднеств писали в те годы и об Ураза-байраме, и о Курбан-байраме. Так, о последнем, безусловно, вспоминал И. Добродеев в письме из Горячеводска, опубликованном в «Вестнике Европы» и датированном 12 июня 1828 г. (праздник Курбан-Байрам тогда пришелся на 11 июня) «Путешествие на Кавказ, кроме других удовольствий, доставило мне приятный случай видеть Черкесский праздник Байрам. Он продолжался три дня (С 12 Июня по 15)» [56, 222, 226]. Можем быть уверены, что именно о Курбан-байраме рассказывал и П. Свиньин в уже цитированной заметке, датированной 15 июля 1825 г. [157, 241]. Праздник тогда начинали отмечать 14 июля. Вероятно, и одиннадцатилетний Лермонтов в тот же день того же года с восхищенным любопытством взирал на будущих героев своих поэм, присутствуя в том же Аджи-ауле на праздновании Курбан-байрама¹.

Чрезвычайно интересная дискуссия складывается вокруг того, на каком из двух праздников байрама присутствовал Пушкин во время пребывания на Кавказских водах в 1820 г. Когда-то известный пушкинист М.О. Гершензон написал: «Он (Пушкин в "Кавказском пленнике". — С.Т.) описывает Байрам — и от Геракова мы знаем [...], что в тот год Байрам начался 5-го или 6-го сентября, и, следовательно, Пушкин мог его видеть у крымских татар», то есть, уже переправившись с Кавказа в Крым [36, 20]². Действительно, в 1820 г. на 6 сентября пришелся *Курбан-байрам*. Однако по всему видно, что М. Гершензон не дифференцировал два разных праздника байрама. А если бы он принял это во внимание, то обязательно учел

¹ С. Андреев-Кривич в свое время всесторонне аргументировал то, что это событие действительно состоялось в детстве поэта [3, 71-76].

² Около 1-го августа 1823 г. Пушкин и Раевские покинули Кисловодск, 5 или 6 августа вернулись на Горячие воды, где провели день или два, а затем отправились в Крым. — См.: [36, 6].

бы в своих суждениях то, что существовал еще и *Ураза-байрам*! И приходился он как раз на то время, когда Пушкин посетил Кавказские Воды — на 30 июня 1820 г.! Не говоря уже о том, что не мешало бы внимательно прочитать авторское примечание Пушкина к «Кавказскому пленнику»: «*Байран*, или *байрам*, праздник разговенья. *Рамазан*, музульманский пост» [134, 134]. Причем в тексте поэмы слова *рамазан* вообще нет; следовательно, оно дополнительно разъясняет, что речь идет именно об Ураза-байраме!

Конечно, я далек от мысли начисто отрицать саму возможность присутствия Пушкина и на татарском Курбан-байраме в Крыму — но сам-то поэт об этом ничего не пишет... Речь же у него идет именно о кавказском, черкесском байраме. На мой взгляд, данное наблюдение может внести некоторые полезные коррективы как в биографический хронограф Пушкина, так и в творческую историю его «южных поэм» «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан».

Теперь разберемся, в каком черкесском ауле Глинка окунулся в стихию народных танцев, песен и игр. Если речь идет об Ураза-байраме, то этот аул следует искать в окрестностях Горячих вод (в будущем — Пятигорска). И первый, едва ли не единственный претендент — *Аджи-аул*, находившийся в четырех — пяти верстах от курорта (в часе пешей ходьбы!). Именно о нем вели речь уже упомянутые П. Свиньин и И. Добродеев, побывавшие на празднике байрама [56, 222; 157, 241]. Аджи-аул был основан кабардинским князем Измаил-беем Атажукиным в 1810 г. Располагался у подножия г. Бештау. Считается, что его под вымышленным названием описал Лермонтов в юношеской поэме «*Аул Бастунджи*». Здесь же был похоронен Измаил-бей — герой другой юношеской поэмы Лермонтова, названной его именем. Просуществовало селение не более двадцати лет — дело в том, что к 1837 г. жители всех кабардинских и абазинских аулов переселились из Пятигорья¹. Ностальгически звучат строки о судьбе аула в поэме Лермонтова, написанной в начале 30-х годов, когда его уже не существовало:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрит от бурь и вольностью богат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград
Цепляясь вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!..

¹ О местоположении аула и его истории см.: [117, 32; 180].

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный, летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле
[...]

Сгорел аул — и слух об нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. — И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула *Бастунджи*?»
(М.Ю. Лермонтов. *Аул Бастунджи*)

Понятно, что Аджи-аула уже давным-давно не было и тогда, когда Глинка, посетивший его в юности, работал над «Записками»...

Если же все-таки допустить, что Глинка написал о своих августовских впечатлениях от *Курбан-байрама*, то аул следует искать в окрестностях теперешнего Кисловодска. Назвать здесь какое-либо точное место я затрудняюсь, отсылая читателей к статье В. Фоменко, где перечислено несколько аулов, существовавших здесь в первой трети XIX в. [180].

Когда Глинка говорит о *мирных аулах*, он употребляет определение, прочно вошедшее в быт и укоренившееся в русской поэзии и прозе XIX века — от Пушкина и Лермонтова до Л. Толстого. Аджи-аул (во всяком случае, в 1823 году) был, конечно, мирным — иначе никакие поездки туда на праздники были бы невозможны по определению. Называли его мирным и современники Глинка. И. Добродеев в 1828 году побывал «в мирном Черкесском ауле, в 4 верстах от Горячеводска» [56, 222], а поэт С.Д. Нечаев, посетивший его почти одновременно с Глинкой, летом 1823 г., писал, что «при подошве Бештовой горы видны два аула мирных Черкесов» (следует полагать, что один из них и был Аджи-аулом). Тут же Нечаев дал и пояснение следующего содержания: «*Мирными* или *замирными* называются те племена Горцев, которые признали себя Российскими подданными и живут в черте новых наших владений» [117, 32]. Хотя, конечно, принимать такую характеристику следует с определенной мерой условности — она могла меняться достаточно стремительно вслед за развитием военно-политической ситуации. Видимо, о таких случаях и писал Пушкин: «Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим

единоплеменникам» [136, 647]. К счастью, лето 1823 года выдалось на Водах относительно спокойным¹.

Но кто же были эти черкесы, так поразившие современников Глинки, только начавших открывать для себя на Кавказе загадочный мир Востока? Ведь совсем не праздным был вопрос, заданный Пушкиным самому себе в одном из вариантов плана так и не написанного «Романа на Кавказских водах» (1831 г.): «*Теперешнее состояние Кавказа, и прежнее. — Кто были жители?*» [137, 770]. Сразу же замечу, что сложность этнической истории кавказских народов никак не способствует легкости ответа на него даже в нынешние времена, и уж тем более — в эпоху Пушкина и Глинки! Что же до простых людей, то у них и во времена Льва Толстого, и много позднее, никакой ясности в этом вопросе не было. Подтверждение тому находим уже в середине 50-х годов, в занимательном диалоге бывалых солдат из рассказа «Рубка леса»:

— Ну, а про эзигатов как рассказывал? [...] — Тоже спрашивают, какой, говорит, там малый, черкес, говорит, или турка у вас на Капказе, говорит, бьет? Я говорю: у нас черкес, милый человек, не один, а разные есть [170, 61].

И все-таки: кого же Глинка называет черкесами? Современный взгляд на проблему коротко сводится к следующему. Под именем *черкесы* известна целая группа близкородственных по культуре и языку народов Западного Кавказа — собственно черкесы, а также кабардинцы, адыгейцы, абазинцы, шапсуги. При этом все они называют себя исключительно *адыгэ*, а язык свой — *адыгским*²; этноним же *черкесы* применяется к ним издавна, но исключительно извне [194, т. XXXVIII, 580]. Кабардинцы и черкесы говорят вообще на одном языке, но и адыгейский часто считают диалектом адыгского языка, общего для всех этих народностей. Таким образом, все черкесы (адыги) являются, вероятно, родственными ветвями одного народа³.

¹ Однако береженого бог бережет, и поэтому при организации народных праздников предпринимались все необходимые предосторожности, связанные с возможными военными эксцессами. С. Недумов приводит извлечение из документа, изданного по инициативе генерала Ермолова в 1824 г.: «В случае устройства общенародных игр, конских скачек и т. п. [...] предлагается заблаговременно объявить об этом полицейскому управлению, [...] которое, по известности ему места, назначает для того удобное и безопасное» [114]. См. также комм. 13.

² Все эти народы, а также живущие к югу от Кавказского хребта абхазы, принадлежат к абхазо-адыгской языковой семье.

³ См. заключение Института этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая РАН по этому вопросу [147]. История черкесов сложна, богата и уходит корнями в глубокую древность — как сообщает словарь Брокгауз — Ефрон, «первые исторические сведения [...] восходят к началу VI в. до Р. Х.» [194, т. XXXVIII, 580]. Первоначально черкесы/кабардинцы «придерживались религии магизма»;

Надо сказать, что еще во времена Глинки это обстоятельство вполне осознавалось. К примеру, С. Броневский в 1810 году определял черкесский язык как коренной, включающий в себя множество наречий, в том числе и кабардинское [21, 101]. В 1823 г. И. Раджицкий с уверенностью замечал, что Пятигорье — «родина Пятигорских Черкесов, или же Кабардинцев» [145, 400]. В 1826 г. французская газета «*Journal des débats*» опубликовала статью, в свою очередь, перепечатанную русским «Вестником Европы», где черкесы и кабардинцы практически признавались единым народом: «За Кубанью и Тереком, на северной стороне гор Кавказа, находим славное племя Черкесов. Их можно разделить на два класса: на Черкесов Кубанских и на Кабардинских, называемых иногда Кабардинцами» [119, 126]. Но еще интереснее для нас то, что любимый пансионский наставник Глинки, К. Арсеньев, в своем знаменитом учебнике географии (см. I) выделил «Кавказское племя, коему принадлежит [...] Черкасы (черкесы. — С.Т.) или Кабардинцы» [5, 200]. Особо примечателен здесь союз «или», «виртуально» соединяющий черкесов и кабардинцев в один народ. И ведь Глинка еще до кавказского путешествия мог знать об этом факте либо из уст самого Арсеньева, либо из его учебника! Кроме того, и тюркоязычное население Кавказа не осталось вне внимания географа. В частности, он относил ногайцев, живших «по подошве Кавказа», к «татарскому племени» [5, 199-200]¹. И эти сведения Арсеньев также вполне мог передать своему способному ученику. Кстати, неслучайно ведь годы спустя в Первоначальном плане оперы «Руслан и Людмила» в IV действии на месте будущего Турецкого танца указано «Татарское па» [44, 107].

Вообще же население горских аулов Пятигорья нередко бывало смешанным, и наряду с черкесами (кабардинцами) в них жили и абазины, и ногайцы [180]. Поэтому-то Глинка вполне мог повстречать ногайцев на байраме в черкесском Аджи-ауле — во всяком случае, двумя годами позже их там же узнал на скачках П. Свинын [157, 242, 243]. Почему бы не предположить, что Глинке удалось послушать также и их песни, увидеть их танцы?

затем от Византии заимствовали христианство (при Юстиниане), а со 2-й половины XVIII в. стали магометанами-суннитами. Хотя сохраняли «рудименты» язычества и христианства вплоть до начала XIX в. [194, т. XXXVIII, 580—581, т. XIII, 780]. Многочисленные подтверждения находим в высказываниях современников Глинки. — См., например: [19, 85; 21, 99; 119, 128].

¹ Татарским племенем Арсеньев по обычаю того времени называл тюркские народы. Так же тогда поступали и в публицистике, и в науке по отношению к коренному тюркскому населению Пятигорья — например, к карачаевцам или к ногайцам. Поэтому путевые очерки и эпистолярные материалы, посвященные Кавказским водам, буквально наводнены татарами, которые таковыми в строгом смысле не являлись.

Трудно себе представить, что в памяти Глинки черкесы запечатлелись лишь женской пляской и скачками. Видимо, он что-то недоговаривает в «Записках». Разве мог его чуткий взгляд и слух не уловить мельчайших деталей быта, народного костюма, обычаев, наконец, самой черкесской фольклорной музыки, без которой, конечно же, не обходился ни один из значительных праздников? Доказательством тому — путешествия Глинки в самые разные уголки Европы — что в Испанию, что на Украину — где мы находили великое множество подобных наблюдений [175; 176]. И черкесы никак не должны стать тут исключением! Не выполнял ли юный Глинка пушкинскую программу, бегло начертанную в «Кавказском пленнике»?

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье
[...]
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.

Что же могло привлечь внимание Глинки или даже поразить его взор в черкесском ауле? По собственному опыту знаем, что первыми бросаются в глаза в чужой земле дома обитателей и то, что вокруг них. Так, вероятно, случилось и с Глинкой. Но в наших силах лишь попытаться реконструировать то, что он мог там повидать — благо, русские путешественники (они же «курортники»), посетившие скромные жилища черкесов почти одновременно с Глинкой, оставили об этом весьма подробные свидетельства. Выясняется, что в первую очередь сочувственно примечали непритязательность, относительное равенство всех в бедности и опрятность. В книге, изданной в год кавказского путешествия Глинки (но написанной ранее), С. Броневский, замечая попутно, что «черкесы живут чище и опрятнее других горских народов», писал по этому поводу:

Строение черкесское весьма простое и легкое к произведению в действие. Дома (сакли) строятся продолговатым четверугольником, по углам столбы связанные переками, в середине плетень обмазанный глиною снаружи и внутри, крышка соломенная или из тростника. Внутри стены чисто выбелены; к одной стене камин, насупротив низкая кровать (диван), застланная ковром или войлоком; над оною висит воинская сбруя, сабля, ружье, пистолет, и к одному углу прибраны прочие домашние пожитки, тюфяки, подушки. Таково есть жилище первейшего князя, как и беднейшего подданного [21, 106-107].

Нечто очень похожее обнаружил в черкесском ауле подле Горячих вод С. Нечаев летом 1823-го:

Жилища как дворян, так и их подданных [...] не иное что, как продолговатые, выбеленные внутри и снаружи мазанки, без потолка, без пола, без рам и без печи. Окны затворяются одним ставнем, а печи заменяет камин с большим шатром, из которого дым выходит чрез сплетенную из прутьев трубу, всегда открытую, даже и зимою. В главной комнате (сакле) хранятся лучшие пожитки и посуда; тут же, в переднем углу обыкновенно стоят два дивана, равно длинные и широкие, украшенные резьбою, весьма похожею на вычуры старинных русских мебели. В жилищах ясырей не нашел я большой разницы от господских палат; оба состояния немного различаются и в одежде. У черкес заметишь, может быть, более опрятности [117, 33].

Нечаеву вторит И. Добродеев, побывавший в Аджи-ауле уже летом 1828 г.:

После, когда кончились [...] увеселения, к вечеру я был в сакле у одного из Узденей¹; нашел в ней большую чистоту и опрятность, и выпил стакан кумысу, которым хозяин угощал своих посетителей. Он просил гостей отужинать; но они, не желая запоздать, от сей чести отказались. Сакля разделяется на две половины: в одной живет Черкес, где он принимает своих друзей (кунаков), родных; из сей половины ведет узенькая дверь, обыкновенно завешенная ковром, на женскую половину, куда никто из мужчин не смеет входить ни в какое время [56, 225-226].

Это черкесское равенство в бедности отметил и В. Броневский в 1832 г.:

Князя [...] живут в такой же грязной мазанке без пола и окон и едят пшеничную кашу вместо хлеба. У Князя на столе найдете вы то же, что и у всякого Черкеса: кусок вареной или в золе печеной баранины, жареное просо, бузу и дурной мед; и все до того плохое, что зажиточный наш крестьянин, конечно, не согласился бы быть Черкесским Князем [19, 86].

Как видим, и гастрономические нравы черкесов были непрехотливы. Приведу свидетельство еще одного русского (1828 г.):

Обыкновенную пищу их составляют: пшено, молоко, мед; питье: одна только вода. — Они чрезвычайно трезвы и вовсе не употребляют хмельных напитков, кроме тех, кто покунакались (подружились) с нашими Русскими [123, 93].

Особенно примечательно здесь завершение пассажа. Как поражает это почти глобальное самоограничение в потребностях в сочетании

¹ Уздень — представитель высшего сословия у многих народов Кавказа.

со знаменитым черкесским гостеприимством, о котором ходили легенды!

Однако были обстоятельства, при которых природная сдержанность покидала черкесов. Оказывается, две ценности были для них абсолютными, непререкаемыми: это оружие и кони. И здесь мы вплотную подошли к вопросу о том, чем конкретно могли запомниться Глинке «*игры и скачка черкесов*»?

Пушкин, рисуя портрет черкеса в «Кавказском пленнике», представил его в колоритном антураже военного быта:

Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаля, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный.

Внимательный очевидец так описывал черкесов в 20-е годы: «За плечами висит ружье в волчьем чехле с всколоченною шерстью, что еще более увеличивает их разбойничий вид» [123, 90]. А генерал русской армии В.А. Потто значительно позднее представил развернутый портрет этого *L'homme armé*¹:

Черкес весь был поэтическое создание войны, и вместе творец ее. И если справедливо, что по достоинству оружия безошибочно можно заключить о военном достоинстве народа, — то всего справедливее это было по отношению к черкесам [...] Доброе оружие для храброго человека — кумир, которому приносит он в дар и серебро, и золото, и все, что мог бы только сложить к ногам любимейшего существа [...] Черкес покрывал блестящей оправой винтовку, а жене оставлял труд и нищету боевой жизни. Чтобы достать булатный клинок, он тревожил прах умерших, разрывал могилы крестовых рыцарей, сложивших свои кости и доспехи в его земле. Чтоб иметь добрую винтовку, он не жалел дочерей-красавиц — продавал их за море, туркам. И добытое такой ценой оружие становилось семейною святынею. Сбережъ отцовское оружие считалось несравненно большею обязанностью, чем считается у нас сбережъ знаменитое отцовское имя.

И далее историк описал черкесское одевание во всей его милитаризированной красоте:

¹ Вооруженного человека. — фр.

Несмотря на то, что черкес с ног до головы обвешан оружием, оно пригнано так, что одно не мешало другому, ничто не брэнчалось, не болталось [...] Все незатейливое походное хозяйство [...] было при нем: на поясе висела жирница и отвертка, служившая вместе с тем и огнивом; кремль и трут помещались в боковом кармане черкески вместе с натурскою для пороха; серные нитки и куски смолистого дерева для быстрого разведения огня находились в одном из газырей, освобожденном от пороха [128, 375-377].

Ранее, в начале века, С. Броневский так описал одежду черкеса:

Верхнее платье суконное, большею частью серого или черного цвета, длиною немного пониже колена, подпоясанное ремешком, к коему прикреплена сабля [...] На каждой стороне [...] кафтана, против груди пришиваются по три или по четыре места для вкладывания патронов. Без сабли, пистолета и кинжала никогда не отлучаются они от двора; но в полном военном наряде вооружаются еще луком, колчаном с стрелами и ружьем, и, у кого есть, надевают на себя панцырь. Сверх всего накидывают на себя бурку или войлочную епанчу так, чтобы левая рука ею была закрыта, а правая рука и плечо были свободны [...] Главное щегольство Черкесов состоит в оружии; и хотя они преимущественно стараются о доброте оного, однако не отвергают приличного украшения. Конские уборы, сабля, ружье, пистолет покрываются серебряною и золотою насечкою с чернью, довольно богато и со вкусом, седло и сабельные ножны обшиваются тасьмами серебряными же или золотыми [21, 103, 105]¹.

К этому нужно добавить единодушное мнение современников Глинки о природной красоте черкесов — совершенно экзотической для взгляда северного человека, но, вместе с тем, полной грации, изящества и силы. Французский автор через три года после поездки Глинки писал, что черкесы «красотою и ловкостию отличаются [...] от всех племен Кавказских», что они «имеют стан Геркулеса [...]»; крепки мышцами и с удивительным искусством владеют саблями» [119, 126]. Еще два года спустя уже русский замечал: «Горцы весьма стройны; черты лица самые благородные, важные, но всегда суровые и воинственные. [...] Большая часть имеет орлиные [...] носы; глаза черные, большие, самые воровские, живые и сверкающие; небольшие черные усы» [123, 89]. А в конце века энциклопедический словарь констатировал: «Кабарда была и поныне еще остается для горцев

¹ Словарь Брокгауз — Ефрон дополнял картину: «Костюм ч[еркеса] состоит из бешмета или архалука, черкески, пуговиц, чевяков, бурки и папахи, обшитой галуном, с башлыком, напоминающим фригийскую шапку. Оружие — шашка [...], ружье, кинжал и пистолеты; на черкеске по обеим сторонам кожаные гнезда для ружейных патронов» [194, т. XXXVIII, 581].

школой хорошего тона и манер (курсив мой. — С.Т.). Все горцы сев. Кавказа, а за ними и казаки, заимствовали у к[абардинцев] форму одежды, вооружение, посадку на коне и т. п.» [194, т. XIIIА, 781]. Таким образом, в русской культуре складывалась своеобразная «черкесская мода»¹. К рубежу 30 — 40-х годов, по мнению современного литературоведа, «безукоризненное подражание внешнему облику черкеса» стало «признаком истинного денди» [69, 247]. А в атмосфере маскарада, которая формировалась на Кавказских водах еще в начале 20-х годов, при Глинке, все это было весьма кстати. Надо сказать, что эта мода задержалась на десятки лет, превратилась в модель жизненного поведения, и уже в 50-е годы ей вынес окончательный вердикт Л. Толстой в рассказе «Набег»:

Это был один из наших молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени [...], и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов [170, 14].

Стоит ли удивляться, что с тех времен человек с ружьем (при этом зачастую — черкес) на многие десятилетия стал обязательным атрибутом русской литературы о Кавказе! В этом смысле и вовсе похожей на мрачноватый анекдот выглядит история, поведанная Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: «Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что *ружье его слишком долго было заряжено*» [136, 648]. Вообще же такое скопление персонажей «разбойничьего вида», как при лечении на Кавказских водах и по дороге туда, Глинке доведется повидать лишь в Испании, в середине сороковых. — См.: [175], а также I и комм. 13.

Не меньше, чем оружие, ценили черкесы добрых коней. Недаром современник Глинки подмечал, что «черкес проводит всю жизнь на коне» [19, 87], и не случайно лошади знаменитой кабардинской породы² известны во всем мире с древности и до наших дней. Их, вероятно, и довелось повидать юному Глинке на черкесском байраме.

¹ В начале 30-х годов В. Броневский замечал: «Я люблю [...] Черкесов [...]; люблю смотреть на них, потому что они очень статны, развязны и щеголевато одеваются» [19, 82].

² «Черкесская порода лошадей, известная у нас под именем кабардинской, — представляла благородную смесь арабской и персидской крови. Она отличалась необыкновенной легкостью в скачке, выносливостью, добронравием и смелостью; впрочем, последнее качество было не столько врожденное, сколько составляло результат ее отличной выездки», — писал В.А. Потто [128, 377]. Подробно о коневодстве у черкесов см.: [21, 134-136].

Каких-либо точных сведений о его отношении к лошадям до путешествия на Кавказ не существует, однако трудно представить себе, чтобы в смоленской «глубинке», в Новоспасском, не выпадала возможность познакомиться с ними поближе и поскакать верхом. Тем более, что у отца, Ивана Николаевича, «был свой очень хороший конский завод» [188, 45], и он, конечно, знал толк в лошадях. И уж достоверно известно, что позднее интерес к конным прогулкам не раз проявит себя в жизни Глинки — особенно во время путешествия в Испанию. — См. комм. 14, а также: [175, 58-62, 109-117, 158-159, 512].

П. Свиньин описывает коня—победителя скачек в Аджи-ауле летом 1825 г. как «прекрасное творение, самой чистой горской крови, которая становится очень редка, по смеси горских лошадей с Русскими». И продолжает, обобщая: «Настоящая горская лошадь есть клад для здешнего краю — твердостью походы, неоцененной по каменистым крутым дорожкам и неизмеренно сносливостью, легко проскакивая 60 и 80 верст в один прием» [157, 248]. Что и говорить о привязанности черкесов к своим коням и о той степени заботливости, с которой они за ними ухаживали! Недаром другой очевидец увеселений байрама в 20-е годы писал: «Лошади горские почитаются за весьма быстрых и огненных. Они убирают их весьма богато, большею частию серебряными бляшками под чернью» [123, 93]. А вот что сообщал об этом В. Потто — безусловно, знаток вопроса:

Седло черкеса было легко, покойно и не портило лошадь даже тогда, когда по целым неделям оставалось на ее спине. Для побуждения коня черкесы вместо шпор употребляли тонкую, изящно сплетенную нагайку, на конце которой навязывалась плоская кожаная лопасть для того, чтобы при ударе не столько причинять лошади боль, сколько пугать ее [...] Черкес в седле не спускал рукавов и не оставлял нагайки без дела ни на одну минуту, но зато, как скоро вынул ногу из стремени, он делался рабом и нянькой своего усталого скакуна. После арабов никто не школил лошадей так жестоко и вместе не ухаживал за ними с такой заботливостью и нежностью, как черкесы. У лучших рубак на Кавказе [...] развитием смелости в коне занимались столько же, как и ловкости в самом наезднике [128, 377-378].

О черкесах-наездниках афористически высказался очевидец — Пушкин:

Его богатство — конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
(А.С. Пушкин. Кавказский пленник)

В. Потто проникательно замечал: «Страсть к набегам была у черкесов повсеместная; но желание добычи стояло при этом далеко не на первом плане; чаще увлекала их жажда известности, желание прославить свое имя каким-либо подвигом, чтобы стать героем былины, песни, предметом длинных вечерних рассказов у очага его бедной сакли» [128, 378]. Где же лучше всего такой вооруженный всадник мог проявить себя в мирных условиях? Конечно же, в воинских состязаниях и играх, свидетелем которых и стал Глинка! Эта конно-стрелковая феерия была для него настоящим потрясением и одновременно важным шагом в постижении национального характера черкесов и других народов вообще — ведь будущему автору «Руслана» и «Испанских увертюр» еще не доводилось повидать каких бы то ни было чужеземцев в их природной среде (см. I). К счастью, современники Глинки оставили нам несколько подробных и достаточно точных описаний состязаний на празднике байрама в Аджи-ауле. И среди них — все тот же П. Свиньин, написавший об этих развлечениях дважды, в 1825 и в 1830 г.¹ Приведу здесь его наблюдения 1825 года:

Шум и всеобщее стремление к стороне аула дали знать, что Черкесы, пустившиеся на скаку, возвращались. Все кинулись на близлежащее возвышение и ясно увидели, что гнедая лошадь была впереди всех; о прочих же нельзя было сделать решительного определения: ибо непрерывно одна другую обскакивала, повинаясь усилиям всадников; облако пыли плавало над ними. По мере приближения скачущих, увеличивалось нетерпение Черкесов [...] Гнедая лошадь Султана Керим-Гирея² выскакала премию [...] Какое торжество для победителей, какой удар для отставших! Одних обременяли приветствиями, восклицаниями, над другими подшучивали. [...] Отличную свою ловкость и мастерство в верховой езде Черкесы показали нам при стрельбе в цель, последовавшей за скачкою. На длинном шесте прикреплена была дощечка с наклоном, [...] и в эту-то метку должно было попадать на всем скаку из ружья или пистолета, обернувшись совершенно назад. Можете представить себе, сколь много потребно для сего твердости в седле и меткости в стрельбе: равномерно Орловский³ из каждого всадника сделал бы прекрасную картину. [...] Этот маневр изучивается ими единственно для отражения сильного неприятеля в преследовании⁴.

¹ Выдержки по этому поводу из корреспонденции 1830 г. в свое время цитировала Е. Канн-Новикова. — См.: П.С. Письма с Кавказа. Московский телеграф. 1830. Июнь, №11. С. 326 — 327 [67, 119].

² См. о нем подробнее ниже.

³ Русский художник-романтик польского происхождения.

⁴ Это упражнение повторялось из праздника в праздник. Во всяком случае, уже в 1828 г. И. Добродеев писал все о том же: «Некоторые из Черкесов на всем скаку

Увеселения Байрама заключались поднятием серебряных рублей с земли — также на всем скаку. Эта забава утвердила нас еще более в высоком мнении насчет мастерства Черкесов ездить верхом; ибо, кроме того, что нужны сверхъестественная цепкость и ловкость, еще более нужен экилибр, чтоб всем корпусом опуститься под седло, и опять на нем утвердиться¹. Вместе с тем мы были свидетелями нескольких пресмешных сцен и положений всадников, падавших с лошадей или носимых вниз головою! [157, 247-250]².

В общем, прав был другой современник Глинки, который дал лаконичную и емкую характеристику черкеса как раз в тех амплуа, в которых он отличался на игрищах байрама: «*Горец на лошади — волтижер; сражаясь ружьем — тиральер³; шапкою — венгерский гусар; кинжалом — единствен в своем роде*» [123, 94]. Подобный герой так и просился на поэтические страницы. Немедля его впустил туда Пушкин в «Кавказском пленнике»:

стреляли в цель, другие ударяли в оную нагайкой, а некоторые кинжалом. Сии игры они производят с удивительным искусством и проворством. Лошадь летит, и черкес, не доежая шагов двадцать до цели, успевает вынуть из чехла свое ружье и редкий дает промах» [56, 225]. Кроме того, Добродеев упоминает еще и борьбу, состязания по которой велись «на вылет» [56, 224], а Свиньин — о срывании шапки соперника на скаку с последующей прицельной стрельбой по ней. — См.: П.С. Письма с Кавказа. Московский телеграф. 1830. Июнь, № 11. С. 326 — 327. — Приведено по: [67, 119].

¹ О том, что эти развлечения были полезны черкесам и в боевой практике, узнаем из книги С. Броневского: «Ристание состоит в скачке на лошадях в обгон до условленной цели, или в военных эволюциях, как то: в стрелянии на всем скаку с лошади из лука, ружья, пистолета в цель [...] и в других быстрых движениях, обнаруживающих ловкость всадника и поворотливость лошади. Смелые наездники в Кабарде приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоты оных. Сей отчаянный навык, подвергающий всякой раз жизнь седока вместе с лошадыю видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони» [21, 147].

² Азартный Свиньин не ограничился пассивным созерцанием этой великолепной джигитовки, но вдобавок стал инициатором создания призового фонда для победителей скачек: «Чтоб празднество Байрама сделать блистательнее и тронуть слабую струну Черкесов — пощекотать их соревнование, я предложил сделать подписку для составления некоторой суммы, из коей можно было бы производить награды отличившимся в скачке, пляске и стрельбе. Предложение мое принято было почти всеми посетителями горячих вод, и в несколько часов собрано было несколько сот рублей (что само по себе свидетельствует о том, что в том году немало было среди курортников и людей с неплохим достатком. — С.Т.). При посредстве услужливого Г. Коменданта здешнего повешено было во все Черкесские и Нагайские аулы о раздаче премий» [157, 241-242]. Интересно, была ли организована подписка для сбора средств на призы и в день приезда на байрам Глинки с его товарищами, и если была, то как они в ней участвовали?

³ Солдат французских колониальных войск из Северной Африки.

Бывало, в светлый Баиран
 Сбегутся юноши толпою;
 Игра сменяется игрою.
 То, полный разобрав колчан,
 Они крылатыми стрелами
 Пронзают в облаках орлов¹;
 То с высоты крутых холмов
 Нетерпеливыми рядами,
 При данном знаке, вдруг падут,
 Как лани землю поражают,
 Равнину пылью покрывают
 И с дружным топотом бегут.

Конечно же, сила впечатления, которое оставила у молодого Глинки эта безудержная скачка, сопоставима только с завораживающим шоком от испанской корриды, испытанным им уже в зрелом возрасте², — но без кровавой развязки! Правда, очевидец на всякий случай предупреждал слишком беспечных зрителей: «Черкесы перед борьбою всегда снимают с себя оружие и отдают другим свои кинжалы, потому что нередко подобные игры, вследствие их горячности, *оканчиваются убийством* (подчеркнуто мною. — С.Т.)» [56, 224-225]. При этом зрелище явно имело хорошо продуманную драматургию: праздник нёсся к кульминации подобно тому, как разворачивается действие в сюите восточных танцев из глинкинского «Руслана» — от медленного и томного турецкого к обжигающему вихрю «Лезгинки». «Хороводы составились в разных местах. Там пели, там плясали; [...] там скакали, там стреляли из пистолетов, там поднимали деньги; дикие напевы, восклицания наездников, выстрелы, топот коней — раздавались со всех сторон», — писал П. Свинын, ошеломленный этим кавказским буйством³. Пение оказывалось погруженным в звуки военного быта, что прекрасно описал шотландский путешественник: «Эта пляска имеет такое непреодолимое обаяние для черкесских молодых людей, какое оказывает "первая кадрили" еще и сейчас на молодых людей Англии. Но даже к такому, казалось бы, мирному развлечению, должно всегда здесь примешиваться нечто воинственное: так ежеминутно

¹ Литературоведы до сих пор не заметили, что строки об орлах — вероятно, прямой отзвук непосредственных впечатлений, полученных Пушкиным на байраме. Вот что писал И. Добродеев об одном из занятий на этом игрище: «Некоторые пускают стрелы в орлов, коих в сей стране находится очень много» [56, 225]. См. также комм. 5.

² См.: [175, 248-255].

³ П.С. Письма с Кавказа. Московский телеграф. 1830. Июнь. № 11. С. 327. — Приведено по: [67, 119].

раздавались выстрелы из пистолетов над кругом танцующих, и непрестанно этот круг находился под угрозой быть прорванным под натиском всадников [...], которых, однако, сдерживает кучка молодых пеших людей, старающихся визгом и ударами ветвей пугать коней. [...] Все это, по-видимому, не оказывает ни малейшего влияния на нервы дам, как молодых, так и старых» [12, 480-481]. Но и наоборот: все воинские забавы черкесов сопровождались музыкой. Это подтверждают и современные исследователи: «В продолжение джигитовки музыканты играли ритуальные и плясовые наигрыши» [38, 151]. Так что пляску черкешенок Глинка мог видеть и слышать под аккомпанемент, составленный из пистолетной пальбы, выкриков наездников и конского топота попеременно с пением!

Можно только гадать, каким потрясающим был контраст между скачкой и танцем, исполненным, без сомнения, самыми прекрасными горняками. Во всяком случае, все очевидцы отдавали должное несравненной красоте черкешенок, о которой слагались легенды и песни. С. Броневский раньше многих других (в 1810 г.) спел гимн «издревле прославляемым» прелестям черкешенок, мастерски вплетая его в научное описание Кавказа:

Глаза черные, волосы темно-русые, нос продолговатый без горбины, рот небольшой, словом весь оклад лица антиковый греческий при белизне, смешанной с легкою тенью и румянцем. Если к сему присовокупить полную высокую грудь, стройный стан, ноги малые, то мы будем иметь общее понятие о чертах лица и телосложении черкесских красавиц [...] Восточные народы тщеславятся тем, чтобы иметь в числе жен или наложниц черкешенку и потому покупают их за дорогую цену для пополнения гаремов [21, 101-102].

А. Бестужев-Марлинский в повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», сравнивая их с другими обитательницами этих мест, замечал: «Черкешенки вовсе иное дело, — да мы осуждены любоваться ими как недоступными вершинами Кавказа и видим их едва ль не реже солнечного затмения» [13, 257]. И голоса путешественников — безусловно, на стороне черкешенок: «Белизна тела, темнорусые или черные волосы, правильное очертание лица, стройный стан и опрятность, столь выгодная для красоты природной — вот что, говорят, заставляет удивляться Черкешенкам и в самой Европе» [119, 126]. Еще один современник Глинки писал: «Черкешенки столь же стройны или еще стройнее, нежели мужчины. [...] Лица их самые выразительные; глаза черные, пылающие страстию; волосы и брови черные, как уголь; тело белое, как снег Элбурса; щеки алые, как роза

кавказская; губы пурпуровые, украшенные удивительно прекрасными зубами. Так горцы описывают своих красавиц в песнях, и справедливо. — Языки восточные всегда украшаются сравнениями, нередко превышающими всякое вероподобие» [123, 89-90]. Комментируя последнее высказывание, литературовед Т. Китанина обращает внимание на то, что «даже авторы, претендующие на документальность изображения "дикого" Кавказа, порой не могут совладать с давлением пушкинского текста», и что «одно упоминание о черкешенках мгновенно переносит повествователя из диких гор на цветистый романтический Восток» [69, 238-239]. Действительно, с этим трудно не согласиться — да ведь и Глинка много позднее, в женском «Персидском хоре» из «Руслана», не без влияния Пушкина смог возвысить конкретные черкесские наблюдения и слуховые впечатления, создав первый шедевр русской музыки о Востоке. Правда, на фоне этих утонченных, изощренных, а подчас и витиеватых характеристик по-детски искренне в своей простоте звучат слова «Черкесской песни» из юношеской поэмы Лермонтова «Измаил-бей»: «Много дев у нас в горах; / Ночь и звезды в их очах» [81, 361]¹.

И, наконец, прежде чем перейти к танцу, несколько слов о костюмах, которыми черкешенки могли порадовать взор юного Глинки. С. Нечаев писал, что у черкесов «при посещении гостей хозяйка не смеет сесть пред ними; если она молодая женщина, то и совсем не показывается»; зато «девицам позволено пощеголять своим нарядом» [117, 33]. Более того, это «модничанье» было не лишено и некоего эротического оттенка, что и отметил С. Броневский в одежде молодых черкешенок: «самая простота оной способствует к обнаруживанию телесных форм и не закрывает стройного стана, коим девицы щеголяют» [21, 105]. И тут же описал, во что, собственно, одевались девицы: подпоясанная длинная рубаха, красная шапка, широкие шаровары; волосы заплетены в длинную косу, лежащую на спине [21, 104-105]. А рост этих горянок несказанно увеличивали носимые на башмаках ходульки (*пхавака*), которые, по мнению очевидцев, делали их «походящими на привидения» и настоящими великаншами в сравнении с мужчинами [56, 224; 157, 242]. На время танца они снимались: «Девушка делала шаг вперед, сходила с высоких деревянных ходуль на землю и оставалась в сафьяновых чувяках, украшенных великолепным растительным орнаментом; это были чувяки, предназначенные

¹ Не менее восторженно отзывался о черкешенках Иван Раджицкий в повести «Али-Кара-Мирза»: «Я помню, раз сказал мне аталык, / Что наших дев нет краше под луною» [142, 20].

специально для танцев» [11, 56]¹. Ну прямо по солдатским словам о царице Тамаре перед лезгинкой из сказки «Кавказский черт» Саши Черного: «*девушка высокого роста, известно, стесняется*» [155, 29]!

Вот в таких экзотических одеждах и явились черкешенки пред взором юного Глинки. Четырнадцатилетний Лермонтов словно о нашем герое написал в поэме «Кавказский пленник»:

...Черкешенки к нему сбежались,
Водою чистой умывались.
[...]
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой
Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

Что же они напевали будущему классику русской музыки, «сплетаясь в тихий хоровод»? Установить это точно, конечно же, сейчас невозможно. Но высказать некоторые небеспочвенные предположения вполне в наших силах.

Здесь сразу же надо разобраться в том, что имел в виду Глинка, когда вспоминал о «пляске черкешенок»? Исключительно женский танец? Или фрагмент общей пляски, исполненный девушками? Но, возможно, ему так приглянулись именно черкешенки в танце, что он решил написать только о них?

Если речь шла о собственно девичьей пляске, то в первую очередь следует обратить внимание на некую *деньону*, о которой из очевидцев — современников Глинки упомянул лишь П. Свинын (байрам 1825 года): «Празднество началось плясками. Долго Черкесы мучили нас *Деньоною*, — род козачка, который танцуют большею частию *одни девушки* (подчеркнуто мною. — С.Т.), толчась на одном месте и вывернув назад плеча, как солдаты, — с потупленными глазами в землю, без малейшего движения на лице — подобно автоматам» [157, 243]. Конечно, описание не блещет восторгом, но ведь Глинка наверняка воспринимал этот танец совсем с другим настроением!

Однако парадокс состоит в том, что ничего хотя бы отдаленно напоминающего название *деньона* в литературе об адыгских народных танцах обнаружить не удастся. Поэтому вновь вернемся к заметке Свинына и выясним, что происходило на празднике во время танца черкешенок и сразу после него:

¹ К этому следует добавить, что до замужества черкешенки (начиная с 7 — 8 лет) носили кожаный корсет, тесно сжимавший грудь и делавший талию очень узкой. — См.: [12, 503-504; 56, 224; 194, т. XXXVIII, 581].

Потом еще дольше танцевали они Ук, составя из себя кружок и схватясь крепко руками — мужчины с девушками, так, что монотонные движения сего круга более всего можно уподобить морской зыби, а песни их, при том производимые, — реву бури [...] В продолжение сего времени внимание наше неоднократно увлекаемо было шумными приходами Черкешенок из соседних аулов. Они сопровождались несколькими всадниками, певшими во все горло, и предшествуемы были старою Дуенною, злобно озирающею на нескромные взоры зрителей, тщетно старавшихся выманить взгляд или улыбку робких красавиц — шествовавших с потупленными глазами, крепко держаась рука в руку и казавшихся более обреченными жертвами, чем участницами общего веселья [157, 243-245].

Судя по всему, петербургский гость ведет здесь речь о таком важнейшем событии черкесского праздника, как *прибытие на игрище девушек*, сведения о котором находим в книге этнографа Б. Бгажнокова¹. Для нас же особенно важно, что П. Свиньин приводит и название общего танца — *ук*, конечно же, имея в виду (в несколько искаженной транскрипции) едва ли не древнейший и знаменитый черкесский хороводный танец — *удж*, бытующий во множестве разновидностей². Обратим внимание на то, что, по наблюдениям другого современника Глинки, И. Добродеева, удж оставлял место и специально девичьей пляске:

По прибытии моем в аул, в 3 часа пополудни Черкесы и Черкешенки (девицы) все находились на улице и были одеты наряднее

¹ Исследователь так описывает этот обычай: «В группе всадников, отправляющихся в другой аул на игрище, выделялась глава девушек [...], которая восседала на коне одна. Еще у себя в ауле, где-нибудь на площади, около мечети, она собирала девушек и «выдавала» их по собственному усмотрению всадникам. Затем сама садилась на [...] коня и, возглавив группу, отправлялась на игрище. Ее сопровождала [...] личная охрана из трех-четырех всадников. [...] Присутствие на игрище обаятельных, знатных, хорошо танцующих девушек, [...] способных украсить торжество, — считалось обязательным. Чтобы пригласить и привезти их на игрище, за ними посылали группу всадников [...] В честь прибытия [...] девушек музыканты играли специальный марш — гуацэ ордэ («песня княжны»). [...] Поддерживаемая [...] распорядительницей танцорок (ее-то, видимо, и называл П. Свиньин *дуенной* — на испанский лад! — С.Т.), княжна подходила к оркестрантам и здоровалась за руку поочередно со скрипачом (флейтистом) и ударниками. Это был знак особого внимания к музыкантам. В ответ они вновь, с еще большим подъемом играли марш, прославлявший девушку. Тем временем княжна [...] отступала от музыкантов назад в отведенное для нее место в ряду танцорок [...] В свою очередь музыканты демонстрировали новые сцены галантности: не оставаясь на своих местах, они медленно шли вслед за девушкой, наигрывая марш и слегка подпевая голосом инструментам, стремясь к тому, чтобы каждое движение их тела гармонировало со звуками льющейся музыки» [11, 45-47].

² О танце удж см. подробнее: [38, 149].

обыкновенного. Спустя несколько времени, запели песню, которая состояла из одних звуков (произносили сии звуки: тра ла ла ла, а ла, и сим подобные), не заключающих в себе никакого понятия [...] По прибытии их в назначенное для увеселения место, Черкесы сделали особенный круг, а Черкешенки другой. Разделившись таким образом на две партии, Черкесы одни начали петь свои песни, стараясь перекрычать один другого, и сильно хлопали в ладоши (подчеркнуто мною. — С.Т.). Один подыгрывал им на какой-то особенного устройства дудочке. Пение их всегда сопровождалось пляскою [56, 222-223].

Из этнографической литературы известно, что ритуал прибытия девушек сопровождался общим танцем *гуацэ удж*, в который (как часть целого), следует полагать, вполне вписывается и девичья «деньона». Характер этого танца «плавный, величавый»; обычно он исполняется «в честь княжны (*гуацэ*), которая могла возглавить танцующие пары» [38, 139]. А то, что происходило с пляшущими дальше, четко ассоциируется с другой разновидностью того же танца — *удж хурай*. При этом картинка, нарисованная Свинымым (см. выше), во многом сходится не только с описаниями Добродеева или британца Дж. Белла, но и со сведениями современных этнографов.

Так, Добродеев замечал:

В заключение их пения Черкесы и Черкешенки, переплетаясь между собою руками, наконец составили общий круг — все плясали и пели [56, 223].

Достаточно сопоставить наблюдения Свинына и Добродеева с нижеследующей зарисовкой Белла (1837), чтобы убедиться: писали они об одном и том же танце.

Мужчины и женщины с увлечением танцевали, образуя обширный тесно сплоченный круг [...] Круг состоял из мужчин и молодых девушек; каждый мужчина держал как бы под руки девушек, между которыми он находился, переплетая с ними пальцы [...] Музыканты и другие мужчины, из которых некоторые присоединяли свой низкий голос как аккомпанемент к музыке, все они помещались в середине круга. Инструментами служили род флейты с тремя отверстиями для пальцев и двухструнная скрипка [...] Что касается танца, то он состоял только из ритмических движений тела назад и вперед (вся цепь танцующих в то же время медленно движется кругообразно), как будто бы они все готовились мягко вспрыгнуть вверх, стоя на кончиках пальцев ног; иногда только часть круга делала движение вверх, придавая остальным словно волнообразные движения. Иногда все танцоры одновременно как бы устремлялись вверх [12, 480].

Б. Бгажноков считает, что Белл описывал именно удж хурай и приводит собственную развернутую характеристику этого танца [11, 54-55].

Итак, Глинка, вероятно, видел на праздновании байрама *гуацэ удж*, а также, возможно, и *удж хурай*. Самостоятельный выход черкешенок его очаровал и особенно запомнился, о чем он и не преминул сказать в «Записках». Возможно, не последнюю роль здесь сыграл и особый эмоциональный тонус женской пляски: сдержанность в сочетании с достоинством и затаенной страстью. Вот что по этому поводу замечает современный этнограф: «Линия сдержанного, скромного поведения девушек давала о себе знать и в самой манере танцевать: резкие, порывистые движения рук и особенно ног и корпуса считались совершенно неуместными. [...] Повсеместно девушкам запрещалось поднимать руки выше пояса. [...] Обнаруживаются характерные для адыгов общие представления об эстетике движений во время танцев. [...] Для женщин — плавные, сдержанные движения рук при неподвижном корпусе и совершенно скрытые, — под длинным платьем, — движения ног» [11, 60]. Правда, Дж. Белл давал куда более эмоциональную характеристику поведения черкешенок. Он примечал, что «девушка [...] имеет воинственный вид, как будто ее невинность вооружена во всю и неуязвима для всех атак», что «волнистые локоны ее длинных волос, ее развевающееся платье и ее скромная походка придают ее фигуре женственность, [...] достоинство и грацию»; а одна красавица-девица даже «заставляла [...] много раз думать об Орлеанской деве, исполнявшей [...] свой воинственный долг в отношении своих товарищей по оружию». В итоге английский путешественник приходил к выводу: «Не нужно думать, что [...] у них совершенно заглушена главная характерная черта их пола (и, конечно, не менее свойственная им, чем другим) — желание нравиться, потому что покрывало, которое они носят, обыкновенно бело, как снег, и ниспадает широкими складками, часто оно сделано из тончайшего муслина или из самой лучшей ткани» [12, 503-504]. Вообще же некоторую пикантную двойственность поведения черкешенок на байраме — сочетание какой-то детскости и очаровательной женственности — буквально в двух штрихах охарактеризовал И. Добродеев: «Черкешенки однако ж во время пения не хлопают в ладоши. [...] После пляски Черкешенки качались на качелях, а некоторые с любопытством смотрели на наряды дам, посетительниц» [56, 224].

Что же касается загадочной «деньоны», которую П. Свиньин когда-то определил как «род козачка», то она очнулась спустя многие годы в «Руслане и Людмиле»! Музыковеды не раз это отмечали.

О. Левашева писала, что основная тема «Лезгинки» из этой оперы написана «в характере казачка» [78, 138]¹. Х. Аракелов придерживался того же мнения, ссылаясь на давнюю статью Д. Аракчиева, который, в свою очередь, вспоминал, что эта музыка «есть мелодия "Казачка"», слышанная им «в детстве много раз в г. Владикавказе»². Правда, они никак не увязывали эти наблюдения с конкретным впечатлением Глинки от пляски черкешенок. С другой стороны, Е. Канн-Новикова как раз привела выдержку из уже известной нам заметки Свинына с упоминанием о «козачке», однако вовсе избегала какой-либо интерпретации этого факта [67, 118].

Надо полагать, что подобные вкрапления русского казачка (как, впрочем, и украинского *козачка*³) в фольклор народов Кавказа были далеко не единичным явлением. О. Левашева обнаружила в глинкинской Лезгинке целый арсенал поистине судьбоносных прорывов в сферу русского романтического ориентализма: резкие смены темпа — от сдержанного к вихревому, стихийное импровизационное развитие, смелые ладо-гармонические и тембровые эффекты [78, 137-138]. Замечу, что казачок (как в русском, так и в украинском вариантах), с присущим ему быстрым калейдоскопом разнообразных, подчас виртуозных танцевальных движений, в немалой степени «провоцировал» именно такие композиционные решения.

Вообще же генезис танцев из «Руслана» ощущался как кавказский не только на родине композитора, но и во время знаменитых парижских концертов 1845 года. Именно «*танцы на кавказские и крымские темы*» фигурировали и в анонсе, и в рецензиях

¹ Глинка вспоминал: «Гайдазовский [...] сообщил мне три татарских напева; впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для *andante* сцены Ратмира в 3-м акте оперы "Руслан и Людмила"» [42, 282]. Правда, О. Левашева по этому поводу замечала, что, хотя сам И.К. Айвазовский определил их как крымско-татарские, в действительности они бытуют и на Кавказе [78, 131].

² Аракчиев Д. [Аракишвили]. Восточные напевы в произведениях русских композиторов. Музыка и жизнь, 1908. № 5. С. 3. — Приведено по: [4, 220]. Кроме того, «Лезгинка», помещенная в свое время в публикации П. Сияльского (Сияльский П. Нечто о песнях и музыке в Закавказском крае. — Иллюстрация. 1861. № 193) и записанная им в Армении в 30-х годах XIX в., почти в точности совпадает с глинкинской, и это прекрасно видно в нотных примерах, опубликованных автором статьи [4, 221-222]. Что само по себе свидетельствует о широчайшей распространенности этой мелодии на Кавказе и в Закавказье. Кроме того, по мнению О. Левашевой, и *Турецкий танец* из «Руслана» содержит обороты, которые «можно заметить [...] в ряде черкесских народных мелодий» [78, 137].

³ О. Левашева прямо указала на украинское происхождение темы казачка в Лезгинке [78, 131].

из французской прессы. — См.: [196, 91; 201, 77]. В частности, М. Бурж писал: «Данные гениального таланта [...] дали пищу для воплощения национального колорита *крымских и кавказских песен*» [196, 91]. Точно так же — как «*кавказскую мелодию*» — воспринимал Лезгинку, исполненную в Париже, и Н. Греч [51, 353]. Уже несколько десятилетий спустя первый французский биограф Глинки, О. Фук, заметил то же самое — «свежий воздух танца, родившийся из тем Кавказа и Крыма в русской опере "Руслан и Людмила"» [198, 82]. Вообще кавказская Муза являлась Глинке оттуда же, откуда направлялась к Пушкину:

Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам,
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там [...]
(А.С. Пушкин. *Кавказский пленник. Эпизод*)

О том, какие еще танцы из «черкесской сюиты» мог наблюдать Глинка на праздновании байрама, какие еще песни ему, возможно, удалось там услышать, мы можем только гадать. Однако трудно себе представить, чтобы его не заинтересовал, например, сольный мужской танец, который так поразил П. Свинына:

Наконец, на средину сцены выскочил молодой, стройный Черкес — с орлиным носом, пламенными глазами, вооруженный с ног до головы — махнул рукою, и Черкесы загаркали и захлопали в ладоши, а он более получасу забавлял нас воинственным танцем, называемым *Коффа*, в коем поистине удивил легкостью, быстротою и силою мышц своих: то вывертывая ноги назад, то становясь на всем скаку на пальцы, то кружась вихрем [157, 243-244].

Используя здесь наименование *коффа*, издатель «Отечественных записок» явно применил (с некоторым искажением) обобщенное обозначение танца у адыгов¹. Вероятнее всего, имелся в виду *тлепечас*, который в литературе о музыкальном фольклоре черкесов характеризуется как «мужской сольный танец на носках [...] быстрый, темпераментный, высокотехничный». — См.: [38, 143]. Вот как описывал его Дж. Белл (впрочем, никак не называя):

¹ От слова *кѣафэ* (кабард.) — *кафа* [38, 141].

Прежде всего началось равномерное хлопанье в ладоши; затем прозвучало несколько низких нот, которые постепенно перешли в оживленный мотив, исполнявшийся почти всеми стоявшими вокруг, и, наконец, один из них, самого дикого вида, в длинном изорванном кафтане, в охватившем его порыве смелости, выступил на открытое пространство вблизи костров и начал свой танец. Пение, становившееся все громче и громче, все более яростное хлопанье в ладоши, в соединении с выкрикиваниями и взвизгиванием, вскоре привели танцора в такое возбуждение, что его быстроте, ловкости и причудливым вывертам позавидовал бы самый знаменитый европейский тандор; многие из фигур его танца были неплохие, но главное — это прыжки, стоя на самых кончиках пальцев ног, и кружение вокруг своей собственной оси с необычайной быстротой [12, 468].

Следует заметить, что все эти танцы так и просились на большую сцену, и это заметил П. Свинын: «Желательно б было перевести сей танец на театр Петербургский с возможною точностью, без малейших перемен; может быть, он яснее бы многих описаний ознакомил с воинским духом и физическими силами сего народа, имеющего, по моему мнению, поразительное сходство с храбрыми Сульотами¹ — даже в самых увеселениях!» [157, 244]². Что в итоге и сделал Глинка в «Руслане и Людмиле»!

Михаил Иванович ничего не говорит о собственно *музыкальных* впечатлениях от фольклора черкесов. Вместе с тем, искусство адыгских народных певцов — *джегуако*³ — как раз в 20-е годы настолько быстро входило в слуховой опыт современников Глинки, посещавших Кавказ, что не будет слишком большой фантазией предположить саму возможность для него познакомиться с искусством этих бардов на черкесском празднике (или где-либо еще). И ведь

¹ *Сулюты* — греко-албанское горное племя, исповедовавшее христианство и оказавшее на рубеже XVIII — XIX вв. героическое сопротивление туркам; принимали активное участие в борьбе за свободу Греции и позднее.

² Любопытно, что И. Раджицкий, посмотрев в Георгиевске танец мальчиков-аманатов (привилегированных заложников, взятых русскими на Кавказской войне), сразу же вспомнил о том, что «подобных им [...] видел неоднократно на театре в Азиатских балетах славного Дидло» [143, 371]. Вероятно, речь идет о «Кавказском пленнике» с музыкой К. Кавоса (см. I).

³ *Джегуако* (*ежуако*, *гегуако*) у адыгов, балкарцев, карачаевцев — народные певцы, стихотворцы, исполнители и импровизаторы героических (нартский эпос), шуточных и лирических песен, «адыгские шпильманы». Пели или декламировали на народных празднествах в сопровождении народных инструменталистов, объединяясь в группы из двух и более человек и выступая с диалогами-речитативами. При этом поддерживали своеобразным, иногда руладобразным пением (*сэжу*), выполнявшим функцию рефрена, хороводные песни-пляски, прежде всего, *удж*. — См.: [11, 50-51, 182; 112, 223]. Таким образом, виртуозное пение джегуако Глинка мог слышать уже тогда, когда наблюдал танец черкешенок.

действительно, в те времена оно привлекало внимание очень многих путешественников, причем как явление истинно романтическое. Настоящий «манифест» на эту тему написал И. Раджицкий в Предисловии к своей черкесской повести в стихах (1832):

Там, где нет грамоты и просвещения книжного, там память об отличных подвигах людей сохраняется в песнях: от сего являются народные песнопевцы; Баяны, барды. Так и на Кавказе, между племенами горских народов, есть свои барды, передающие потомству песни о подвигах отличившихся джигитов. Кавказские барды столь привычны к этому ремеслу, что могут без приготовления, как вдохновенные импровизаторы¹, воспевать своих героев. В песнях их есть дикая мелодия, похожая на речитативный распев, который бывает сопровождается музыкальным литорнелло, или мерным аккомпанементом, на трех, или четырехструнной пандусе. Как полудикий сын природы он выражает разными изменениями голоса [...] картины дикой природы, удалые разбои, искусство в набегах, хитрость мщения, и редко, любовь [142, 5].

Несколькими годами ранее другой русский путешественник писал о черкесах почти то же самое, разве что попроще:

Забавы их [...] дикие песни, музыка и пляски, геройские повествования [...] Все необразованные и даже дикие народы имеют своих поэтов, кои нередко импровизаторы [123, 93].

При этом ассоциации с шотландскими бардами приобретают все более отчетливые очертания: дух Оссиана, вместе с породившим его Макферсоном, витает над черкесскими рефлексиями русских. Так, поэт С. Нечаев, побывавший на Кавказских водах одновременно с Глинкой, сообщал об адыгских певцах в путевых записках:

Когда еще составляли они сильный и многочисленный народ, победы их прославлялись народными стихотворцами. Во время общего торжества слышался их голос, сопровождаемый разными инструментами, из которых один особенно имеет вид арфы. Черкесские Барды носили общее название *гие-ю-ко*². [...] Замечается некоторое сходство с Шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убитых воинах и тому подобное [117, 37].

Или в другом сочинении Нечаева:

¹ «Кавказские барды не поют всегда одним тоном, но смотря по предмету песни, изменяют напев, каданс и выражение; это весьма естественно: их учит сама природа», — дополняет это суждение И. Раджицкий [142, 6].

² Автор имеет в виду джегуако.

У горцев есть свои песнопевцы под именем *егоки*¹. Содержание их рапсодий имеет большое сходство с поэмами шотландскими. Та же природа, та же страсть к военным подвигам. Простые аккорды *пандура*, похожего на цитру, сопровождают голос егоки; к нему обыкновенно присоединяется несколько человек, заключающих каждую строфу однообразным протяжным припевом [116, 627].

И уж совсем естественно выглядят шотландские реминисценции в черкесском дневнике уроженца Шотландии Дж. Белла: «Обычно — это жалобные напевы, но некоторые — живые мелодии, и, если бы мне ничего не было о них известно и меня спросили, что они представляют, я, возможно, ответил бы: "Старые шотландские песенки"». Но, с другой стороны — слышалось британскому шпиону² и нечто воинственно-привлекательное: «Ни одна военная ария горцев Шотландии, с ее неправильным темпом и вариациями, которую мне только приходилось слышать, не может сравниться по красоте с этой музыкой» [12, 459, 470]³.

Но вот Глинка: не виделись ли ему черкесские барды, когда много лет спустя, в 1847 году, он писал фортепианные Вариации на шотландскую тему («Последняя летняя роза») — кто знает⁴? Если, конечно, его встреча с кем-либо из них действительно состоялась...

А теперь самое время рассказать о вполне конкретном *джегуако*, игру и пение которого вполне мог слышать Глинка на черкесском байраме. Речь идет о *Султане Керим-Гирее* — персоне совершенно легендарной и по сей день упоминаемой в научной литературе — особенно посвященной пребыванию Глинки и Лермонтова на Кавказе. Однако парадокс состоит в том, что в заметках современников удалось обнаружить лишь два прямых свидетельства, касающихся этого народного музыканта — у П. Свинына и И. Раджицкого [142, 6; 157, 242, 245-247]. Все остальные мысли по этому поводу, циркулирующие в литературе, так или иначе питаются только этими источниками, либо опираются на косвенные данные, почерпнутые из поэмы Лермонтова «Измаил-бей»⁵:

¹ То есть джегуако.

² О занятиях Белла в Черкесии см.: [12, 458].

³ С. Броневский в свое время отмечал, что и «пляска черкесская походит на шотландскую», ссылаясь при этом на выдающегося путешественника-географа П. Палласа: «Один или двое плясунов с загнутыми назад руками делают друг против друга прыжки и переборы ногами с отменной легкостью и проворством, как между тем зрители бьют под лад в ладоши, припевая» [21, 147-148].

⁴ Во всяком случае, о бурных дискуссиях вокруг Оссана — Макферсона, развернувшихся в пушкинское время, хорошо известно. — См.: [168, 36].

⁵ См.: [3, 73-74, 108; 18, 26; 67, 118; 85; 112, 223].

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: — темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без золота он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

Рассказывая о гегуако в Предисловии к поэме «Али-Кара-Мирза», Раджицкий как раз и назвал легендарное имя: «Один из таковых между закубанцами есть, бесланеевского рода, уздень Али-Шегуров; другой между нагайцами, Султан Керим-Гирей, живущий в своем ауле, у подошвы Бештовых гор (подчеркнуто мною. — С.Т.)» [142, 5-6]. Судя по имени, напоминающем о знатном крымско-татарском происхождении, Султан Керим-Гирей мог быть либо ногойцем (как и писал Раджицкий), либо черкесом — в случае, если принадлежал к известному роду адыгских Гиреев. Кстати, не его ли имел в виду и поэт Нечаев в 1823-м, вспоминая через пару лет: «Один уцелевший от общих бедствий, престарелый песнопевец и теперь еще жив. Я хотел посетить обитаемый им аул, но отдаленность не допустила меня видеть здешнего Оссиана» [117, 37]. Вполне возможно, что Султан Керим-Гирей действительно жил в отдаленном от Аджи-аула ногойском селении. Правда, это противоречит только что приведенному замечанию Раджицкого, где ясно сказано об «ауле у подошвы Бештовых гор» — а там ведь в дымке облаков просматривается как раз Аджи-аул!

Именно в Аджи-ауле, на праздновании байрама летом 1825 г., повстречался с Султаном Керим-Гиреем П. Свиньин, который дал развернутое описание и самого певца, и его игры, и репертуара, и всего того, что вокруг «барда» происходило:

Приглашен был Султан Керим-Гирей, считающийся первым трубадуром во всей Закубани. [...] Мы упросили Султана Керим-Гирея сыграть что-нибудь на арфе, приуготовив для него низенький диван под навесом палатки. Если инструмент сей не мог доставить большого удовольствия нам,

знакомым с совершеннейшею музыкою, то с каким удивлением, благоговением, слушали Горцы своего Барда — разинув рты, устремив на него все свое внимание: картина сия, поистине, достойна была кисти искусного художника; равномерно не менее живописно было представить высокого мужчину средних лет, значительной наружности, великолепно одетого в шелковое полукафтанье с галунами, вооруженного богатыми пистолетами, шашкою и кинжалом, — с арфою в руках! Символ нежности чувств — в соединении с орудиями мести, кровопролития!

Инструмент, уступленный просвещенными народами прекрасному полу, в Кавказских вертепах есть достояние воина, жестокостью, набегами, убийствами прославившегося!

Кавказская арфа составляет треугольник, имеющий 12 волосяных струн¹, одна другой тонее. Одна сторона треугольника, к коему посредине прикреплены струны, сделана с пустотою из дечных дощечек — для отголоску звуков, а в другую ввернуты колки и сделаны рубчики, посредством коих играющий производит, большим пальцем левой руки, изменения тонов, наподобие педалей. Рога или стороны арфы сей имеют около 9 вершков в длину, между коими снизу у кольца, служащего основанием, не более четверти аршина, а сверху у самой толстой струны более аршина расстояния. Инструмент сей называется по-черкесски *пишинедуккоь* и почитается самым редким и превосходнейшим в горах, между тем, как *кабыс*, род гудка, и даже *чебизги* (флейта) довольно обыкновенны. Сговорчивый Султан сыграл нам и пропел *ораду* — любовную песню, потом *пишнаглу* — военную, и наконец *габзы* — элегию или плач, поющийя ближайшими родственниками умершего воина, причем восхваляются его подвиги и достоинства [157, 242, 245-247].

Этот текст П. Свиньина нуждается в разъяснениях. Во-первых, по поводу черкесских народных инструментов, упомянутых очевидцем, с которыми — если не со всеми, то хотя бы с некоторыми — мог познакомиться и Глинка.

Когда автор ведет речь о «кавказской арфе», приводя попутно и адыгское ее наименование — *пишинедуккоь*, то он явно имеет в виду *пишанадыгако* (*пщынэтарко*, *пщынэдыкуако*), действительно называемый адыгскими этномузыковедами арфой.

¹ Е. Канн-Новикова, сжато пересказывая это место из заметки П. Свиньина, и ссылаясь в данном случае на неких «очевидцев», писала, что «на низеньком диване устраивался Керим-Гирей, держа в руках редчайший инструмент *пишинедуккоь* (род трехструнной арфы)» [67, 118]. Создается впечатление, что исследовательница — вероятно, случайно — перепутала здесь *двенадцатиструнную* арфу, о которой ясно пишет Свиньин, с *трехструнным* инструментом, на котором играл певец (предположительно — все тот же Султан Керим-Гирей) в поэме Лермонтова «Измаил-бей»: «Вот начинает: три струны / Уж забрехали под рукою». Однако Лермонтов скорей всего говорит не о черкесской арфе, а об *апапшине* — адыгском струнно-щипковом хордофоне, предназначенном для свободного музицирования и аккомпанента. — См. о нем: [6, 100; 187].

Это многострунный щипковый инструмент (насчитывалось от 12 до 16 струн), в виде рогатины, один из древнейших в мире. (Под звуки арфы распевали свои эпические сказания и барды кельтских народов). У черкесов он «считался принадлежностью людей знатного происхождения» (что мы и видим в полной достоинства фигуре Султана Керим-Гирея), применялся для музицирования или для сопровождения голоса при исполнении нартских героических песен и *гыбзэ*¹. Бытовал среди адыгов издревле и вплоть до первой половины XIX в. [38, 147; 187]. Между прочим, все эти сведения убеждают в необыкновенной точности описания Свинына 190-летней давности!

Когда П. Свинын упоминает «*кабыс*, род гудка», то, безусловно, рассказывает о черкесской скрипке, называемой *кобыз*, или *шичапишина* (*шыкэпыцынэ*), двухструнным смычковым инструменте, роде лютни, очень распространенном среди черкесов [38, 151; 70; 187]. Широко применялся в танцевальной музыке и в качестве инструмента, аккомпанирующего голосу в нартских сказаниях, в историко-эпических и шуточных песнях и в *гыбзэ*².

И, наконец, *чебизги* (флейта) называется по-черкесски *бжамий*, или *къамыл* — *камыль* (от слова *камыш*). Это «открытая продольная флейта с тремя грифными отверстиями, вышедшая из бытования», с рабочим диапазоном в две октавы; используется как «солирующий инструмент в инструментальном ансамбле» [38, 138, 141]. Следует заметить, что именно *танцевальные* мелодии нередко исполнялись одновременно флейтистом и скрипачом [11, 50], а это само по себе многократно увеличивает возможность того, что Глинка на байраме услышал эти инструменты. Скрипка же могла заинтересовать его еще и тем, что в годы, предшествующие поездке на Кавказ, да и сразу по возвращении домой он ею специально занимался и, судя, по всему,

¹ О *гыбзэ* см. ниже.

² Привожу описание игры на адыгской скрипке, сделанное в свое время Дж. Беллом: «[...] Он один из лучших музыкантов в окружающей местности. Это я узнал по его игре на [...] незатейливом инструменте, своего рода маленькой скрипке; размером этот инструмент почти со скрипку танцевального скрипача; верхняя доска почти плоская; задняя — полукруглая и просмоленная для того, чтобы править смычок; эта скрипка имеет только две струны из конского волоса, на колышках и мостике, как и на наших; смычок почти в виде арки, или лука, струны натянуты слабо и подтягиваются рукой игрока, когда необходимо; основание инструмента опирается, как у виолончели, в пол или землю, причем скрипач сидит на полу или земле (так как здесь нет стульев) и, играя, повертывает инструмент (у которого нет выемки посередине) для лучшего исполнения вариаций; он перебирал пальцами и вибрировал так же, как и мы, и с такими слабыми средствами он, однако, захватил меня и возбудил к своей игре живой интерес, в особенности одной шумной мелодичной арией, которая показалась мне очень похожей на военную музыку "сбора"» [12, 470].

уже в какой-то мере владел инструментом, хотя и скромно писал об этом обратное. — См. подробнее: комм. 16, а также [42, 219, 225; 141; 173, 196; 175; 176; 177].

Кроме того, Свиньин в своей заметке упоминает и о нескольких жанрах народного творчества черкесов. *Ораду* он называет любовной песней и недалеко уходит от истины, так как *орэд* (*уэрэд*) — обобщенное название песни по-адыгски [38, 138]. Затем Султан Керим-Гирей исполнил «*пишинатлю* — военную»; здесь имеется в виду *пишинатль* (*пшыналъ пшыналъэ, пшынатльэ*) — эпико-героическая песнь¹. А под конец затянул «*габзы* — элегию или плач» [157, 247]. Конечно, это была *гыбызэ* (*гыбзэ*), песня-плач героико-величального характера о трагической судьбе героя². Надо полагать, что именно песню этого жанра когда-то слушал и Дж. Белл:

Последовала несколько монотонная и жалобная мелодия с аккомпанементом голоса; это была элегия в честь Али-бея, недавно убитого в бою. Старый Шамуз, сидевший рядом с музыкантом, облокотясь спиной на стенку, присоединился к пению, и вскоре по его смуглым щекам потекли крупные слезы. Здесь существует непрерываемое соглашение — не оплакивать тех, кто пал в бою за свою родину, но в некоторых случаях природа берет свое [12, 470-471].

И, наконец, еще об одном. Оригинальную и, на мой взгляд, продуктивную гипотезу относительно «отложенного» влияния черкесских песенных жанров на музыку «Руслана и Людмилы» предложил этномузыковед Б. Ашхотов в недавней статье «Неизвестное об известной теме М.И. Глинки». Речь идет о «Персидском хоре». «Не преследуя цели полной идентификации темы Глинки», исследователь все же обнаруживает ее интонационный генезис в ритуально-религиозных песнопениях *закиров*, «в частности, напевов, построенных на каноническом тексте Корана [...] (Нет бога кроме Аллаха), а также некоторых образцах народных песен, давших своего рода "жанровую перекодировку" *закира*» [6, 97]³. Тут же Ашхотов разъясняет, что такое *зикр* (кабардинское название *закира*): это «религиозный жанр суфийской традиции», распространенный в странах мусульманского мира, способствовавший «трансформации ритуального действия, сочетавшего мелодическую речитацию сур Корана и ритмического телодвижения, способного довести

¹ О *пишинатлях* см. подробно: [7; 38, 143, 146].

² О *гыбзэ* см.: [8; 38, 139].

³ При этом, конечно, никак нельзя отбрасывать традиционную и общеизвестную версию происхождения темы «Персидского хора». — См.: [78, 131].

до религиозного экстаза» [6, 100]. Автор статьи считает, что при посредничестве этого жанра «девятнадцатилетний Глинка испытал [...] воздействие самобытной народной музыкальной культуры кабардинцев (адыгов)». И приводит развернутую аргументацию своей позиции, сравнивая мелодию закира в собственной записи и тему «Персидского хора» в мелодико-интонационном, метро-ритмическом, структурном, ладовом, динамическом отношениях [6, 95, 97-99]¹. Обращаю внимание еще на один факт, свидетельствующий в пользу предположения Б. Ашхотова. Дело в том, что музыковед заметил, когда особенно интенсивно распевались закиры: это было «во время молитв, месяца *рамадан*, в праздник жертвоприношения *курбан-байрам*» [6, 100]. Однако никак не связал это даже с самой возможностью присутствия Глинки на праздновании байрама. А ведь данный факт многократно усиливает вероятность того, что Михаил Иванович действительно мог слышать закир «живьем», в черкеской интерпретации!

Подводя итог, можно констатировать, что именно Кавказ широко распахнул для русской музыки двери на Восток, и Глинка здесь был, безусловно, первооткрывателем! Недаром его современник, П. Свинын, замечал, что «музыка Черкесов сходствует с музыкою прочих Азиатских народов и кажется только содержит в себе несколько более воинственного» [157, 247]. Для самого же Глинки Кавказ, олицетворением которого стали песни и танцы черкесов, оказался первым опытом вслушивания в *инонациональный* музыкальный фольклор. И это заложит некую жизненную программу на все последующие годы и десятилетия — достаточно напомнить хотя бы о народных песнях, или об искусстве фламенко, или о народных праздниках в Испании. См. также: [175] и I.

9. Были у меня также ручные дикие козочки.

О том, что где бы Глинка ни появлялся, его окружала всяческая живность — птицы, зайцы, кошки и проч., как и об увлечении зоологией или интересе к зоологическим садам в Берлине, Париже, Мадриде или к Кунсткамере в Петербурге, нам уже приходилось

¹ Вероятное влияние напева того же закира Б. Ашхотов отмечает и в двух произведениях А. Алябьева, также побывавшего на Кавказских минеральных водах, — во «Французской кадрили из азиатских песен» (издана в 1834) и в хоре из оперы «Аммалат-бек» (1842 — 47). Причем нотные примеры демонстрируют местами почти точное интонационное совпадение мелодий Алябьева и «Персидского хора» Глинки [6, 95-96].

писать. — См.: [175, 346-347; 177, 392], а также I. Причем, как свидетельствуют «Записки», эта привязанность к фауне ко времени поездки на Кавказ уже вполне сформирована: в годы, предшествовавшие путешествию, по комнате Глинки в Новоспасском летали птицы, а чуть позже, в столице, на чердаке у него жили «разного рода голуби и кролики, которые там превосходно водились» [42, 222].

Занимательно бы ответить на вопрос, за какими именно «ручными дикими козочками», видимо, не без удовольствия ухаживал Глинка на этот раз.¹ Вернее всего предположить, что Михаил Иванович ведет речь о прекрасно известных всем нам косулях. Собственно, всеобщее признанный синоним наименования косуля — *дикая коза*¹; так и называет своих пятигорских подопечных Глинка. Эти животные очень симпатичны, изящны, ласковы и легко приручаются². Они достаточно компактны для ухода в условиях усадьбы (длина тела около 1 метра или чуть поболее, высота плеч 75 см, вес самца 20 — 25 кг, а самок еще поменьше³). Жили тогда косули в лиственных лесах почти по всей территории России. И в немалом количестве как раз в тех местах, где Глинка с ними общался, — в горах и предгорьях Кавказа, в том числе и в окрестностях Пятигорска [194, т. XVI, 424, т. XXVA, 939]. На распространенность косуй (диких коз, *Cervus capreolus*) в горах и на равнинах Северного Кавказа указывал С.М. Броневский в своем поистине энциклопедическом двухтомнике «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» [21, 26]. Об обилии этих милых животных вблизи Кисловодска свидетельствует то, что на козу здесь весьма интенсивно охотились — для развлечения⁴. Поэтому-то я и не удивился, когда обнаружил живописную группу косуй на акварели Х.-Г.-Г. Гейслера «В горах Кавказа» (1790-е годы)⁵. Что же до романтического юноши Глинки, то кто знает, не припоминал ли он в минуты созерцания своих ручных козочек строки из «кавказского» стихотворения Жуковского «К Воейкову»:

¹ [194, т. XVI, 426, т. XVa, 596]. Кстати, известно, что само русское слово *косуля* (*козуля*), безусловно, происходит от слова *коза*.

² Особенно кротки самки, у которых, как правило, отсутствуют рога; правда, вполне рогатые «самцы остаются злыми и раздражительными» [194, т. XVI, 424, 426].

³ См.: [194, т. XVI, 424].

⁴ См.: Сабуров Я. Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ // Московский наблюдатель. М.: 1835. Ч. III. С. 209. — Приведено по: [65, 352].

⁵ См.: [71, илл. 5].

Где изредка одни олени,
Орла посылав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.

Однако надо сказать, что «дикими козами» называют еще несколько видов жвачных парнокопытных — *горных коз* (козлов), также обитающих на Кавказе: туров, безоаровых козлов (едва ли не важнейших диких предков домашних коз) и серн [194, т. XVa, 594-595]; последние обильно присутствуют на страницах юношеских кавказских поэм Лермонтова. Однако эти виды все же, во-первых, живут в условиях высокогорных неприступных скал, а во-вторых — кажутся уж слишком диковатыми для совместной жизни с человеком. Вряд ли у Глинки возникло бы желание, да и сама возможность брать их на «воспитание»!

Пример Глинки, как выясняется, не был на водах исключительным случаем. Так, в начале тридцатых годов, по словам В. Броневского, Пятигорск посетила некая «провинциальная причудница, богатая и роскошная, добрая и готовая на всякий благородный подвиг», и привезла с собою «две кошки и три моськи, к коим вскоре присоединились несколько пар фазанов и две дикие козочки» [19, 78-79]. Воистину, привязанность к животным и тогда не знала ни социальных, ни возрастных, ни гендерных границ!

Вообще же во всей этой истории ощущается нечто общее с басней И.А. Крылова «Дикие Козы», созданной почти одновременно с кавказской «пасторалью» Глинки¹ — конечно, без всякой прагматики со стороны главного героя и тем более без печальной для него развязки². Удел Глинки в общении с животными иной: «И не доем и не досплю, / А милых Козочек к себе я прикормлю» [75, 162].

10. Вскоре по приезде мы приступили к лечению, т. е. начали брать теплые серные ванны и пить воду из так называемого к и с л о с е р н о г о источника. Впоследствии я купался, или, лучше, варили меня в ванне, иссеченной еще черкесами в камне, откуда шла струя серной воды в 37 или 38 градусов по Реомюру.

¹ Написана не позднее 1823 г., опубликована в 1825 г. Воспроизводит в «переинтонированном» виде смысл басни Эзопа «Дикие козы и пастух». Ко времени работы над «Записками» в середине 50-х Глинка, конечно, мог быть знаком с этим сюжетом.

² «Пастух! тебе теперь я молвлю речь:

Чем в Диких Коз терять свой корм напрасно,
Не лучше ли бы Коз домашних поберечь?» [75, 162].

Товарищу воды чрезвычайно помогли и поставили на ноги (он с трудом двигался). Вероятно, и я бы получил от них значительную пользу, если бы сообразовались с моим слабонервным сложением и заставляли бы меня меньше пить и купаться в воде, разведенной с охлажденною прежде, как то делается в Ахене.

О водолечении, о том месте, которое оно занимало в жизни Глинки, и о его неоднозначных результатах нам уже доводилось писать подробно. — См.: [177, 148-152, 193-194, 202-203, 221-222, 365]. Обратим внимание на то, что гидротерапия на Горячих водах — это самый первый подобный опыт в биографии Михаила Ивановича. И назвать его удачным никак нельзя, хотя некоторый позитивный эффект, о котором Глинка просто не упоминает, все же, вероятно, имел место.

Поскольку лечение минеральными водами было главной целью поездки Глинки на Кавказ¹, он сразу же по приезде взялся за дело. Возникает вопрос, в каких именно пятигорских ваннах (а их уже в то время было несколько) Глинка проходил свой курс бальнеотерапии²? Когда он пишет о ванне, иссеченной в камне, то, конечно же, имеет в виду старейший *Александровский источник*³, питавший тогда сразу два ваннных здания — *Александровские* и *Ермоловские* ванны на крутом склоне Горячей горы⁴. Вода этого ключа стремительно извергалась из трещины в плитах туфштейна и известняка, стекая в бассейн, высеченный в теле горы, покрытый дощатой кровлей [19, 56]⁵. Когда Глинка ведет речь о *кислосерном источнике*, то подразумевает питьевой *Елизаветинский источник*⁶. Несколько

¹ См. I.

² *Бальнеотерапия* — лечение минеральными водами (наружное и внутреннее употребление).

³ Местоположение источника указал И. Раджицкий, посетивший Горячие воды одновременно с Глинкой: «Я пошел обозреть воды. Серногорячий ключ истекает из вершины отрасли продолговатой каменной (*Горячей*. — С.Т.) горы, выходящей от Мечука с юга на запад» [145, 408]. Вода для всех ванн подавалась по трубам. Источник находился на высоте 70 метров от уровня воды в Подкумке [19, 55-56]. Чуть выше, на самой вершине Горячей горы тогда располагалось здание военной казармы; к нему вела лишь протоптанная извилистая тропинка [19, 34, 55; 184]. На старинном плане Пятигорска оно отмечено литерой h. Здесь и далее см. план на вкладке, илл. 2.

⁴ Поэтому Александровский источник в литературе иногда называют Александро-Ермоловским. — См.: [88, 139]. Он отмечен на плане литерой a, Александровские и Ермоловские ванны — литерой b.

⁵ Скала, к которой прикрепились эти ваннные здания, состоит из камня, образованного осадком минеральной воды — «из окреплого туфштейна, который принимает хорошую полировку» [19, 43-44]. В словаре В. Даля читаем: «*Туфейник* [...] *туфштейн*, известковый рыхляк, накипь, на горячих водах» [53, т. 4, 443].

⁶ Отмечен на плане литерой s.

сложнее обстоит дело с определением места «*теплых серных ванн*», которые тоже названы Глинкой. Следует полагать, что это либо один из ключей, упомянутых журналистом и историком-краеведом В. Хачиковым¹, либо тот же горячий Александровский источник, который тоже считался серным, и где к тому же существовала практика разведения очень горячей воды до *щадящих* температур (правда, Глинка, видимо, ею не воспользовался — см. ниже).

Теперь постараемся посмотреть на эти исторические ванны глазами Глинки — ведь до нынешнего времени ни одно из них не дожило.

Александровские ванны — старейшее место целебных купаний на Горячих водах, известное с незапамятных времен; с него-то, собственно, и начинается история курорта Пятигорск. Они примостились на уступе скалы, сразу же над Ермоловскими², и представляли собою три ветхих здания, построенные одно над другим, словно на крыше Ермоловских; подниматься сюда следовало по высеченной в скале лестнице [19, 34, 51-52]. Первое из зданий (и главное) было выстроено из дубовых и сосновых бревен и крыто тесом; имело «с северной и с западной стороны узкую крытую галерею, где ни от солнца, ни от дождя укрыться невозможно»; в нем помещались две мужских и одна женская ванна [19, 51]. Здесь-то и проходил бальнеологические процедуры Глинка. Замечу, что это ванное здание хорошо просматривается на гравюре И. Бернардацци (см. ниже).

Современники словно нарочно в один голос подтверждают наблюдения Глинки из «Записок» относительно Александровских ванн. Так, А. Розен в 1838 году писал об их устройстве: «Эта славная ванна высечена в скале, дно ее и оба бока имеют трещины, из коих минеральный ключ течет беспрестанно; у правой стенки ванны просверлено отверстие для спуска воды, когда она подымется выше подбородка» [152, 368]. Конечно, тут же вспоминается запись Михаила Ивановича о ванне, иссеченной в камне, откуда шла струя серной воды! Так что за полтора десятилетия тут мало что изменилось. И в 1828-м очевидец упоминал о том же: «Ванны высечены в самой почве, в скале, которая составляет пол ванного

¹ В. Хачиков, с уверенностью назвавший в связи с Глинкой уже упомянутые Александровский (на месте, где много позднее была установлена скульптура Орла — см. комм. 5) и Елизаветинский источники, заметил, что по отношению к *теплым серным ваннам* «полной ясности нет». И предположил, что тут, возможно, имелся в виду «один из источников у восточной оконечности горы Горячей — Варвациевский, Солдатский, Калмыцкий» [184]. Варвациевы ванны и источник отмечены на плане литерой к, Калмыцкие ванны и источник — литерой л.

² На несколько аршин выше. (1 аршин = 0,7112 м).

покою» [123, 42]. Тогда же И. Добродеев рассказал об Александровских ваннах более подробно:

Александровские ванны отличаются неоцененным, можно сказать единственным в мире, преимуществом. Ванна под № 1, древнейшая из всех, в незапамятные времена высечена из скалы Горскими народами. На дне ее, от бывшего некогда землетрясения, образовалась *трещина*, из коей беспрерывно течет вода в ванну. [...] Вода, кажется, действует здесь более динамически, нежели химически [...] № 1-й (ванна с *трещиною*) наполняется не только из *Александровского* источника, водою из трещины, но имеет еще другой прибавочный источник, известный здесь под именем *дудочки*, из коей тонкою струею льется беспрерывно влага, употребляемая для утоления жажды всеми больными по принятии ванны [57, 67-69].

Тремя — четырьмя годами позже В. Броневский дополнил картину, не забыв упомянуть и о «*дудочке*», и о прозрачной, как кристалл, воде, текущей «серебристою струею», дрожащей на поверхности, как бы начиная кипеть [19, 53].

Вообще поражает, как сильно изменились представления о комфорте со времен Глинки до нашего времени. И ведь речь идет о людях явно не бедных, преимущественно дворянах, а нередко — и о высшей аристократии! О скромном виде ванного здания я уже поведал, но что же открывалось пред взором Глинки внутри? О своих впечатлениях от зрелища рассказал тот же Броневский:

В комнате, в которой раздеваются, стены от испарений серного газа почернели, местами покрыты плесенью, двери отчасти сгнили и не притворяются, в волоковые окна и в потолочный люк, обтянутый полусгнившею парусиною, и из щелей пола дует насквозь. [...] Подле стен поставлены три койки или лучше одра, так же, как и стены, черные и грязные [19, 53]¹.

Однако об этих неудобствах Глинка не обмолвился ни словом! Трудно сказать, почему — он все же был не прочь пройти в «Записках» по бытовым неурядицам. Может быть, феерия новых кавказских впечатлений, перемежаемая частыми недомоганиями, просто вытеснила воспоминания о таких мелочах? Тем более что вид с высоты маленькой площадки перед ванным зданием сполна вознаграждал за эстетические погрешности интерьера. В чем каждый раз и убеждался Броневский, под дощатым навесом дожидаясь своей очереди в купель:

¹ Следует учитывать, что Броневский здесь ориентируется на собственные впечатления 1831 — 1832 гг. (т. е. спустя 8 — 9 лет после приезда Глинки), и здание могло за это время несколько обветшать. Но не настолько же?

И я [...] сидел часа по три и не скучал: отсюда вид самый великолепный, какой только здешняя поэтическая природа представить может. Весь город, чародейный Машук с черным крестом и белою колонною, на маковке его поставленными, [...] трехрогая Бештовая гора, обширная равнина, по которой змеится быстрый Подкумок, и льдистые конические вершины Эльборуса и Казбека, и длинный, снегом покрытый хребет, — все как на блюдецке. Обзор велик, расстояние до края горизонта, на коем стоит великорослая Царь-гора¹, неимоверно, и видимое кажется оптическим обманом, фантазмагорическою шуткою [19, 52].

Совсем вблизи от Александровских ванн, чуть ниже по склону горы, на краю обрывистого утеса красовалось недавно выстроенное в классическом стиле деревянное здание ванн *Ермоловских*² с колоннами и бельведером наверху [17; 19, 34]³. И в нем, по всей вероятности, Гинка тоже бывал. Надо сказать, что эти новые ванны выгодно отличались от Александровских по внешнему виду и убранству. Н.Н. Раевский писал летом 1820 г. дочери: «Ванны старые, хотя стоят казне довольно дорого, ни вида, ни выгод не имеют, новые ж представляют и то, и другое, и возможную чистоту и опрятность. Вид из оных наиприятнейший на *Бештовую* гору или *Пятигорию*» [146, 523]. И. Раджицкий специально обозначил галерею с колоннадой, украшавшую Ермоловское здание и видную издалика [145, 403]. И в деталях описал механизм подачи воды из Александровского источника к обоим ванным помещениям и их устройство:

Место ключа окладено с одной стороны каменною стенкою, а с трех сторон прорублено в горе и покрыто навесом. Отсюда вода проведена двумя трубами в ванны, коих ныне два отделения: верхнее старое, и среднее новое⁴. Над первым построен деревянный простой дом у самых труб от ключа, имеющий в себе три ванны. Над вторым или средним отделением, немного ниже первого, построена новая красивая галерея с колоннами с двух сторон, вмещающая в себе *шесть* ванн: три мужских и три дамских. К каждой половине особый подъезд и вход в общую залу. Дамская зала устлана мягкими диванами, на которых вышлишие из ванн дамы,

¹ Имеется в виду Эльбрус.

² По проекту архитектора И.Ф. Руска (1819 — 1821 гг.) [17]. Здание располагалось на территории заложенного несколько позднее и существующего поныне парка «Цветник».

³ «Здание сие выстроено из толстых сосновых брусев, покрыто железом и по длинным фасадам украшено 6 колоннами; в нем шесть ванн на два отделения с особыми входами. Ванны высечены из известкового камня с двумя кранами для горячей и охлажденной воды» [19, 50].

⁴ Соответственно Александровские и Ермоловские ванны.

одевшись, отдыхают, или прибывшие вновь ожидают очереди со своими прислужницами. Ванны высечены в камне овального вида, каждая в особой комнатке, освещаемой слабо из верхнего окна. [...] При каждой комнатке с ванной есть предванная комната; в ней широкие лавки и стол для скидания одежды; на лавках могут поместиться трое и лежать, выходя один за другим из ванны. Сюда вход из общей залы.

Вода изливается быстро из ключа двумя трубами, как из больших кувшинов в широкие жерла, к которым по краям и около труб нагорает сера с известью в виде палевой корки. Вода чиста, как хрусталь; но из жерла исходит небольшой пар и серный запах. Не смотря на чистоту ее и прозрачность, серы в ней так много, что в продолжении лета несколько раз очищают жерла и ванны от накипа [145, 408-410]¹.

Рассказывая о ваннах, в которых «варили» Глинку, нельзя не вспомнить о еще одной гравюре Иосифа Бернардацци из художественного обрамления его «Плана Пятигорска» 1831 года [124]. Автор назвал ее «Вид Александровских и Ермоловских ванн» и изобразил картину, которую почти каждодневно наблюдал на водах и Глинка: живописно лепящиеся к Горячей горе достаточно скромные ваннные здания почти у вершины Горячей горы; три расположены чуть повыше, другие чуть пониже. Весьма крутая лестница, ведущая от подножия горы к небольшой искусственной площадке на ее уступе — прямо к Ермоловским ваннам с колоннами и галереей. Причем и «красивая каменная лестница», и «красивая галерея с колоннадами»² выглядят уж очень непритязательно. Местность пустынная и, прямо скажем, достаточно унылая — в поле зрения ни деревца! Правда, несколько более ухоженный и даже в чем-то нарядный вид тех же лестницы и колоннады можно наблюдать на литографиях К.П. Бегрова по рисунку того же И. Бернардацци («Пятигорск. Вид Николаевских³, Александровских и Ермоловских ванн», 1834), а также Н. Некрасова («Пятигорск. Николаевские и старые

¹ Вместе с тем, оба ваннных здания уже в двадцатые годы не совсем удовлетворяли наиболее привередливых современников Глинки. Гераков был вполне впечатлен мастерски сделанным въездом для экипажей и не ленился взбираться туда и пешком, но пенял на то, что «лестница, имеющая сто ступеней, и дурна и слишком дорого стала» [35, 99-100]. А Добродеев критически констатировал: «Александровские [...] и Ермоловские ванны без всякой перемены находятся в прежнем своем виде. Устройство их, к сожалению, весьма несовершенно и недостаточно». Одна надежда была на то, что «они скоро будут сломаны, и вместо их построятся здания прочные» [57, 66-67]. Что и сбылось — только позднее.

² Отзывы современников Глинки [57, 65; 145, 408].

³ Массивное здание Николаевских (ныне Лермонтовских) ванн было возведено в Пятигорске братьями Бернардацци уже после пребывания Глинки, в 1826 — 1831 гг. Обозначены на Плане литерой с.

Ермоловские ванны», 1875)¹. Это можно объяснить развернувшимися тогда масштабными работами по благоустройству Горячих вод. Хотя и в лучшие времена никаких деревьев на горе не видно.

Вскоре по приезде в Горячеводск Глинка начал пить воду из кисло-серного *Елизаветинского источника*². Он располагался на скалистой, почти отвесной горе, с которой открывался замечательный вид на городок; туда была проложена дорога для экипажей. Но, думается, Глинка с удовольствием добирался к источнику пешком. По тогдашним медицинским рекомендациям нужно было пить воду отсюда дважды в день — по утрам и вечерам, и выпивать по несколько стаканов воды, кисловатой и с сильным запахом сероводорода. Хотя она, по мнению знатока минеральных вод — К. Грум-Гржимайло, и «сноснее других серных вод по вкусу, запаху и небольшой теплоте своей» (температура 27,5° С) [52, 114, 126]. Здесь же, возле колодца, в ветхом дощатом домике находилась и *Елизаветинская купальня*, в которой была открыта для пользования всего одна ванна; ее вода считалась чрезвычайно полезной для «укрепления нервов» [19, 43, 56], как средство «успокаивающее, слегка возбуждающее и укрепляющее» при *нервной слабости* [52, 134]. А это было прямо показано Глинке. Поэтому никак нельзя исключить, что он принимал процедуры и тут. Судя по свидетельству И. Добродеева, в 1823 году питьевой Елизаветинский источник еще не был как следует обустроен, что не только создавало неудобства посетителям, но и снижало целебный эффект водолечения:

В прежние годы³ они должны были под открытым небом пользоваться водою сего благотворного источника, должны были претерпевать все перемены воздуха, равнодушно переносить ветер, зной, ненастье. В противном случае, когда, желая избежать сих неприятностей, употребляли оную воду у себя, они не получали ожидаемого действия: ибо вода, при налитии оной в бутылки, равно и при налитии из бутылок в стаканы, теряет угольную кислоту, следовательно и не имеет той силы, какою изобилует вода, принятая тотчас при самом источнике [57, 69-70].

Однако пятью годами позднее была установлена *парусинная галерея*, защищавшая от дождя, ветра и солнечного зноя [19, 43; 57, 69]. О том, что еще в 20-е годы здесь по необходимости (хотя нельзя сказать, что неохотно) собиралась вся курортная публика, написал в свое время Н. Нефедьев:

¹ См.: [85, 336].

² Позднее на этом месте построена Академическая галерея.

³ И. Добродеев написал свой очерк в 1828 году и, обращаясь к собеседнику, напоминал о состоянии источника тремя годами раньше. — См.: [57, 61].

Кислосерный источник ежедневно собирает около себя все общество; ибо все непременно должны поутру и вечером пить из него воду. Вода сия за приносимую пользу требует пожертвования: привычки употреблять ее, что приобретается не без труда. Дамы, особенно сначала, с величайшим принуждением прикасаются губками к стакану, вмещающему в себе теплую жидкость кислосерного вкуса, сильно отзывающуюся запахом испортившегося яйца! Но мысль, что это *живая вода*, все преодолевает, и различные движения, искажающие на минуту прелестные черты лиц, знаменуют победу над отвращением, которое постепенно дружится с необходимостью. После каждого опорожненного стакана поставляется за правило делать моцион, для чего маленькая нарочно выравненная близ источника площадка представляет удобное место, и на сей-то площадке, ограниченной крутизною и горами, иные почти бегают, а другие с важностию выступают мерными шагами [115, 44-45].

Как видим, кисло-серная вода была нехороша на вкус, и Нефедьев достоверно передал всю гамму ощущений от нее. Правда, эта теплая вода кипела, как шампанское, что, вероятно, изрядно потешало тогдашнюю курортную публику, непривычную к газировке. Радует только то, что уже через месяц — полтора, в Кисловодске, Глинка мог побаловать себя действительно приятным на вкус и тоже «кипящим» нарзаном!

Значительно менее вероятно, что Глинка воспользовался *Калмыцкими* и *Варвациевскими* ваннами. Сведения о них можно найти в заметках посетителей Пятигорска 20 — 30-х годов — И. Добродеева, Н. Нефедьева, В. Броневского [19, 56-57; 58, 143-144; 115, 43-44].

Порядок пользования ваннами на Кавказских водах в то время славился уровнем демократизма отношений, который был еще непривычен для русских современников Глинки (см. П). Занимательно, что иногда от посетителей вод можно было услышать даже похвалу очереди! Вот что сообщал по этому поводу один из них:

В рассуждении порядка в употреблении вод, существуют здесь совершенная вольность и равенство. — Пред каждою ванною находится род предбанника, с несколькими ложами для отдыха, или лучше сказать, потения. *Посетители принимают ванны по очереди, смотря по тому, кто прежде пришел. Очередь сия никогда не нарушается. — Приятно видеть, как даже знатные особы подчиняют себя сему вообще принятому правилу* (курсив мой. — С.Т.) [123, 41].

Особенно же примечательно, что такой регламент был закреплен в соответствующем официальном документе — правилах пользования ваннами, изданных в 1827 году под заголовком «Объявление»:

Так как всякий прибывший на воды, имея на пользование оными *равное право*, желает принять ванну скорее и успокоить себя, то и надлежит при употреблении их *наблюдать очередь*. А потому никакая особа прежде прибывшего к ваннам до ее приезда ни сама собою, ни через прислугу, без явного нарушения порядка и обиды других особ, кого-либо отстранять и удерживать ванны за собою не должна. *Очередь сию обязан занимать для себя каждый лично*, а не через companions или тем менее через прислугу (курсив мой. — С.Т.)¹.

Насколько же эффективным было лечение Глинки пятигорскими целебными водами, и в чем оно не оправдало ожиданий? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно хотя бы бегло очертить оздоровительный ресурс тогдашнего Горячеводска.

Климат городка был для юного Глинки достаточно приемлемым. Он здесь самый сухой на всех Кавказских минеральных водах. Но переменчивый: май и первая половина июня дождливы², а с середины июня — жара и сушь; в августе и сентябре нередки ветры и дожди [54; 88, 140]. Замечу, что Глинка находился на Горячих водах в июне — начале июля и на погоду (на жару или, наоборот, на сырость) ни разу не пожаловался в «Записках», а это для него — редкость. Отзывы его современников о водолечении в Горячеводске, как правило, позитивные и свидетельствуют о хорошем самочувствии курортников. Так, Пушкин в 1820 г. писал, что ему особенно помогли серные горячие воды [133, 17]; приехав к источникам едва оправившимся от сильнейшей лихорадки, он быстро шел на поправку. — См.: I, а также [9, 22]. Г. Гераков тем же летом после приема целебной воды и ванн чувствовал необыкновенный прилив сил: «Полчаса и — кажется, здоровее стал, и аппетит сильный родился» [35, 97, 100]. В. Броневский после обильного питья целительной воды «стал есть за троих» [19, 69]. Н. Раевский в июне 1820-го вел на водах безмятежную, размеренную жизнь, чем и порадовал дочь в письме: «Я расположил мою жизнь следующим образом: встаю в 5 часов, иду

¹ Приведено по: [114]. Обращает на себя внимание специальная забота о спокойствии и комфорте дам. Очевидцы отмечали, что «в горячих водах сделаны для нежного пола особенные ванны», и что у дамских ванн стоял часовой, «дабы мужчины, по ошибке или незнанию, не входили в оные» [35, 99; 123, 41-42]. По поводу «ошибки или незнания» — поистине трогательная тактичность! Данное положение дел было закреплено и в уже упомянутом «Объявлении» властей: «При употреблении ванн наблюдать правила устава благочиния [...], для чего [...] и назначено время, когда могут оными пользоваться дамы и когда — мужчины». — Приведено по: [114].

² Например, в сезон, который застал В. Броневский, туманы, ветры, пасмурная погода и дожди «отняли почти половину времени». Вдобавок в конце мая случился еще и холод: «в полдень было только 6S° тепла (по Реомюру, что равно 8° C. — С.Т.)» [19, 74].

купаться, возвратясь через час, пью кофе, читаю, гуляю, обедаю в 1-м часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, в 7-м пью чай, опять гуляем и ложимся спать» [146, 523]¹. Здесь боевой генерал набросал «конспект» распорядка дня, бытовавшего на водах и тогда, и многие годы спустя. Позднее профессор Грум-Гржимайло словно развернул эту картину и представил детальнейший «*ежедневный порядок жизни на Кавказских минеральных водах*», основанный, конечно же, на многолетних наблюдениях и рекомендациях докторов. Можно не сомневаться в том, что с некоторыми отклонениями от более поздней нормы его стремились соблюдать и во времена пребывания Глинки на Кавказе, и именно такой режим, вероятно, был ему предписан на водах. Приведу здесь краткую выжимку из этих рекомендаций:

Вставать следовало очень рано — в 4, 5 и никак не позднее 6 часов и, наслаждаясь утренней прохладой, следовать пить воду. Через час или два после питья, с 6 до 12 дня, принимать ванну (этот перерыв нужен, «чтобы не воспрепятствовать слабительному действию воды»). Либо до, либо после ванны — легкий завтрак. С 10 до 12 — прогулка или приятные и нетрудоемкие занятия в квартире. Обед в полдень, не позднее часа дня. Послеобеденное время «проводить никак не за картами», а на свежем воздухе, в саду, в приятной беседе; или просто прилечь поспать. С 4 до 5 отправляться пить воду второй раз. Вскоре после этого принять вечернюю ванну — полегче утренней (не столь горячую и более кратковременную). В 7 или 8 часов пить кофе или чай. В 9 или 10 вечера — легкий ужин (меню самое скромное: например, компот с белым хлебом). В 10 часов ложиться спать — чтобы рано встать. И по новому кругу [52, 44-45]...

То, что романтический юноша Глинка этот распорядок не слишком жаловал и сколько-то раз его нарушил, почти не вызывает сомнений. Как, впрочем, и то, что он все-таки стремился двигаться в курортном «мейнстриме»: слишком высока была цена вопроса — здоровье! Тем более что автор документа с оптимистическим фатализмом констатировал: «Некоторым больным трудно приучить себя к такому образу жизни, но он необходим для излечения и достигается мало-помалу непременно» [52, 45].

¹ О подобном распорядке дня — только уже в Кисловодске — писал другой современник Глинки в 1828 г.: «Поутру с рассветом собираются все посетители у кислото источника, берут ванну и пьют потом воду, если, впрочем, первое возможно или полезно; в противном же случае начинают прямо с питья воды [...] После чего идут домой и пьют обыкновенно несколько чашек шоколада или кофию, дабы согреть желудок, охладевший от употребления весьма большого количества холодной воды. Обедают, так же как на горячих водах, в 12 часов и наблюдают ту же диету. После обеда, около пяти часов, принимают опять ванну и пьют воду, тем же порядком, как и поутру, а пришед домой пьют уже чай» [123, 63, 65].

С надеждой, что Глинка по мере возможности выполнял рекомендации медиков, вернемся к несомненной пользе Горячих вод для организма. Еще в 1815 г. очевидец замечал: «Объездивши большую часть минеральных вод за границею, нигде не случилось мне видеть столь многих и важных примеров исцеления» [26, 64]. Вот случаи чудесных исцелений, почти наугад выбранные из свидетельств тех, кто получал лечение в Горячеводске в 1820-е и в начале 30-х годов. Н.Н. Раевский в здешнем климате перестал чувствовать ревматизм [146, 524]. Г. Гераков поведал, что его знакомый офицер, «не владевший рукою с Бородинского дела, чувствует себя здоровым, поднимает оную свободно; страдал глазом от контузии, и большое почувствовал облегчение» [35, 100]. Наконец, В. Броневский, будучи парализованным, не чувствовал «ни малейшей перемены в состоянии здоровья» в течение трех месяцев. Но «вдруг, желая оброниться от мух», сделал усилие, и правая его рука поднялась. Продолжение сего повествования действительно похоже на чудо:

В ту же ночь и в последующие показался пот, ноги мои, до сего холодные, согрелись; и я [...] начал оживать, стал шевелиться, как-то нечаянно во сне повернулся с боку на бок; и таким образом, не принимая никаких лекарств, наблюдая только умеренную диету, к половине зимы, подобно Лазарю восстал из гроба, и к крайнему удивлению всех, а моей исключительной благодарности к Богу, я мог уже лежа на боку читать, писать и по несколько часов сряду сидеть в постели [...] Чудная водица, руками Творца приготовленная, начала действовать сильнее самого сильного лекарства [...] Олицетворенные Овидиевы превращения не могли бы удивить меня более: одепеневшее мое тело оживало, и я постепенно превращался в существо живое, мыслящее, рассуждающее. На меня приходили смотреть как на воскресшего из мертвых, но говорить со мною не могли, ибо я был еще так глух, что с трудом мог продолжать разговор [19, VIII-IX].

Однако и глухота прошла столь же чудесным образом!¹

П. Свиньин и вовсе облек свое повествование о целебности вод в некое подобие притчи:

Горячие Кавказские воды приносят столь же великую пользу, как и воды *кислые*. Один Калмык привезен был туда на Арбе в самом плачевном состоянии, лишенный употребления ног и рук, кои были у него сведены. Каждый день употреблял он по 9 ванн; чрез 8 дней отправился домой верхом! Конечно, надобно иметь Калмыцкое терпение, чтоб выдержать в один день это число ванн, но не менее того, это доказывает силу целебности сих вод [156, 253].

¹ См. комм. 11.

Квинтэссенцию этих радужных настроений обнаруживаем у И. Добродеева, когда-то написавшего об Александровских ваннах (где, как мы уже знаем, купался и Глинка):

Здесь Природа произвела то, чего никаким искусством достигнуть не возможно. Целебная влага [...] непрерывно обдаёт газом тело больного и непрерывным своим притечением нечувствительно увеличивает температуру воды, которую больной гораздо удобнее переносит. Больные, от употребления других ванн не получившие ощутительного облегчения, здесь купавшись, совершенно выздоравливают, особливо же подверженные ревматизму, подагре, параличу и т. д. [57, 67].

Безусловно, такая позитивная психологическая атмосфера уже сама по себе способствовала достижению хорошего медицинского результата! Этот дух надежды на выздоровление, даже жажды исцеления, которым проникся тогда Горячеводск, очень быстро облекался в поэтические строки — правда, почти мгновенно «снижаясь» в гениальных творениях, будучи одобренным изрядной долей иронии. Вот, например, Пушкин в «Отрывках из путешествия Онегина»:

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя¹, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть — хотя на миг².

Этот бледный рой больных из пушкинского отрывка напоминает и о другом поэтическом шедевре — о стихотворении «Я видел Азии бесплодные пределы», которое Пушкин сочинил в год пребывания на Горячих водах, но уже, вероятно, в Крыму, в Гурзуфе (1820)³:

¹ Почечуй (устар.) — геморрой.

² См.: [131, 201].

³ При жизни Пушкина не печаталось, сохранился черновик [135, 404].

[...] Жилище дикое черкесских табунов,
 Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
 Обвитые венцом летучим облаков,
 И закубанские равнины!
 Ужасный край чудес!.. там жаркие ручьи
 Кипят в утёсах раскалённых,
 Благословенные струи!
 Надежда верная болезнью изнуренных.
 Мой взор встречал близ дивных берегов
 Увядших юношей, отступников пиров,
 На муки тайные Кипридой осужденных,
 И юных ратников на ранних костылях,
 И хилых стариков в печальных седилах.

На что же надеялись родные Глинки, его врачи, да и он сам? Сначала разберемся в том, от чего вообще лечили (и сейчас лечат) в Пятигорске. Сразу же замечу, что в дальнейшем врачи направляли Глинку на зарубежные воды, сходные с серными кавказскими. К. Грум-Гржимайло приводит в своем фундаментальном труде названия вод, похожих на пятигорские: *Аахенская*, *Баденская* (близ Вены) и *Эмская* [52, 38]. Напомню, что на *всех* перечисленных немецких и австрийских курортах побывал и Глинка в 1830 и в 1833 г. — См. подробно: [177]. Вот краткая сводка показаний к лечению в Пятигорске, собранная по сведениям из изданий начиная с XIX века до наших дней: хронический ревматизм; сифилис¹; рахит; геморрой; золотуха и заболевания кожи: нейродермит, экзема, атопический дерматит; заболевания нервной системы; солярит; болезни органов пищеварения; эндокринные заболевания; болезни органов движения [76; 88, 140; 95; 96; 194, т. XXVA, 938]. Многими из перечисленных недугов страдал и Глинка. Какие-то из них проявят себя спустя годы, но некоторые беспокоили его с детства. И в этом ряду, конечно, первенствует комплекс клинических проявлений, который в те далекие годы, да и много позднее звался *золотухой* (*скрофулезом*). О клубке болезней, скрывающихся за этими

¹ «В первые 100 лет своего существования П[ятигорск] имел репутацию гл. обр. курорта для лечения сифилиса, т. к. сере приписывали специфические свойства при сифилисе», — сообщала «Большая медицинская энциклопедия» [88, 140]. Вот откуда, оказывается, у Пушкина в каждом из двух приведенных выше поэтических отрывков — упоминание о жертвах *Киприды* (то есть *Афродиты*, *Венеры*)! Впрочем, на этот факт относительно путешествия Онегина в свое время обратил внимание Ю. Лотман в Комментарии к пушкинскому роману: Киприда здесь олицетворяет венерические заболевания [89, 385]. А вот о стихотворении «Я видел Азии бесплодные пределы» исследователь по данному поводу не упоминает.

устаревшими терминами, и о том, как они проявили себя в отношении Глинка, мы уже писали — это были, прежде всего, заболевания кожи: диатез, нейродермит, экзема и проч.¹ Михаил Иванович в «Записках» и в письмах нередко именует все это «*лишайми*», и нельзя сказать, что он не прав: устаревшее название экземы — действительно «*мокнущий лишай*». Кстати, эта болезнь дала о себе знать и на обратной дороге с Кавказских вод: Глинка тогда «занемог лихорадкою с нарывами на местах, где были лишай от рождения» (см. комм. 16). Примечательно, что всего за год до поездки на Кавказ он с переменным успехом боролся с золотушным поражением кожи и сообщал об этом родителям: «Вы мне пишете, чтобы насчет кругов² я посоветовался с хорошим доктором; я весьма признателен вам за сие позволение, тем более что для меня это необходимо. Теперь у нас прелестное время, оно подействовало, ибо с самой последней недели великого поста я был здоров. Однако же временем круги мои все еще меня беспокоят, притом же при перемене погоды я снова бываю подвержен опасности быть нездоровым»³. Вот, кстати, очередной пример метеочувствительности совсем еще юного Глинка!

Золотуха была тем или иным образом связана и с заболеваниями нервной системы (в частности, возможно, с соларитом)⁴, для исцеления от которых также было показано водолечение в Пятигорске. Кроме того, К. Грум-Гржимайло считал, что горячие ванны помогают при «упорных нервных болях» (а ими Глинка, безусловно, страдал), а также при застарелых, упорных сыпях и язвах⁵ («лишай от рождения», которые потом донимали нашего героя всю жизнь⁶).

Вообще же первопричиной отправки Глинка для поправки здоровья на Кавказские минеральные воды было его «*золотушное расположение*» [42, 222]. (См. также I). Но ведь и одиннадцатилетнего Лермонтова привезли в 1825 г. на воды именно для лечения от золотухи. Вот что писал об этом В. Гиндин, создавая психопатологические портреты русских литераторов: «Миша, ребенком унаследовав от матери болезненность и, по-видимому,

¹ См.: [177, 133-135]. И в середине XIX ст. продолжали считать пятигорские воды отличным средством от золотухи — против вызванных ею болезненной худобы, нарывов, сыпей и язв, способным, к тому же, размягчать «отверделые железы» [52, 136]. Нет сомнений, что Глинка нуждался в лечении именно от этих болезненных проявлений.

² Золотушная сыпь или лишай [41, 281].

³ Письмо М.И. Глинка к родителям 2 мая 1822 г. [45, 31].

⁴ См.: [177, 136-140].

⁵ См.: [52, 132-133].

туберкулезную инфекцию, сам часто хворал. По словам П.А. Висковатова он был весьма худосочен, золотушен. На нем часто показывалась сыпь, мокрые струпья, так, что сорочка прилипала к телу [...] В 1825 году бабушка вместе с домашним доктором [...] везет внука на Кавказские минеральные воды для лечения от "золотухи"» [37, 51-52]¹. Случайно ли много позже, в «Герое нашего времени», Печорин встретится с этой болезнью в Пятигорске, увидав на крутой скале подле самой Эоловой Арфы двух гувернеров «с своими воспитанниками, приехавшими лечиться от золотухи» [80, 67]?

И все же сам Глинка спустя тридцать лет оценивает горячеводский опыт водолечения как неудачный и главную причину видит в том, что его «варили» в ванне с нестерпимо горячей серной водой, при температуре 37 или 38 градусов по Реомюру (46 – 47,5° С). При этом он признает, что Петровскому-Муравскому «воды чрезвычайно помогли и поставили на ноги». Постараемся разобраться и в этой коллизии.

Михаил Иванович совершенно точно указывает температуру горячего источника. Подтверждения находим и в отзывах современников, и в энциклопедических словарях. Так, В. Броневский отмечал, что температура воды изменяется от купальни к купальне (в Александровской доходит до 38°, а в Ермоловской — до 36°), Г. Гераков уверенно называл температуру в 38°, И. Радожицкий — тоже, К. Грум-Гржимайло — 38°, а Н. Раевский — даже выше 38-ми градусов [19, 47-48; 35, 97; 52, 114; 145, 410; 146, 523]. Словарь Брокгауз — Ефрон дает амплитуду температур

¹ К слову, есть нечто поразительно общее в детских биографиях Глинки и Лермонтова. В. Гиндин отмечает: «Лермонтов получил женское воспитание. После смерти матери он жил в доме бабушки, которая фактически порвала отношения с зятем. Боясь, что отец предъявит права на сына и украдет его, она постоянно прятала внука. Мишель же очень любил отца и после редких посещений его поместья, всегда с неохотой возвращался к любимой бабушке. Рос Лермонтов в окружении бесчисленной женской челяди, среди множества молоденьких кузин и по словам П.А. Висковатова: "окруженный заботами и ласками, мальчик рос баловнем среди женского элемента"» [37, 52]. Ср. с «Записками» Глинки: «Бабка моя, женщина преклонных лет, почти всегда хворала, а потому в комнате ее (где обитал я) было по крайней мере не менее 20 градусов тепла по Реомюру (25° С. — С.Т.). Несмотря на это, я не выходил из шубки, по ночам же и часто днем поили меня чаем со сливками со множеством сахара, кренделей и бубликов разного рода; на свежий воздух выпускали меня очень редко и только в теплое время. Нет [NB] сомнения, что это первоначальное воспитание имело сильное влияние на развитие моего организма» [42, 211]. К этому можно добавить, что и одиннадцатилетний Гоголь, в 1820 году привезенный отцом в Нежинскую гимназию высших наук, был завернут в «тридцать три одежки» и нес в своем сложении, да и в чертах лица явные следы золотухи [37, 74-75].

пятигорских вод: от 21,4° до 36,4° [194, т. XXVA, 938]¹. Что, между прочим, еще раз убеждает в том, что Глинку действительно купали в воде на верхнем пределе возможной температуры. Надо сказать, что его современники реагировали на такой «экстремальный» нагрев по-разному. Одни — тот же Н.И. Петровский-Муравский, Н.Н. Раевский, И.Я. Раджицкий, А.Е. Розен воспринимали его спокойно², а иногда и с радостью. — См.: [145, 410-411; 146, 523; 152, 369]. Зато другие рисовали мрачноватые и даже inferнальные картины купания в Александровских ваннах, одна другой страшнее. Причем Раджицкий, однажды вполне толерантно описавший горячие источники, через полтора года (в декабре 1824-го) иронично предупреждает Свинына о серно-горячих ваннах: «Я не думаю, впрочем, чтоб Вы нуждались в кипятке и в сере: эта пюрификация³ свойственна для больших грешников» [144, 126]. А В. Броневский не пожалел красок, чтобы в мистических тонах поведать об ощущениях купальщиков в Александровских ваннах:

Все здоровые и мнимобольные непременно почитают долгом получить в сем чудесном [...] ключе тошноту, обморок или удар в голову [...] Вступив в предбанник и из него в самую теплицу, чувство набожности сменяется благоговейным трепетом. Там, в облаке удушающего серного смрада, представляется Дантов ад: геенна, пекло и огненная струя перед тобою; там видишь повторение того чуда, когда, по повелению Божию, Моисей пред глазами избранного народа одним ударом жезла источил воду из камня [...] Невозможно опуститься в нее вдруг, ибо и при медленном погружении чувствуешь сильное сотрясение, подобное электрическому удару. При малейшем же колебании вода жжет, почему должно сидеть в ванне смирно, не шевелясь. Едва сядешь в ванну, как газовые пузырьки покрывают все тело, кровь бросается в голову, невольно начинаешь дрожать; по всему телу, особенно по болящим частям, пробегает острая, сильно беспокоящая боль, подобная обжогам [...] Такой операции, очевидно целебной, [...] больной более 5 минут выдержать не может, выздоравливающие без вреда могут сидеть 5 минут, здоровые — 10; но есть богатыри, которые, следуя коновальскому совету или по собственному побуждению обливая голову холодной водою [...], выдерживают такую добровольную муку до получаса, а иные даже по два раза в день. Можно себе представить, какие случаются последствия от столь отчаянного способа лечения, когда и самое умеренное употребление сих жгущих ванн производит тоску, жажду, головокружение и обмороки; а изобильный пот, крупными каплями

¹ Здесь и далее температуры ванн указаны по Реомюру. В противном случае это специально оговаривается.

² Последний — только на первых порах (см. ниже).

³ Пюрификация — у католиков очищение, отпущение, даваемое священником кающемуся.

исходящий из пор, и по выходе из ванны не прежде начинает уменьшаться, как по истечении 20 минут и получаса. Инвалиды, при ваннах служащие, делают небольшие деревянные кресты с подножниками, ставят их под текущую из дудочки воду, и чрез две недели вся поверхность дерева покрывается осадком, и деревянные кресты превращаются в каменные. Все посетители на память покупают сии кресты, я также запасаю одним, которому буду молиться в воспоминание великого облегчения от тяжкого недуга, которым Бог по милосердию своему испытует меня как Иова [19, 52-55].

Даже если избавиться при восприятии горячих ванн от подобных тревожных интерпретаций и перейти на медицинский язык того времени, то все равно сложится крайне тяжелая картина. Так, К. Грум-Гржимайло писал, что очень горячие ванны температурой 33 – 37° «производят скоро весьма сильный пот, но в них *нельзя сидеть более 5 секунд* (курсив мой. — С.Т.), а этого времени недостаточно для всасания воды; кроме того, могут произойти от нестерпимого жара приливы крови к голове, звон в ушах, биение в висках, кружение головы, непомерное биение сердца, обморок и даже апоплексия» [52, 49]. Мы не знаем достоверно, какое время каждый раз «варили» в ванне Глинку, но явно подольше пяти секунд! А вот и свидетельство очевидца по этому поводу, бравшего «оную ванну для опыта, купавшись прежде в 28-градусной»:

Неразводная вода (37 Реом.), 7-ю градусами превышая естественную температуру, сильно оказывает действие на организм человека. Я сам, купавшись в 32-х-градусной ванне, с трудом мог просидеть 7 минут, по принятии коей почувствовал чрезвычайную слабость; в ванне же кровообращение так ускорилось, что пульс бился 120 раз, тогда как жилогие у меня обыкновенно бывает около 80 раз в минуту; дыхание совершалось с трудом; я почувствовал сильную боль в голове и кружение [57, 68-69].

Еще интереснее была история А. Розена, который вспоминал:

Я просил совета у главного военного штаб-лекаря [...]; он предписал мне Александровские ванны № 1-й [...] Природный жар его воды можно вытерпеть, вода всё в одинаковой силе — 37°. Больной спускается в ванну по трем высеченным в скале ступенькам; лишь опустит ногу в ванну, то в первое мгновение покажется, что обварил ее; как только сел в ванну, то становится легче дышать, оттого что мгновенно является испарина; в ванне можно высидеть не более 8 или 10 минут. Вышед из ванны, ложился я в боковой комнате на деревянную широкую скамейку, выпивал несколько стаканов этой горячей воды, после чего градом катился пот. Вода [...] заключает в себе столько серы, что [...] самого чистого стекла стакан тускнеет мгновенно [...]; воздух в этой комнате так напитан серою, что серебряные эполеты, пуговицы в минуту пожелтеют.

Эффект же от лечения был крайне противоречивым. Поначалу все шло, казалось бы, хорошо:

После каждой ванны растягивал я больную ногу по силам моим и уже после пятой ванны чувствовал и слышал, как больное место хрустело и постепенно вытягивалось; после двадцати ванн я мог носком больной ноги дотрагиваться земли. Вода притом сильно очищала желудок.

Но прошло время, и начались обмороки, пациент так ослабел, что почти не мог двигаться. Кончилось все тем, что измученный Розен просто решил сменить доктора, о чем ничуть не пожалел: теперь ему было запрещено брать Александровские ванны, велено три недели отдохнуть и перейти в более мягкие Сабанеевские, коими он и пользовался успешно [152, 369-370].

В середине 50-х годов Грум-Гржимайло, описывая действие горячих Александровских ванн, замечал, что они сильно раздражают кожу, возбуждают весь организм и в короткое время «производят искусственные лихорадочные движения»: кожа очень краснеет, лицо становится багровым, пульс учащается вдвое, «все жилы бьются, жажда невыносимая», выступает сильнейший пот. Более двух — трех минут больной высидеть в такой ванне не мог. Однако при нормальном ходе событий все эти явления быстро сходили на нет. В противном случае горячие ванны следовало тотчас прекращать [52, 132].

Понятно, что после подобных испытаний хотелось прилечь и забыться. Посетитель будущего Пятигорска отмечал: «Воды горячие, действуя испариной, особенно на первых порах приводят в расслабление, — и потому здесь только и речей, что жалобы на слабость, изнеможение; только и хлопот, чтоб из ванны скорей запрятаться в постель» [26, 65]. Что, кстати, и советуют современные курортологи!

Не вызывает сомнений, что здесь описаны как экстремальные ощущения, так и дурные симптомы последствий купания в обжигающей серной воде, которые сполна почувствовал и юный Глинка. Есть соблазн объяснить происходившее с ним элементарной врачебной ошибкой, помноженной на некое своеволие пациента, — и это было бы справедливо, если бы Михаил Иванович окунался в кипящую серу, причем многократно, без надлежащей подготовки. Но нет же! Мы-то со слов самого Глинки знаем, что поначалу он брал теплые серные ванны, и лишь позднее его стали «варить» в горячих. То есть, доктор Быковский старался выполнять рекомендации тогдашней медицинской науки: приступать к лечению

в Александровских (либо в Ермоловских) горячих ваннах не сразу, постепенно! Об этом тогда предупреждали многие. Уже И. Раджицкий в 1823 г. понимал ситуацию совершенно правильно: «Целительность воды сей, по замечанию химика, заключается не столько в степени теплоты (курсив мой. — С.Т.), как в газах и ее минеральности» [145, 411]. В. Броневский подтвердил, что к началу 30-х годов это вошло в привычку: «Обыкновенно, приехавшего сажают, смотря по показанию его болезни, в одну из ванн серных Пятигорских источников и, переводя его из купальни в купальню, постепенно приучают тело его от 28° до 38° [...] Александровского ключа» [19, 63]. Вообще же еще до приезда Глинка считалось, что кислосерные воды Елизаветинского источника в 25 градусов здоровы для всех [35, 97]¹. А уж то, что нежиться в теплых водах было куда приятнее, чем в горячих, понимали все. Вот как, например, писал Н. Раевский дочери: «Сестры купаются по одному разу, а когда жарко — по два, в воде кисло-серной, теплотою как парное молоко, единственно для забавы» [146, 523]². Несколько позднее Грум-Гржимайло рекомендовал наращивать температуру серных ванн постепенно, начиная с 28°, и ни в коем случае не пересиживать в ванне, покидая ее, чтобы не получить обморока, при первых же неприятных ощущениях. А ведь Глинка, судя по мемуарам, пережил их на Горячих водах совсем немало, и это своевременно должно бы стать предметом беспокойства для его докторов!

Существовал и еще один способ «мягкого» перехода в «геенну огненную» — поначалу разводить очень горячую воду прохладной. А вот им-то в случае с Глинкой как раз и не воспользовались — ведь не зря он жаловался в «Записках» на то, что доктора не учли его «слабонервного сложения» и не порекомендовали «купаться в воде, разведенной с прохлажденною прежде, как то делается в Ахене». В 1828 г. И. Добродеев передал подобную рекомендацию врачей в собственном суждении об Александровских ваннах:

Нельзя впрочем не порицать господствующего здесь предрассудка: без всякого приготовления берут оную ванну *цельную, неразводную* —

¹ Гераков вообще относился к бальнеологии с гедонистической простотой: «Пошли на гору, и сели в ванну кисло-серную 25 градусов, приятно в ней сидеть, не хочется растаться; ванна большая, можно шести человекам покойно вместе сидеть и лежать, в горе высечена. Полчаса и — кажется, здоровее стал, и аппетит сильный родился» [35, 97].

² Нефедьев в 1827 г. высказывался сходным образом: «Оставляя немногому числу страдальцев пользоваться горячею до 35° водою ванн Ермоловских, прочие предоставляют себе нежить чувства в источниках Варвадиевских и Сабанеевских, преимущественно же в сих последних, где теплота уменьшается до 28°» [115, 44].

так обыкновенно поступают некоторые из больных, отвергая все советы врачей, в следствие какого-то предубеждения, будто бы разводные ванны бесполезны, а одно только цельные помогают недужным. Столь безрассудным поступком многие губят свое расстроенное здоровье, а иные платят за то жизнью. Цельными ваннами может пользоваться тот только, кто брал уже, постепенно увеличивая температуру воды, несколько разводных ванн и притом ежели врач не найдет тому никаких противопоказаний [57, 68].

Однако, возможно, в 1823-м о подобных подходах еще не все знали — ведь Нелюбин опубликовал свой фундаментальный труд с соответствующими разъяснениями только через два года. И все же о проблеме в общих чертах было известно уже в пору кавказского водолечения Глинки. И. Раджицкий именно тогда написал о Ермоловских купальнях: «С двух сторон в ванну проведены трубы: одна для горячей воды, а другая для прохладной из того же ключа. Ее расхолаживают наверху в особых ушатах» [145, 409]. Следовательно, техническая возможность для смешения воды уже тогда существовала на практике. Кроме того, для постепенного перехода в Александровские ванны, вода в которых считалась самой «агрессивной», уже в те времена использовались Варвадиева и Калмыцкая купальни [19, 57]. Что и говорить о новых Николаевских ваннах, которых Глинка еще не застал, где принцип смешения воды стал использоваться на полную мощность (см.: [57, 63, 65-66]).

Михаил Иванович в связи с лечением на Горячих водах не зря вполне позитивно, хотя и не без критики, вспоминает в «Записках» о собственном аахенском опыте 1830 года, а к кавказскому «перекрестно» возвращается, повествуя о лечении в Аахене: «Мы поехали в Ахен, где в весьма короткое время почувствовал я значительную пользу: но и тут случилось то же, что и на Кавказе: заставляли слишком много пить и слишком часто купаться, хотя и не варили (как на Кавказе) в невыносимо горячей воде (курсив мой. — С.Т.)» [42, 242]¹. Примечательно, что, по оценке медиков, пятигорские воды «ближе всего подходят к Аахенским» [52, 38; 194, т. XXVA, 938].

Уместно напомнить и еще об одном возможном упущении врачей, лечивших Глинку. Он пишет, что было бы лучше поменьше пить минеральную воду. Здесь надо учитывать, что, как правило, и ванны, и воду принимали дважды в день. — См.: [52, 127; 146, 523]. Грум-Гржимайло советовал наращивать дневную порцию воды и ни в коем

¹ См. подробнее во II части «Странствий Глинки» [177].

случае не пить более 10-ти стаканов по утрам и 5-ти — по вечерам; после пяти — шести дней регулярного питья полагался день отдыха. Кроме того, рекомендовалось привыкать к питью постепенно, чтобы вода действовала «исподволь, верно и безопасно» [52, 46]. Нарушение этих правил могло привести к головным болям, головокружению, тяжести под ложечкой и вздутию живота [52, 127]. Например, В. Броневский действовал в соответствии с ними и по предписанию знаменитого на водах доктора Конради «пил каждый день по 6 стаканов», затем увеличив порцию до шести стаканов с утра и трех после обеда [19, VI, 69]. Однако, скажем, Гераков был в этом отношении куда более беспечен и гонялся за дешевизною: «[...] выпили кислой воды по стакану: 35 копеек стоит бутылка» [35, 97]. А многие и вообще самоуправно шли на рекорд и выпивали по 30 и более стаканов в день [19, 67]. Судя по высказыванию Глинки, и здесь доктора могли хватить *через меру*, увеличив приемлемую дозу. Тогда их пациента ждали все неприятные симптомы, перечисленные выше.

Что же до горячеводских купаний, то относительно Глинки можно сделать следующий вывод: либо очень горячие ванны ему были вообще не показаны и их следовало вовремя отменить¹, либо в режиме пользования ими произошел какой-то сбой в частоте назначаемой процедуры, связанный, к примеру, с излишним усердием доктора Быковского (или иных медиков, к которым обращались за консультациями²).

Оканчивая здесь повествование о муках Глинки с лечением горячими водами, замечу, что он, в общем-то, легко отделался, так как подобные

¹ Грум-Гржимайло перечислил противопоказания к их приему, некоторые из которых вполне могли затронуть и юного Глинку — в частности, «трепетание сердца от его болезненного состояния, чрезвычайная раздражительность, слабость» [52, 133].

² Исключить подобный ход событий никак нельзя. Конечно, как писал И. Радожицкий, в 1823 году «многие привозили с собою медиков — по той причине, что местный, г-н Конради, определенный от Правительства, не мог бы успевать пользоваться всех приезжих» [145, 407]. Возможно, и по этой причине Петровский-Муравский и Глинка приехали на воды вместе с А.П. Быковским (см. комм. 2). Но в том году в Горячеводске вполне можно было обратиться и к знаменитым знатокам водолечения. По словам Радожицкого, известнейшим из приезжих медиков был Говоров, сопровождавший канцлера Румянцева, но ведь здесь находились и признанный авторитет в области изучения Кавказских минеральных вод профессор Нелюбин, и уже упомянутый доктор Конради [145, 407-408]. Кстати, в следующем, 1824 году, тот же И. Радожицкий настоятельно рекомендовал П. Свиньину книгу Конради о свойствах минеральных вод, изданную на немецком [144, 126]. Вообще же вопрос о знающем враче, которому можно довериться, всегда волновал «водное общество». Один из ранних посетителей Горячих вод еще в 1815 г. писал, что если водолечение не достигает ожидаемых результатов, то виною тут не воды, но, в частности, «недостаток сведущего руководителя при употреблении оных» [26, 64].

«сражения» иногда даже завершались летальными исходами. Поэтому столь актуально звучит предупреждение В. Броневского, лечившегося в Пятигорске два сезона подряд:

Отчаянным способом лечения можно расстроить самого здорового человека, что к несчастью и случалось. Таких самоучек лекарей по два и по три из самых храбрых и торопливых каждый год относят на кладбище. Один из моих знакомых, привыкший к самовластью и командованию, забыв, что по болезни своей он мог еще назваться *человеком Божиим*, не слушая ни чьих советов, убил себя Александровскою водицею [...] Однажды наш храбрец, просидев по обыкновению своему в неразводной ванне в 38° температуры до 20 минут, вздумал кроме холодной воды, поливаемой на голову, выпить стакана два речной воды со льдом, — и весь Пятигорский факультет, призванный на совет, не мог спасти его [19, 67-68].

Подобную фаталистическую беспшабашность русской души когда-то заметили П. Вайль и А. Генис, обратившись к тексту комедии Фонвизина «Недоросль», причем ее герой изъясняется в данном случае едва ли не языком персонажей Шукшина [22, 28]:

Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменные ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота? [181, 135].

И все-таки кажется, что Глинка даже в те юные годы относился к ценности жизни — да и к собственному здоровью — посерьезнее. Может статься, ему уже тогда приходили мысли о вечности и хрупкости человеческого существования. Пройдет менее трех лет, и весной 1826 г. композитор ясно выскажет их в горестных стенаниях хора из I части «Пролога на кончину императора Александра I и восшествие на престол императора Николая I»¹, а также в двух «тоскливых романсах» (определение Глинки!)² на тексты Жуковского — «Светит месяц на кладбище» и «Бедный певец». Однако нельзя исключить в его

А В. Броневский вывел даже некие правила для больных: «Во-первых, дабы не подвергнуть тело свое *пытке*, неопытными лекарями употребляемой, должно поверить себя доктору, более при водах служившему, вручить ему историю своей болезни». Но в заключение все же рекомендовал «всё упование возложить на провидение» [19, 72].

¹ Глинка считал «эту кантату первым удачным опытом в вокальной музыке большого размера». Композитор вспоминал, что писал ее искренно, и «пьеса довольно верно выражает слова» [42, 231].

² См. в «Записках»: [42, 231].

тогдашних суждениях по этому вопросу и некоторой доли здорового фатализма. Учитывая все вышесказанное, весьма к месту придется здесь сентенция В. Броневского, подводящая итог лечения на кавказских водах: «*Pour acquitter la conscience* (для успокоения совести) я позволил делать с собою, что хотят, в том убеждении, что в дороге, на водах и везде на всяком месте можно умереть с равной удобностью» [19, II].

11. Взявши несколько ванн к и с л о с е р н ы х, отправились мы на железные воды, расположенные посреди лесов, на площадке на половине горы. Местоположение этих вод дикое, но чрезвычайно живописное; был тогда один только деревянный дом для помещения пользующихся; кто не находил там пристанища, разбивал палатку из войлока, и ночью, когда мелькали огоньки, площадка эта походила на кочевье диких воинов. Остаток горы до самой вершины покрыт был густым лесом; дикий виноградник оплетал целые купы кустарников и мелких деревьев; орлы летали почти над головами. Однажды я видел, как туча, пронесшаяся в нашу сторону, покрыла нас всех своим густым туманом.

Вероятнее всего, Глинка и его спутники приехали на Железные воды в начале июля 1823 г. (см. комм. 5). Длительность их пребывания в этом месте можно установить лишь приблизительно, и только по аналогии. Например, Пушкин с семейством Раевских провели там летом 1820 г. около двух недель [36, 6: 146, 524]¹. С другой стороны, современник Глинки отмечал, что для полного курса ванн на Железных водах «потребно 10 дней» и все их исправно там пробыл [123, 56-57, 60]. Учитывая все это, можно предположить, что Глинка с товарищами первоначально намеревались задержаться на Железной горе на 10 дней — две недели, и это приближалось к нормативу пребывания здесь, очерченному позднее в книге профессора Грум-Гржимайло: 1 — 3 недели [52, 61]. Но вынуждены были покинуть эти места преждевременно (см. комм. 12). Таким образом, время лечения железными водами сокращается, вероятно, примерно до недели. Следовательно, Глинка находился здесь максимум до середины июля.

Добраться до Железных вод из Горячеводска тогда было нелегко. Для путешествующих обязательно выделялся конвой. В «Объявлении», дополнявшем «Временный наказ полицейских

¹ По другим сведениям — около трех недель [186].

обязанностей местного начальства при Кавказских Минеральных Водах», сообщалось: «В среду и воскресенье будет даваться конвой, но не поодиночке, а общий всем желающим отъезжать в тот день»¹. Кроме того, новую дорогу через селение *Каррас*² протяженностью в 15 — 16 верст, пригодную для экипажей, в год приезда Глинки только начинали строить [61; 152, 378; 190]³. Ему же пришлось ехать еще по старой — кружным путем длиною более 30 верст; этот путь проходил «через Лысогорский пост, мимо горы Змейки, огибая склоны горы Каменной (ныне г. Развалка)» [61]. Не по этим ли местам пробирался герой поэмы Лермонтова «Измаил-бей»?

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной,
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый⁴,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

От восторженных слов по поводу живописности этого горного пути не удержался даже энциклопедический словарь: «Дорога здесь восхитительная, и почти с каждым шагом ландшафты резко сменяются» [194, т. ХІА, 767].

Заметив на высоте белые строения и взобравшись по извилистой дорожке на высокую, крутую гору, Глинка и его спутники увидели картину, вероятно, поразившую их до глубины души⁵. Недаром Михаил Иванович употребляет определение «дикий» (и однокоренные) *трижды* на протяжении одного абзаца и пишет, что «местоположение этих вод дикое, но чрезвычайно живописное»! (Впрочем, это не помешало ему несколькими строками раньше применить то же слово

¹ Приведено по: [114]. См. подробнее в комм. 13.

² См. комм. 6.

³ Вообще же Г. Гераков еще в 1820 году указывал значительно меньшее расстояние от Горячих вод до Железных: всего 12 верст. — См.: [35, 98]. Возможно, он имел в виду путь верхом, «по прямой», по бездорожью?

⁴ г. *Бештау*.

⁵ Вот как она явилась другому очевидцу, подивившемуся, «на какую ужасную высоту забрались воды»: «Вид отсюда вниз прелестен; взор теряется на необозримом горизонте» [123, 54].

и к будущему Пятигорску — см. комм. 5). Между тем, это и была нынешняя цель их путешествия — *Железные воды*¹.

Глинка очутился на той самой «площадке на половине горы»², о которой потом вспомнил в «Записках». Н. Раевский, побывавший тут вместе с Пушкиным тремя годами ранее, писал дочери об этом «плацдарме»: «Места так мало, что 100 шагов сделать негде — *или лезть в пропасть, или лезть на стену* (курсив мой. — С.Т.). Но картину перед собой имею прекрасную, т. е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которые мы оставили» [146, 525]. Вот на этом-то месте в 1819 году по указанию генерала Еромолова и был построен первый турлучный дом для приезжих, состоявший всего из семи комнат [54; 61; 66]³.

Итак, на все Железные воды тогда существовал лишь один-единственный дом из нескольких комнат. Его-то и имеет в виду Глинка, когда упоминает «деревянный дом для помещения пользующихся». Поэтому выбирать пристанище было особенно не из чего. Собственно, для приезжих существовало всего два варианта обустройства⁴. Первый — снимать комнату в доме. Сколько комнатушек в этом скромном строении могли занимать Глинка и его товарищи, сказать сейчас трудно. Но, думается, никак не более двух — трех из семи имевшихся в наличии — дело-то происходило в самый разгар сезона!

¹ Несколько позднее это место называли *Железноводском*. Курорт располагался на высоте 600 м над уровнем моря, на южном склоне *Железной горы* (851 м выше уровня моря). Ее вершина — безлесная площадка, а склоны, поросшие лесом и кустарником очень круты, подчас отвесны (об этом пишет и Глинка). Поселение находилось среди леса, в живописной горной долине, в окружении куполообразных горных вершин, напоминающих обрывистые острова (горы Бештау, Железная и др.; не случайно геолог Г.В. Абих в середине XIX в. назвал эту местность «скалистым архипелагом»). Горячие источники на склоне горы Железной были открыты доктором Ф.П. Гаазом в 1810 г. С 1812 г. их стали регулярно посещать больные, причем какое-либо благоустройство практически отсутствовало. В 1819 г. и в течение следующего десятилетия были построены первые ванны и жилые здания. — См.: [27, 778-779; 194, т. ХІА, 767; 54; 66].

² То, что эта площадка действительно находилась «на половине высокой горы» («на половине высоты ее»), в один голос подтверждают другие посетители Железных вод — например, Н.Н. Раевский и И.Т. Раджицкий [146, 525; 61]. Она сохранилась и до наших дней.

³ И. Раджицкий насчитал в доме восемь комнат [61], а не семь. Кроме того, еще в 1819 г. были хотя бы примитивно обустроены источники №№ 1 и 2 — «обложены камнем [...] и соединены с новой ванной деревянными трубами» [54].

⁴ Лишь через несколько лет здесь появились немногочисленные дома. Зато в конце столетия можно было выбрать и удобное местоположение жилища, причем словарь Брокгауз — Ефрон не замедлил выдать рекомендацию: «Дома в Ж[елезноводске] расположены в три яруса по уступам подошвы Железной горы, причем помещения первого яруса считаются более здоровыми» [194, т. ХІА, 767]. То есть, чем ниже, тем лучше; но Глинка-то приютился на самой высокой точке!

То есть, вынуждены были жить в весьма стесненных условиях, никак не сопоставимых с теми, которые мог предоставить хотя бы дом Хандаковой в Горячеводске. К таким грустным мыслям приводит, в частности, описание устройства дома на Железных водах и размещения в нем приезжих, оставленное очевидцем через пять лет после Глинки:

Для жительства посетителей находится здесь один только дом. Мы вынуждены были поместиться все трое в одной маленькой комнате, потому что прочие уже заняты были другими посетителями. Кроме нас находятся здесь еще один генерал, один помещик и казачий майор со своими женами, да еще 4 особы, итого с детьми и слугами 28 человек; это составляет все население; однако кроме гарнизона, который втрое сильнее нас [123, 53-54].

В свою очередь, И. Раджицкий сообщал по впечатлениям лета 1823-го, что мебель в доме была простая, площадка — тесной, а вокруг нее вдобавок красовались шалаши для караульных из пехоты [61]. Генерал Раевский писал дочери:

Вот четвертый день, как мы здесь, милая Катенька; купаемся, и я немного пью воду. Здесь мы в лагере, как цыгане [...] 10 калмыцких кибиток, 30 солдат, 30 казаков, генерал Марков, сенатор Волконский, три гвардейских офицера и нынче приезжающий Карагеоргий составляют колонию [146, 525].

Кроме всего прочего, тут впечатляет весьма высокий социальный статус перечисленных особ, вынужденных претерпевать столь явные неудобства! И к концу следующего десятилетия здесь мало что изменилось. А. Розен писал тогда о своем пристанище в Железноводске (он поселился вместе с семьей):

Помещение там было тесное, в небольших домиках, в двух порядочных домах казенных у подошвы горы [...] Необходимую провизию доставляют колонисты из Шотландки² [...] Домик наш стоял на покатости горы подле небольшого ручья; однажды дождь полил как из ведра, так что вода протекла чрез фундамент по всем комнатам [152, 378-379].

Второй вариант устройства на площадке — решиться нанять кибитку. Во всяком случае, так поступили Пушкин и Раевские. — См.: [9, 21; 146, 525]. Этот путь расценивался как не самый лучший — в кибитке селились вроде бы только от безвыходности³... Сам Глинка писал: тот, кто не находил пристанища в доме, «разбивал

¹ О проблеме комфорта в те времена см. также в комм. 6.

² *Каррас*, см. комм. 6.

³ Но даже и это можно было считать удачей, потому что приезжие размещались и в шалашах из-за нехватки кибиток. — См.: [61].

палатку из войлока». Немецкий путешественник и по этому поводу вынес свой вердикт: «За Бештау [...] в лесу находится Железный источник, где существует только единственный жилой дом; поэтому гости живут в конических палатках, принадлежащих татарам и калмыкам [...] Никакой гостиницы здесь нет и необходимые удобства не обеспечиваются» [200, 106-107].

Что собою представляла тогда аутентичная калмыцкая кибитка, лаконично поведал Пушкин («Путешествие в Арзрум»): «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком)» [136, 643]¹. Александр Сергеевич настолько сжился с кибитками, что в набросках плана «Романа на Кавказских водах» не замедлил погрузить туда своего героя с любовным приключением:

Кавказские воды. [...] Якубович приезжает. Якубович *impatronisé*. Arrivée du véritable amant. Les femmes enchantées de lui. Soirées² в Калмыцкой кибитке.

Возникает вполне обоснованное подозрение: возможно, Пушкин и Раевские выбрали вольную жизнь в кибитке добровольно и осознанно, стремясь к экзотике и одновременно избегая скученности в доме для приезжих? И все же мы не знаем, воспользовались ли Глинка и его товарищи комнатами в доме, или довольствовались кибиткой. Хотя последнее, конечно, выглядит весьма романтично! Но и менее вероятно — все-таки кажется, что будь это так, то без упоминания в «Записках» не обошлось бы. Да и сами железнодорожные кибитки уже тогда воспринимались на Кавказских водах как некий анахронизм. Хотя Раджицкий упоминал о том, что и в Пятигорске в 1812 г. курортники жили в них³, а больных на гору, к источнику, заносили на руках [145, 404]. Но ко времени приезда Глинки они там уже вышли из употребления. Вообще же вся эта ситуация со стесненными жилищными обстоятельствами еще раз убеждает, что нет худа без добра. Во всяком случае, Розен высказывался по данному поводу вполне оптимистично: «По тесноте строений и по живительности воздуха, посетители по возможности бывают долее под открытым небом; возле меня, на берегу ручья, под деревом, собирался кружок каждый вечер, беседовали далеко за полночь» [152, 379].

¹ Привожу еще один вариант описания оттуда же: «...Пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестью, обтянутому белым войлоком, с отверстием вверх)» [136, 739].

² Становится своим человеком. Приезд настоящего любовника. Дамы от него в восторге. Вечера (франц.) [138].

³ В 1811 г. Главноуправляющий гражданской частью Кавказской губернии генерал А.П. Тормасов заключил с кочевыми калмыками договор о поставке в Пятигорск ежегодно до 45 войлочных кибиток для размещения лечущихся [54; 61].

А если добавить к этому иные элементы «бивуачной» романтики? К примеру, то, что «рядом с источниками и ваннами, огороженными хворостом, на кострах готовили пищу» [61]? Не от них ли по ночам «мелькали огоньки», которые видел Глинка, и вся площадка становилась похожей на «кочевье диких воинов»?

Романтическая картина будет не полной, если не вписать сюда густой широколиственный лес¹, затаившийся на склонах горы Железной и в окрестностях. Он состоял из самых разнообразных видов деревьев: дуб, бук, граб, ясень, клен, кизил, груша, лещина (орешник), ильм (вяз)², различные кустарники [27, 778; 66; 152, 379]. Лес был тогда по-настоящему диким. Правда, уже лет через пятнадцать А. Розен разгуливал здесь между источниками по широкой тропинке, но и он замечал: «Лесок в таком диком и заросшем состоянии, что трудно пройти по нему; к тому еще он и опасен от множества больших змей» [152, 379]. Кажется, здесь кое-что предвкусало впечатления Глинки, полученные на немецком курорте *Шлангенбад* в 1830 году. — См.: [177, 222-223]. Вдобавок, по словам Михаила Ивановича, «дикий виноградник оплетал целые купы кустарников и мелких деревьев». В те годы его не обошел вниманием и Лермонтов, вплетая лозы в уже знакомый нам пейзаж «между Железной и Змеиной»:

Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
(М.Ю. Лермонтов. *Измаил-бей*)

Но перейдем теперь к делам более приземленным. Сколько же стоило посетителю Железных вод пребывание в таких скромных условиях? По свидетельствам очевидцев, здешние цены буквально зашкаливали. Замечу, что Глинка попал сюда в самый пик курортного сезона — в июле месяце. И. Раджицкий, побывавший на этих водах в начале августа 1823 г., никого из посетителей уже не застал,

¹ Этот лес — достаточная редкость для природы Кавказских минеральных вод в целом. Энциклопедический словарь сообщал: «Несмотря на гористый характер, местность очень бедна лесами». И в ряду приятных исключений называл Железноводск. Еще в позапрошлом веке в лесу устроили «густой парк, составляющий часть леса, покрывающего Железную гору до самой ее вершины» [194, т. XXVA, 939, т. XIA, 767].

² С. Броневский относил «илим малорослый» (*Ulmus pumila*) к деревьям, распространенным по всему Пятигорью [21, 15]. О вязах Глинке еще доведется вспомнить почти через четверть века, в Испании, в парке Аранхуэса — См.: [175, 226-227].

но слышал, что еще «в конце июля вся площадка уставлена была кибитками и колясками; казенный дом и шалаши наполнялись приезжими» [61]. В такой скученности жил в том году и Глинка! При таком спросе и явной ограниченности предложения цены взвинчивались до предела. В 1823 г. брали по пять рублей в сутки с человека — что в казенном доме, что в шалаше [61]. В 1828 г. «за одну комнату требовали без торгу 10 руб. в сутки; хотя это и ужасно дорого, надобно было согласиться» [123, 53]. В самом начале тридцатых годов ничего не изменилось, и В. Броневский заметил: «На железных водах дороговизна сия отчасти отвращается номерами в казенном доме, по 5 рублей в сутки в наймы отдаваемыми; но при большом числе посетителей [...] последним приехавшим придется жить на биваках, в сквозной Калмыцкой кибитке¹, платя за оную от 4 до 8 руб. в сутки» [19, 40]. Таким образом, где бы вся компания ни остановилась, только за проживание одного Глинки пришлось выложить никак не меньше 35 рублей; а если платили по максимуму, то и всю сотню!

Что же до развлечений, то откуда ж им было взяться тогда на Железной горе? Разве что у костра посидеть с товарищами и побеседовать неспешно. Или относиться к происходящему с легкой иронией, как Раевский, написавший дочери о своем тамошнем времяпрепровождении: «Купаюсь три раза, ем один раз, играю в бостон, — вот физическое упражнение, а душою с вами» [146, 525]. Или снова, как и в Горячеводске, посмотреть на орлов², летающих прямо над головами. Как все-таки они привлекали Пушкина там же, на Кавказе! Оказываясь то где-то в безбрежной выси, то едва ли не под ногами — вот она, «вертикальная поясность» в поэтическом восприятии:

И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.
(А.С. Пушкин, *Обвал*)
Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
(А.С. Пушкин, *Кавказ*)³

¹ Из этого, между прочим, следует, что кибитки здесь все же продержались как минимум до 1831–32 гг.

² См. комм. 5.

³ Ср. у Лермонтова в поэме «Аул Бастунджи»: «И я глядел в восторге с высоты, / И подо мной, как остов великана, / В степи обросший мохом и травой, / Лежали горы грудой вековой» [79, 314].

У ног его дымились тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались [...]
(А.С. Пушкин. Кавказский пленник)

Где орлы, там и облака... Недаром Глинка так к месту вспомнил о туче, которая, налетев внезапно, покрыла всех на Железной горе густым туманом. И вновь ассоциация с пушкинской «вертикалью»:

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.
(А.С. Пушкин. Кавказ)

Вообще же клубящиеся облака были для Железных вод, да и вообще для кавказских курортов делом привычным и даже явлением символическим — не случайно Глинка фиксирует на них внимание. Нечаев тем же летом 1823-го замечал, что окрестные горы по большей части скрыты облаками, и лишь утром видны во всей своей красе:

Бешту, отстоящая от вод не более как в десяти верстах, нередко покрывается вся облаками, которые временем расстилаются по самым долинам. Остроконечные ее верхи особенное имеют привлечение для *сих воздушных странников* (Курсив мой. Примечательно, что лермонтовские «Тучки небесные, вечные странники» появились много позднее — в 1840 г.! — С.Т.). Кажется, они утомясь от дальнего пути, обнимают вершину ее влажными своими крылами, чтобы вкусить минутный отдых, или благотворною росой освежить ароматические ее растения. Иногда видите над ней облачную тиару, в другой раз дымчатый венец, или сотканный из туманов пояс. По разным сим убранствам жители довольно верно предсказывают перемену погоды [117, 28-29]¹.

¹ Научное объяснение этому метеорологическому явлению более чем за десять лет до путешествия Глинки попытался дать С. Броневский: «Бештовая гора, по причине всегдашнего пребывания вершины ее в атмосферических испарениях, есть совершенный барометр или указатель воздушных перемен для тамошних окрестностей. Как скоро в воздухе есть расположение к сырой погоде, она покрывается от вершины до подошвы облачною одеждою, или, как говорят черкесы, надевает на себя шапку. Когда же погода должна расчиститься, то спускаются облака, и тотчас вершина горы показывается светлее и явственнее» [21, 9].

Тем же летом очень похожая картина запомнилась Раджищскому:

Я увидел по вершине ее (Бештау. — С.Т.) стелющиеся белыми клубами густые облака, проникавшие между скалами; мешаясь с темной зеленью кустарника, они представляли необыкновенно живую картину, и за горою клубясь вверх, казались выходящими от земли [145, 402].

Вообще же в грезах романтически настроенных русских путешественников горы жили в тесном союзе с облаками¹:

Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков [...]
(А.С. Пушкин. *Кавказский пленник*)

Вид этих горных облаков будил фантазию и на Кислых водах; Бестужев-Марлинский писал:

Когда вихорь разносит пары, то при блеске лунном порою белеет Эльборус, спящий в лоне туч перед грозой [13, 259]².

И вот в творческом воображении происходит своеобразная инверсия, и уже сами горы трансформируются в облака, о чем и поведал Пушкин (1820 г.):

Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной [133, 17].

А у Лермонтова в дневнике Печорина облака ведут себя и вовсе как живые создания (правда, сюжет разворачивается в Пятигорске):

Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом него вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством [80, 82].

¹ Вот какой вид с дороги, ведущей на воды, открылся однажды одному из них через пять лет после поездки Глики: «Вершины снеговых гор обыкновенно сокрыты облаками; изредка некоторые снежные исполины высовывают белые свои головы над облаками. — По утрам, когда туманы [...] еще расстилаются по долинам, тогда Кавказ является взору в виде неизмеримой цепи высоких белых гор, образующих как бы зубчатую стену. Над горною стеною возвышается по правую сторону Эльборус» [123, 97-98].

² Впечатления современников Глики от кавказских облаков см. у того же Бестужева-Марлинского [13, 255-256], а также у Г. Геракова [35, 95-96].

Вообще же облака плотно заселили юношеские кавказские поэмы Лермонтова, и особенно — «Аул Бастунджи», действие которой протекает близ места, где позднее появился Пятигорск. Случайно или нет, но «Кавказский черт» — пародийный двойник лермонтовского Демона — рассуждает о тучах в сказке Саши Черного: «Гор наворочено до самого неба, а зачем неизвестно... Облака в рот лезут, сырость да серость, — из одного вылетишь, ныряй в другое» [155, 30].

А если серьезно, то неужели это горное ощущение высоты, вертикали не повлияло хоть как-то, пусть опосредованно, на будущие художественные замыслы Глинки? На музыкально-драматургические идеи, как бы поднывавшие над сюжетными коллизиями ввысь, под облака, на остановки-зависания, когда музыкальная мысль словно переходит в другие измерения — в «Руслане», к примеру (в песнях Баяна, в ариях Людмилы и Ратмира)¹? Небо-то в горах казалось ближе...

12. После нескольких ванн железной воды в 32 град[уса] по Реомюру я начал чувствовать себя дурно, а вскоре жестокие головные боли принудили меня, равно как и товарища, оставить эти воды.

Железноводские источники считались чрезвычайно полезными для «малокровных, выздоравливающих» [27, 781], поэтому и ехали к ним вслед за интенсивной, жесткой гидротерапией на Горячих водах. Только вот назвать Глинку «выздоровливающим» после пятигорских бальнеологических экспериментов язык едва ли повернется (см. комм. 10). «Железо и углекислота составляют два главных действующих начала» в источниках Железных вод, причем первое сказывается при внутреннем употреблении воды, а второе — при приеме ванн [194, т. ХІА, 767]. Эти воды отличаются красно-коричневым цветом — из-за содержания железа²; в их химическом составе обнаруживают, в частности, сходство с карлсбадскими и киссингенскими источниками [27, 781-782; 52, 38]. Надо сказать, что в немецком Киссингене Глинка побывал в 1847 году и, возможно, прошел там лечение. — См.: [177, 364-366], а также комм. 15.

Глинка называет температуру воды в единственно доступной ему железноводской ванне: 32° по Реомюру (что равно 40° С). И вновь не ошибается! Действительно, эти воды горячие: Г. Гераков указывал те же 32 градуса, что и Глинка, другой источник — температуру

¹ См. подробнее в статьях автора [172; 174], а также в I.

² Отсюда и произошло название курорта — Железноводск.

свыше 40° С (те же 32° Реом.), доктор Киммель в начале XIX в. — 34°, а К. Грум-Гржимайло в середине столетия назвал амплитуду 33 — 35° [35, 97; 52, 232; 66]. Вообще же высокая температура именно кавказских железных вод расценивалась как их несомненное преимущество, потому что вода в ваннах не нуждалась в предварительном подогреве. — См.: [194, т. ХІА, 767]¹.

Достаточно подробное описание места, где купался и Глинка², тем же летом составил И. Радожицкий. Источник был всего в три дюйма (примерно 7 см) ширины, вода текла по деревянному открытому желобу, а в двадцати метрах ниже находился водоем длиной несколько более 3-х метров, который, собственно, и использовался как лечебная ванна. Над нею был сооружен шалаш с камышовой крышей [61]. При необходимости здесь могли одновременно поместиться 4 — 6 человек. Как видим, ванна была уж слишком тесная, и вообще условия для бальнеологических процедур, назначенных Глинке, можно считать куда более примитивными и «первобытными», чем на Горячих водах.

О режиме пользования купальнями на Железных водах написал другой современник Глинки:

Ванны берут здесь так же, как и на горячих водах, одну поутру, другую после обеда. Но как железный источник дает весьма мало воды, то вода для каждого посетителя не переменяется, как в кисло-серной ванне на горячих водах. Вода течет здесь беспрерывно в ванну, а излишняя вытекает беспрерывно из оной. Употребление сих вод весьма приятно, как по их умеренной теплоте, так еще более потому, что они не производят пота, или по крайней мере такого неимоверного, как серные ванны.

Но, конечно же, и тут не обходилось без неприятностей — хотя бы и мелких:

Вода сия производит однако часто несварение желудка, почему отправляясь на оную, нужно запастись [...] слабительными пилюлями. Внутрь она вовсе не употребляется, потому что [...] имеет, может быть, какие-либо вредные здоровью составные части. За полный курс считают 20 ванн [123, 56-57]³.

¹ Здесь известны источники с водой разной температуры — горячей, теплой и холодной [66; 123, 56].

² Ванна тогда на все Железные воды была лишь одна. Теперь питавший ее источник (№ 1) называется *Лермонтовским*. Он расположен по адресу: ул. Лермонтова, 12 (неподалеку от санатория «Светлана») [66].

³ Грум-Гржимайло считал оптимальным количеством 20 — 30 ванн и рекомендовал принимать их дважды в день [52, 235-236]. То есть выходит примерно те же 10 — 15 дней на весь курс.

Заметим, что Глинка, по его словам, принял здесь лишь несколько ванн. Сейчас трудно точно установить, почему было решено прервать лечение железными водами. Но ясно одно: жалоб на головные боли тут явно недостаточно. Думаю, что на состояние здоровья Глинки подействовал целый комплекс причин. Хотя, казалось бы, многое на Железных водах должно было идти ему на пользу и было прямо показано. Здесь всегда успешно лечили болезни обмена веществ, в том числе *диатезы* (включая экссудативный), которыми он страдал. И злополучный *скрофулез*, т. е. *золотуху*, — тоже. И для лечения заболеваний *пищеварительных органов* и *печени*, которые дали о себе знать в жизни Глинки позднее (а кто знает, не начинались ли они еще в юности?) прекрасно подходили горячие железные воды. Их применяли и при болезнях *нервной системы*, которые беспокоили его с молодости [27, 781-782; 52, 236; 76; 95]¹. Кстати, по поводу последней группы недугов Т. Китанина обращается к замыслу пушкинского «Романа на Кавказских водах» и обнаруживает интереснейшую подробность: «У Пушкина врачи рекомендуют героине лечение железными водами, которые считались особенно эффективными для страдающих болезнями, вызванными нервными расстройствами» [69, 246]. И далее ссылается на наблюдения медиков пушкинской поры — П.Н. Савенко, который считал, что «железными теплыми водами уничтожается местное и общее расслабление нашего организма, зависящее от [...] душевных и телесных напряжений, от продолжительных нервных и других изнурительных болезней», а также А.П. Нелюбина, высказавшегося по поводу «*нервной слабости*» достаточно императивно: «Болезнь сия [...] требует исключительно употребления железных и углекислых минеральных вод»². Могу лишь добавить, что и некоторые другие современники Пушкина и Глинки настойчиво отмечали пользу Железных вод как средства против «нервной слабости», да и сами нервные расстройства Михаила Ивановича наверняка в то время величали именно так. Например, Н. Раевский писал дочери: «Железные воды делают чудеса во всяком роде расслабления, как и в том случае, в каком и ты, мой друг, находишься; я для тебя полную имею на них надежду» [146, 524]. Еще один пациент того же курорта констатировал: «Железные воды приносят величайшую пользу

¹ О болезнях Глинки см. в комм. 12 и в ч. II «Странствий Глинки» [177, 132-145].

² Савенко П.Н. Кавказские минеральные воды. С. 137—138 (книга имела в библиотеке Пушкина); Нелюбин А.П. Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. С. 556. — Приведено по: [69, 246].

расслабленным» [123, 56]. И не случайно, несмотря на все бытовые неудобства, И. Радожидкий в 1824 г. рекомендовал П. Свиньину перед поездкой к нарзану «предварительно [...] взять несколько ванн в теплой серножелезной воде, укрепляющей нервы» [144, 126]. А. Розен писал: «Железные воды чрезвычайно целебны и укрепляют нервы». Но при этом замечал не без раздражения: «Через несколько ванн, когда садился обедать, то казалось, что суп пахнет железом, хлеб железом, одним словом, всякое кушанье, а запах этот исходил из пор руки моей, когда подносил ко рту хлеб и кушанье» [152, 379]. Можно представить себе, как этот докучливый запах изводил «мимозного» Глинку, но с этим, в конце концов, можно бы и смириться, зато «нервная слабость» отступила бы!

Да и сам климат Железных вод, казалось, прямо благоприятствовал Глинке. Большая медицинская энциклопедия в свое время констатировала: «По своим природным данным Ж[елезноводск] представляет прекрасную горно-лесную климат[ическую] станцию для лета и начала осени», что и стало одним из факторов, создавшим ему «славу первоклассного курорта» [27, 778, 781]. Лето здесь умеренно жаркое, без дневной духоты и с прохладными ночами — ветры и зелень смягчают жару. Число солнечных часов достаточно велико. Горный воздух чист и прозрачен. При этом «конец лета и осень суше и теплее, чем весна и начало лета»¹. Вообще же климат Железных вод напоминает погоду средних Альп. — См.: [27, 778; 66; 194, т. XIA, 767].

Однако в местных климатических условиях кое-что настораживает тех, кто знаком с реакциями метеочувствительного Глинки. Во-первых, это нередкие здесь сильные ветры, подчас даже затрудняющие ходьбу; при этом западные приносят туманы, прохладу и дожди, а восточные — сушь и жару [27, 778; 194, т. XIA, 767]. Что вообще-то свидетельствует о переменчивости здешней погоды (фактор, всегда неблагоприятный для Михаила Ивановича). И ведь мы помним, как плохо ветер *сирокко*² в Венеции (1833 г.) влиял на самочувствие композитора [42, 258].

Во-вторых, энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон указывает на то, что «некоторые считают Ж[елезноводск] прямо сырой местностью», где «грозы с дождями довольно часты, но вода быстро стекает, и грязь держится недолго» [194, т. XIA, 767].

¹ Все здесь располагало к пешим прогулкам, которые так любил Глинка. А сильно пересеченная местность с различными перепадами высот и в наши дни дает хорошие возможности для устройства дорожек *терренкура* — лечения дозированными прогулками. — См.: [66].

² Глинка называет его *широкко*.

Последнее могло бы успокоить Глинку, но вот сырости он точно не выносил — да еще и в таких стесненных бытовых условиях, как на Железных водах!

Таким образом, железноводский климат мог прямо не подходить Глинке, хотя он ничего и не пишет по этому поводу в мемуарах. Однако было и еще одно обстоятельство, которое могло негативно сказаться на результатах здешнего лечения. Однажды В. Броневский совершенно негативно высказался о принятой тогда методе чередования кавказских вод (от горячих к железным, а потом к кислым). Подробно о ней речь уже шла в I и еще пойдет в комм. 15. А пока что обратим внимание на фразу, брошенную заслуженным генералом в полемическом запале: «Потом перевозят страдальца в Железноводск: там, начиная теплыми (водами. — С.Т.), кончают холодными» [19, 63]. Замечу, что холодные ванны здесь появились несколько позже, но теплые-то на поверку были весьма горячими, и их высокая температура нам уже известна. Не вышло ли так, что Глинка после пятигорских купаний просто не выдерживал очередной порции очень горячей воды и от этого «начал чувствовать себя дурно»? Или же такой способ самого чередования разных по составу вод был для его здоровья по каким-то причинам неприемлем? Во всяком случае, А. Розен предупреждал, что Железными водами «не должно пользоваться [...] без совета врача опытного», и жена его «не могла взять более пяти ванн, потому что слишком волновали кровь» [152, 379]. То есть, так же, как и Глинка, вынуждена была прервать курс лечения! Насчет советов опытного врача что-либо сказать затрудняюсь — вроде бы Л.П. Быковский старался лечить своих пациентов аккуратно. Но факт остается фактом — на этот раз предписанная бальнеотерапия подействовала негативно не только на Глинку, но уже и на его спутника — Н.И. Петровского-Муравского.

И в заключение об одном парадоксе в самочувствии Глинки на Железных водах. Дело в том, что тамошние источники издавна считались действенным средством от *мигрени* [194, т. XIA, 767], а все Кавказские минеральные воды — от различных по генезису головных болей [52, 63]. Но ведь именно жестокие головные боли, по словам Глинки, буквально вытолкнули и его самого, и Петровского-Муравского с этих вод! По мнению профессора Грум-Гржимайло, Железные воды действительно при определенных обстоятельствах могли вызывать такое недомогание [52, 58-59]. Но вот что удивительно. Именно через головные боли, возникшие от приема горячих ванн — правда, пятигорских, — шел к выздоровлению В. Броневский. Привожу фрагмент его исповеди, посвященной очередному чудесному исцелению:

Кавказская водица [...] принялась за голову — и привела меня в ужас. Набатный звон колоколов, кузница Вулкана, падение Ниагарского водопада, буря, вырывающая с корнем столетние дубы в дремучем бору, — не могли бы произвести такого шума, треска и тревоги, какие я почувствовал в голове моей, — и трепетал от страха, радовался от надежды. От нестерпимой боли я несколько дней не мог уснуть, но, полагая, что так действует Божия микстура, стиснув зубы, терпел и не жаловался, не вскрикнул ни одного раза. Боль в ушах, в голове и, по сочувствию, во всем теле утомила меня; я уснул; проснулся и вдруг слышу в другой комнате шелест шагов! Приподнимаю голову, прислушиваюсь, — и не знаю, как описать мою радость, мой восторг и глубокое чувство признательности к милосердию Всемогущего! Нарыв в ухе прорвался, — я ясно различаю, что говорят в другой комнате в полголоса [19, X].

Быть может, Глинка попросту не дождался на Железных водах своего счастья? Правда, глухота — в отличие от Броневского или Бетховена — ему никогда не угрожала...

13. Мы отправились в Кисловодск и, помнится, ехали с конвоем и пушкой, что объясняется тем, что в следующем 1824 году черкесы учинили сильное нападение и вырезали несколько близлежащих деревень.

Как мы уже знаем, Глинка и его спутники покинули Железные воды не позднее середины июля. Понятно, что не менее одного дня было потрачено на сборы в дорогу и, вероятно, на переезд обратно, в Горячеводск, — так вынуждены были тогда поступать посетители Минеральных вод, потому что регулярные конвои в Кисловодск снаряжались именно оттуда. Современник Глинки писал в 1828 г.: «Наконец я и на кислых водах. Пробыв [...] на железных, возвратился на горячие воды, и при первой оказии, как здесь говорится, отправился сюда» [123, 60]. Расстояние от Константиногорска (Горячих вод, будущего Пятигорска) до Кислых вод составляло 30 верст [129, 333], и дорога могла занять несколько часов. Возможно, еще день — два пришлось дожидаться оказии (см. ниже). Таким образом, весь этот громоздкий переезд происходил во второй декаде июля, вероятнее всего — в середине ее.

Путь, по которому тогда ехал Глинка, проходил по границе с черкесскими и абазинскими территориями, формально не подконтрольными центральным властям. Путешественник сообщал: «Вся эта дорога подвержена несколько опасности со стороны

горцев, потому что простирается сначала вдоль *Подкумки*¹, которая составляет границу, а по переправе чрез нее, в самой земле горцев, где также и самые кислые воды находятся» [123, 61]². Известно, что эта старая дорога была столь же живописна и интересна, сколь и не обустроена. Она шла вверх по течению р. Подкумок, по ее левому берегу, а затем отходила от Подкумка и шла вверх вдоль его притока Берёзовки (Улькуша), вплоть до слияния с ним р. Ольховки. Весь путь был проложен среди высоких гор, по ущельям, и был очень узким, потому что местами вился по скалистому склону, прямо над пропастью³. Переправа через Подкумок за 7 верст до Кисловодска (уже в Кисловодской котловине) считалась трудной и опасной, особенно в дождливую погоду и при половодье. Речку с очень быстрым течением переходили вброд. Правда, очевидец отмечал, что «для доставления возможности переходить здесь пешком, устроена была плотина, которая состояла из больших камней, положенных в корзины, сплетенные из прутьев и поставленные одна возле другой; но силою стремления воды корзины сии с тяжестью камней снесены и разбросаны» [115, 58]. А юному Глинке нужно было всему этому учиться — ведь ему еще предстояли сложные переправы через разлившиеся реки *Удай* на Украине и *Сегура* в Испании. — См.: [175, 410-411; 176, 57-58, 100-101].

Почему на дороге из Железноводска в Кисловодск предпринимались суровые военные предосторожности, читателю должно быть ясно из материалов об опасности черкесских набегов, представленных в главе I. Кстати, не случилось ли в этих местах то, что Пушкин в 1831 г. набросал в вариантах плана неосуществленного «Романа на Кавказских водах»? Вот один из них: «Кавказские воды [...] Толки, забавы, гуляния. — Нападение черкесов, enlèvement⁴». Или: «Во время переезда из Горячих на Холодные — Якубович enlève⁵

¹ р. *Подкумок*.

² Кислые воды располагались на абазинских землях, и В. Броневский замечал по этому поводу: «Горы сии некогда составляли границу между Кабардою и Абазиею, так что Кисловодск, в 40 верстах от Пятигорска находящийся, принадлежал к Абазии» [19, 35].

³ См.: [115, 55-56; 123, 61; 190]. По дороге путники могли осмотреть самую настоящую пещеру. Правда, Н. Нефедьев отозвался о ней с некоторой опаской: «На половине пути извозчик указал мне близ дороги в каменной горе пещеру; я приказал остановиться, подошел к узкому отверстию сей пещеры и даже спустился на несколько сажень во внутренность входа; но темнота, холод, и — должен признаться — страх встретиться с хозяевами, может быть не очень гостеприимными, убедили меня оставить дальнейшие изыскания» [115, 57].

⁴ похищение (*франц.*)

⁵ похищает (*франц.*)

— тот едет и спасает ее с одним Кунаком» [137, 769-770]. Следует принимать во внимание, что сюжет относится примерно к тем временам, когда Глинка был на Кавказе. О вполне кровавых намерениях черкесов относительно посетителей минеральных вод поэтическим слогом высказался и Илья Раджицкий, побывавший в тех местах в 1823 году:

За Подкумком, где Машука
Изливает воды серны,
Где аул был Дударука,
Поселилися неверны.
Там живут одни больные,
Не видать у них и пушки;
Видны арбы дорогие,
И красавицы марушки¹...

Глинка объясняет все предохранительные меры исключительно тем, что «в следующем 1824 году черкесы учинили сильное нападение и вырезали несколько близлежащих деревень». Однако об этом столкновении никаких сведений найти не удалось. Но зато именно год кавказского путешествия Глинки — 1823-й — выдался на редкость насыщенным происшествиями с набегами горцев, причем происходили они в непосредственной близости от района минеральных вод и как раз поздней весной, когда он туда ехал. Недаром В.А. Потто назвал одну из глав своего многотомного труда о Кавказской войне «*Тревоги 1823 года*»! Там он, в частности, писал, что стало известно «о намерениях черкесов большими массами ворваться в русские пределы и дотла опустошить пограничные земли». И действительно, «для правого фланга Кавказской линии 1823 год был годом тяжелых испытаний» [128, 449]. Вечером первого апреля горцы объявились на ставропольской дороге, у самой деревни Бешпагир (месяца на полтора позднее ее предстоит проехать и Глинке. — См. II), в ночь на Вербное воскресенье (15 апреля) устроили резню в Темижбекской станице [128, 451-452], а почти через месяц (14 мая) — уже большими силами — учинили настоящий погром в станице Крутлоеской, где девяносто жителей было убито и триста сорок два угнано в плен, а само селение сожжено. — См.: [30, 487-488; 128, 460]. Сразу же возникли панические слухи — впрочем, достаточно обоснованные:

¹ Поэма «Али-Кара-Мирза» [142, 11]. Следует напомнить, что автор в целом очень сочувственно относился к черкесам (см. I).

Стали говорить, что закубанцы¹ перешли границу [...] в разных местах большими партиями и даже с пушками, что одни из них заняли около Ставрополя деревни Каменноброды и Сенгилеевку, а другие уже [...] верстах в двадцати пяти от Георгиевска², — и все бежит перед ними [...], что донские казаки [...] ворочают назад всех едущих по дорогам из Ставрополя или Георгиевска [...] Георгиевск готовился к обороне; при въездах расположились караулы, казаки пошли в разъезды, орудия вывезены из парка и заряжены. С вечера и до полуночи жители всего города толпились перед крепостью, толкуя о нашествии черкесов. [...] Съезжавшиеся из России как раз в то время посетители минеральных вод говорили, что по Ставропольской дороге из всех деревень крестьяне разбежались [128, 456-457, 461].

Далее черкесы направились к Александрии, всего в двенадцати верстах от Георгиевска. Однако и здесь, и в других ключевых пунктах их ждал хорошо организованный отпор: «Как ни велика была захваченная главною партией черкесов добыча, потери, понесенные ею, были слишком значительны, чтобы не охладить рвения». Генерал *К.Ф. Сталь*³, командовавший всей операцией, как победитель, очень довольный, «весь в пыли, с красным, загорелым лицом» возвратился в Георгиевск 31 мая [128, 461]. Напомню, что, возможно, в этот день (или чуть раньше, либо немного позже) Глинка прибыл на Горячие воды (нельзя исключить и того, что во время триумфа боевого генерала он как раз и проезжал через Георгиевск). — См. II.

Загадкой остается то, почему Глинка даже вскользь не упомянул об этих событиях в «Записках» — при его-то памяти; и ведь он о них обязательно знал, мало того: они его, хотя бы и косвенно, но затронули! Может быть, все-таки за тридцать лет подзабыл? Или была еще какая-то, неизвестная нам причина? Кто знает...

Конечно, уже в начале 30-х годов В. Броневский мог нарисовать вполне оптимистическую картину безопасности Пятигорска:

Теперь нет уже ни малейшей опасности от набегов Горских хищников; они бродят по окрестностям и, скрываясь как тати в ущельях и по лесам, грабят, если удастся, проезжающих по дорогам. Приписанные к городу три Станицы с 700 линейных Казаков и батальон пехоты с 2 пушками, квартирующий в городе, для Черкесской конницы, храброй в разбойнических наездах и трусливой в битве для чести, — составляют оплот непреодолимый [19, 36-37].

¹ Здесь — черкесы.

² Этот город Глинка проследовал ближе к концу мая (см. II).

³ *Сталь Карл Федорович*, один из лучших генералов ермоловской поры на Кавказе.

Но все-таки тут идет речь об обстановке, сложившейся лет на 8 — 9 позже приезда Глинки¹, да и проезжих разбойники все равно продолжали потихоньку грабить, и по окрестным ущельям да лесам рыскали — а уж этих-то природных красот на пути в Кисловодск еще как хватало! Потому-то и строги были предосторожности, к которым прибегали в дороге. Их подробные описания оставили некоторые посетители вод. Вот одно из них, помогающее в деталях представить и непростые условия, в которых Глинка с товарищами по путешествию проследовали на Кислые воды:

Оказии [...] бывают два раза в неделю. Посетители вод, желающие отправиться на кислые воды, едут в назначенные для сего дни, по утру рано в *Константиногорскую крепость*, где выстроясь в линию, получают конвой, состоящий из 30, 40, и более казаков [...] Экипажи идут в один длинный ряд; пыль чрезвычайная. — Конвой [...] следует [...] в голове, по сторонам цуга и сзади оно. — По всей дороге находятся чрез 5 или 6 верст на возвышениях пикеты, кои при приближении цуга посылают к едущему в первом экипаже [...] казаков с рапортами о состоянии дороги. — Кое-где встречаются и пехотные отряды, рассылаемые для вящей безопасности посетителей; а на половине пути находится казачий пост², который сменяет конвой свежим, следующим уже до самых кислых вод [123, 60-61].

Очень похожую картину поездки под конвоем нарисовал и Илья Радожицкий летом 1823 года; его наблюдения изложены в статье В. Шкерина. Однако тут появляется и новый предмет — артиллерийское орудие, которым охрана усиливалась на полпути, у Ессентукского редута [190]. Н. Нефедьев в 1827 году вспоминал, насколько эта дорога была небезопасна еще пару лет назад (следует полагать, и во времена путешествия Глинки). Не забыл он и о пушке, и о сильном конвое пехоты [115, 56]. Правда, ни при Радожицком,

¹ Но и в 1823 году на местных дорогах наблюдалось некое затишье — правда, как показали события, обманчивое и временное. Возможно, все же позитивно сказались энергичные меры по обеспечению безопасности курортов, принятые генералом Ермоловым еще в 1822-м. — См.: [17; 145, 393-394]. И. Радожицкий, упоминая о казачьих кордонах по пути из Георгиевска на Горячие воды, написал: «Отсюда по дороге к водам стоят на холмах, по близости друг от друга, козачьи пикеты, в предосторожность от Ногайцов, живущих около Бештовых гор. Ныне большая часть посетителей ездят уже без конвоя; если и дают онный от Георгиевска значительным особам, то более для услуги и щегольства, нежели для безопасности» [145, 397]. Хотя тот же автор в том же году и замечал относительно той же дороги: «По ночам не позволяют никому ехать, и важные транспорты препровождаются с легким конвоем» [143, 360-361].

² От коменданта в Горячеводске получали специальный *билет* (пропуск), который предъявлялся на казачьем посту при переправе через Подкумок [115, 55, 57].

ни при Нефедьеве, ни при Глинке, тоже вспоминавшем о пушке, она не выстрелила ни разу — видимо, предназначалась главным образом для устрашения¹.

Правда, уже в следующем, 1824 году правила были несколько смягчены — устранили постоянные конвои (но пикеты, как и запрет передвигаться в темное время суток, оставили)². И спустя три года Н. Нефедьев путешествовал уже по новому регламенту:

Ныне благодаря действию Российского оружия, нет уже надобности в подобных мерах осторожности, и вместо того в назначенные для переездов с одних вод на другие два дня в неделю, выставляется по тракту цепь козачков. Стража сия располагается на высоких и острых, рассеянных возле дороги курганах, в таком расстоянии, что имеет в виду все дистанции от пикета до пикета. Солнечные лучи играют по холмам на светлом оружии и далеко приметный блеск удостоверяет хищников, что здесь готовы для них перуны [115, 56-57].

Другой путешественник в следующем году отправлялся в обратном направлении, из Кислых вод. Вдоволь насмотревшись на вытянувшийся по дороге длинный ряд экипажей и устав дожидаться конвоя, он и вовсе решил ехать самостоятельно, в сопровождении двух знакомых, следовавших его примеру. Чем и успокоил читающую публику:

Вы согласитесь после этого, что на водах вовсе не столь опасно, как обыкновенно полагают; да и вообще нападения от горцев случаются редко;

¹ Очень похожую картину в 1829 году наблюдал Пушкин — во время сбора и отправления каравана по Военно-Грузинской дороге. Только масштабы были побольше, а угрожавшие путешественникам опасности — реальнее. Хотя вскоре поэту вся эта экзотика приелась [136, 645].

² Этот порядок был дотошно регламентирован в «Объявлении», подписанном управлявшим Кавказской областью генералом князем Горчаковым, и прилагавшемся к «Временному наказу полицейских обязанностей местного начальства при Кавказских Минеральных Водах», составленному по инициативе генерала Ермолова. Содержание документа приводит в своей книге историк С. Недумов [114]. В частности, наказом предписывалось: «Для переезда от Горячих Вод к Кислым и обратно назначаются 3 дня в неделю: вторник, четверг и суббота, в которые воинскому местному начальству предписывается усугубить меры осторожности и усилить по дороге пикеты. Затем бывшее досель конвоирование уничтожается, а приглашаются г.г. посетители распоряжаться своим переездом так, чтобы непременно прибыть на место до снятия караулов, т. е., чтоб в оба пути выезжать с Ессентукского поста (находящегося на половине дороги) не позже, как за три часа до захождения солнца. Почему [...] и предписано строго постовому начальнику после означенного времени, без всякого различия лиц, никого с поста не выпускать до наступления ближайшего дня, назначенного к переезду. Мера сия, почитаясь единственно к предохранению проезжающих и сбережению конвойных казаков от совершенного истребления, будет исполняться в точности».

одно и то же происшествие рассказывают розно и делают, как и везде водится, из одного случая два, три и десять. Притом у страха глаза велики [123, 89].

Поразительно, но ровно так же циркулировали страхи вокруг разбойников на дорогах Испании в 40-е годы, и так же их опровергали то В. Боткин, то А. Дюма, а то и сам Глинка. — См.: [175]. А уж на Кавказе и подавно все должно было когда-нибудь успокоиться — недаром Пушкин пророчил в «Кавказском пленнике»: «*К ущельям, где гнездились вы, / Подъедет путник без боязни*» [134, 131]. Только ждать эту пору прекрасную оставалось еще ох как долго! Алармистский призыв по этому поводу в латентном виде содержится в «Черкесской песне» из «Кавказского пленника» Пушкина:

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

И повторяется в юношеской поэме Лермонтова «Черкесы»:

На холмах маяки блистают, —
Там стражи русские стоят,
Их копья острые блестят;
Друг друга громко окликают:
«*Не спи, казак, во тьме ночной*» [...]¹.

А почти сто лет спустя Саша Черный, пародируя в одной из «Солдатских сказок»² сюжет лермонтовского «Демона», написал:

Всхрапнули и дозорные, против дьявола никакой караул не устоит. А тут, братцы мои, с обоих флангов не то Чечня, не то осетины, — во тьме и пес не разберет, — пластунами подобрался, кинжалы в зубах, да как ахнут! «Халды-балды!..» [...] Лязг, свист, — где тыл, где фронт, где свои, где чужие — ничего неизвестно, потому сражение кавказское, никакого плана, одна резня [155, 33].

К счастью, увидеть какие-либо боевые стычки на Кавказе Глинке не привелось — во всяком случае, он ничего об этом не пишет.

¹ Курсив мой. — С.Т.

² «Кавказский черт».

14. *Местоположение Кисловодска веселее Пятигорска, но в мое время было там еще мало домов, а дерев вовсе не было. На плоских вершинах пригорков, расположенных грядами и весьма похожих на окружающие в Кастилии город В а л ь д о л и д р а г а т о с (п а р а м о с), густая ароматическая трава (в июле и августе, когда на равнинах все уже выгорело от зноя) возвышалась так, что покрывала коня с всадником до шапки.*

На Кислые воды Глинка и его товарищи по путешествию прибыли, вероятно, во второй декаде июля, скорей всего — ближе к ее середине или концу, и провели там примерно две, максимум три недели¹ (см. также комм. 5, 11, 13). Таким образом, они покинули Кисловодск в начале августа, вернулись в Горячеводск тем же путем (см. комм. 13) и, пробыв там, возможно, день — два², отправились в долгую дорогу домой, в Новоспасское (см. комм. 16).

Глинка сразу же замечает: «Местоположение Кисловодска веселее Пятигорска»³. Что же так порадовало его, уже повидавшего Машук и Бештау, побывавшего на живописнейшей Железной горе, в открывшемся здесь пейзаже? Наверное, очарование горной местности, заметный наблюдательному взгляду переход от предгорных районов Горячих и Железных вод к настоящему среднегорью. Дело в том, что Кисловодск расположился на внушительной высоте — 823 м над уровнем моря⁴, в возвышенной котловине («приятнейшей долине», по словам посетителя тех лет), окруженной со всех сторон горами, одна выше другой, в бассейне речек Ольховки (протекала слева от Кисловодской крепости) и Березовки⁵ (справа от крепости), впадающих в Подкумок [21, 35; 115, 59; 123, 61; 127, 704-705; 194, т. XV, 156]. А.Е. Розен восхищался кисловодскими видами через 15 лет после Глинки:

¹ Пушкин и Раевские в 1820 г. — и тоже во второй половине июля — задержались в Кисловодске приблизительно на две недели. См. письмо Н.Н. Раевского к дочери [146, 524]. На курс лечения нарзаном в середине позапрошлого века рекомендовалось отводить одну — три недели; при этом сезон здесь начинался в июле [52, 61].

² Во всяком случае, так поступили в свое время Пушкин и Раевский. — См.: [36, 6].

³ История Кисловодска началась в 1803 г., когда недалеко от источника кислых вод — нарзана — было сооружено военное укрепление, названное Кисловодской крепостью [20, 35-36; 66]. В 1812 г. здесь построены первые деревянные купальни и появились ванны каменной кладки, в 1813-м «обустроено место вокруг колодца с нарзаном», в 1819-м возведены первые казенные дома [54; 65, 349, 357; 127, 705]. Статус города окончательно закрепился за Кисловодском с 1830 года.

⁴ Когда курорт разросся, по сведениям за первую треть XX в., перепад высот был уже от 850 до 1000 м [127, 704].

⁵ Историческое местное название этой реки — Улькуш.

Там чудная местность, воздух живительный. Кисловодское ущелье представляет одну из прелестнейших картин: возвышенности тенистые, ручей с шумом падает с плиты на плиту, соединяется с другими ручьями и втекает в Подкумок, прорезывающий широкую долину [152, 380].

Именно об этих ручьях писал С. Нечаев в стихотворении «Воспоминания», посвященном В.Ф. Тимковскому, с которым Глинка, в свою очередь, познакомился в Горячеводске (см. комм. 7):

Один ручей, пробивший грудь твердынь,
Стремился с шумом за наядой
И эхо спящее по вздохам пробуждал;
Я понял эту грусть, и о любви бряцал
Улькуша страстного с застенчивой Кассадой¹ [116, 620]².

И все-таки, как ни радовал взор милый вид тогдашних Кислых вод, но во времена кавказской поездки Михаила Ивановича, по его словам, там «*дерев вовсе не было*». А ведь как хотелось бы, чтобы и юному Глинке явилась поистине идиллическая картина, представшая пред его современником Н. Нефедьевым всего лишь *четыре года спустя*:

Долина сия не обширна и превращается в прекрасный сад: по всему пространству ее рассажены деревья и цветы, расчищены и усыпаны песком дорожки, и чрез протекающую посредине речку устроены красивые мостики [115, 59].

Прямо по Маяковскому, пророчившему через сто лет и по поводу совсем другого места (промышленного Новокузнецка): «Через четыре года / здесь будет город-сад!». Однако вернемся в Кисловодск. Прошло еще лет десять, и Лермонтов в «Герое нашего времени» устами Печорина пропел ему замечательный дифирамб:

¹ Другие версии названий этих речек приводил С. Броневский в издании 1823 года — *Елкошу и Хозада* [20, 35].

² «Это относится к моему стихотворению “Ручей Улькуш”, где упоминается о слиянии сих двух речек в Нарзанской долине. Оно помещено было в Мнемозине и Вестнике Европы 1824 года» [116, 627]. — *Прим. С. Нечаева*. О стихотворении, упомянутом здесь Нечаевым, см. в статье В. Шкерина. Там же приведен и фрагмент авторского предисловия к этому сочинению: «На пределах Малой Абазии, в долине, защищённой неприступными бойницами природы, быстрый ручей Улькуш сливается с горной речкой Кассадой. С томным журчанием спешат они к реке Подкумку... Близ того места, где Улькуш и Кассада составляют один шумный ручей, истекает из недр земных тот славной целебной ключ, который от древних обитателей окрестной пустыни получил пышное, но достойное титул Нарзаны, то есть богатырского источника. Тонкая нить сей кислой воды, несколько сажений ниже, теряется в струях соединенных речек, но даёт им своё имя, и от того вся долина известна только под именем Нарзанской». — Приведено по: [190].

Вот уж три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гулянье. Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон; она давно уж одета и ждет условного знака; мы встречаемся, будто нечаянно, в саду, который от наших домов спускается к колодцу. Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом. Здешные жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука¹. И в самом деле, здесь все дышит уединением; здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, [...] и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок². С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лошину; по ней вьется пыльная дорога [80, 111].

Здесь направляем читателя к другой реминисценции — в мадридский парк *Буэн-рети́ро*, где находил уединение и, наверное, любил помечтать Глинка почти четверть века спустя³. Но парка-то на Кислых водах Глинка еще не застал — как, впрочем, и в Горячеводске! Его только начинали разбивать по берегам реки Ольховки, пока еще поросшим диким кустарником. Парк с одной стороны примыкал к источнику нарзана, а с другой открывался горным лугам. Первые деревья — липы и акации — были высажены, видимо, уже к осени. По распоряжению коменданта крепости генерала Энгельгардта работы вели нижние чины гарнизона. Однако замечу, что солдаты начали их производить не ранее 12 ноября, так как из биографического словаря узнаем, что *Г.-К.Р. (Е.Ф.) Энгельгардт* лишь тогда был назначен комендантом [153, т. XXIV, 253]⁴.

Надо сказать, что Глинка искал и находил своеобразную природную замену отсутствующему парку — прежде всего, в здешных окрестностях, столь необычных для жителя равнин. При этом на разных страницах «Записок» он пишет почти одно и то же о горных пейзажах, окружавших Кисловодск и кастильский *Вальядолид*,

¹ То есть в Пятигорске. О романах на водах см. подробно в I.

² Вспомним об Улькуше и Кассаде из стихотворения Нечаева, написанного за полтора десятилетия до лермонтовского романа!

³ См.: [175, 386-388]. О любви Глинки к садам и паркам мы уже неоднократно писали — см.: [175; 176]. Причем, вероятно, она сформировалась еще с детства — ведь в Новоспасском был чудесный сад, предмет особой гордости его отца, Ивана Николаевича. — См. подробно: [188, 44-45].

⁴ Проект обустройства парка составлен в 1823 г. братьями Бернардацци. О том, как и когда началась закладка парка, см.: [66; 74; 127, 705; 186].

где любил совершать конные прогулки по предместьям. — См.: [42, 322; 175, 60, 159]. Достаточно сравнить испанскую реминисценцию в комментируемом фрагменте с тем, что Глинка заметил позднее, путешествуя на Пиренеи: «На горах (*collines*), окружающих *V a l l a d o l i d*¹, вершины совершенно плоски (*paramos*) и покрыты ароматическими травами и растениями» [42, 322]. И действительно, местность в районе Кислых вод украшают куполовидные, стоящие отдельно одна от другой горы самых разнообразных форм, возвышающиеся над равниной и напоминающие «скалистый архипелаг» [87, 56; 19, 35], или же *paramos* Старой Кастилии! Н. Нефедьев, подобно Глинке, заметил эту особенность здешнего ландшафта: «Дикий обнаженный вид окружающих Кисловодскую равнину гор увеличивает вообще красоту сей долины» [115, 61]. Конечно, и Михаил Иванович не остался равнодушен к этому пейзажу! А Лермонтов в поэме «Черкесы» не без грусти созерцал те же горы:

Лишь на сухих скалах травую
Полночный ветер шевелит.

И здесь самое время поговорить о травах, ароматы которых заворовали юного Глинку на Кавказе, а потом — уже сорокалетнего композитора, в Испании. Это совсем не выглядит случайным, если вспомнить, что в годы учения Глинка, по его словам, страстно любил естественные науки, «еще до пансиона стал замечать дивное разнообразие естественных произведений» [42, 221], а в пансионские годы охотно и сполна отдавал должное ботанике, которую преподавал талантливейший ученый и педагог, очень любимый учениками, — Я.Г. Зембницкий². Среди беглых, «полусознательных» зарисовок Глинки, которые относят предположительно к 1839 — 1841 гг. [47, 197], рядом с листвою и деревьями можно заметить и наброски цветущих трав. — См.: [47, 184-185, рис. 4 — 7]. Степи, заросшие «густой, высокой ароматической травой», привлекли его внимание еще в мае, по пути на воды (см. комм. 4). А на испанских страницах «Записок» Глинка даже приводит названия тех трав, которые заметил в окрестностях Вальядолида: это *шалфей*, *лаванда* и некая *t o t i n o* [42, 322]. Однако я был очень удивлен, когда не обнаружил слова

¹ Вальядолид.

² С подачи Зембницкого юный Глинка, вероятно, прочитал и книги, по которым преподавал этот педагог: ботанику Ш.Ф. Бриссо-Мирбеля и рекомендованных для чтения «Трех ботаников» И. Мартынова [15, 318].

tomino в испанском языке. Зато в нем существуют названия *comino* (по-русски — *тмин*), а также *tomillo* — *тимьян*, или *чабрец*. Но в рукописи Глинки совершенно ясно читается *tomino* [40, л. 203 (23)], что затем упорно повторяется во всех изданиях «Записок»¹. Создается впечатление, что у композитора (вероятно, по недосмотру) вышел гибрид из двух испанских наименований — *comino* и *tomillo*. Особенно же интересно то, что как минимум две из трех «ароматических трав», перечисленных здесь Глинкой, преспокойно в диком виде произрастали и на Северном Кавказе. Так, С. Броневский отмечал, что там водился *шалфей сирийский*² [21, 21]; вообще же на Кавказе можно встретить самые разные виды этой целебной травы. Тут находится место даже загадочной *tomino*: какое из правильных написаний этого слова ни бери, выходит, что *тмин*³ растет вообще по всей Европе, а *тимьян*⁴ повсеместно встречается в горах и предгорьях Кавказа. Мало того: С. Броневский относил *богородскую траву* (*Thymus serpyllum*), то есть *тимьян ползучий*⁵, к травам, распространенным по всему Пятигорью [21, 16]. И только *лаванда* в диком виде на Кавказе не встречалась, но лишь специально культивируется; вряд ли Глинка ее мог там видеть.

Замечу, что все это разнотравье подле Кислых вод Глинка наблюдал, по его словам, «в июле и августе, когда на равнинах все уже выгорело» — вот еще одно преимущество климата горной местности, которое замечает приметливый к географии ученик К.И. Арсеньева! Напомню, что и Лермонтова, и его героя — Печорина очаровала в Кисловодске все та же «свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав» [80, 111]. А Розен писал о том же: «Свежесть трав так необыкновенна от влаги и от тени» [152, 380]. А травы эти были столь высоки, что, по словам Глинки, покрывали «коня с всадником до шапки». Чем, кстати, не подтверждение того, что уже здесь Глинка совершал так полюбоившиеся ему на долгие годы конные прогулки⁶? Лермонтов словами Печорина из дневника повествует о подобных ощущениях — правда, испытанных близ Пятигорска⁷:

¹ См., например, в издании Суворина: [41, 199].

² *Salvia syriaca*.

³ *Carum carvi* L. Одним из синонимов названия, как ни странно, тоже является *тимьян*.

⁴ Карликовый многолетний кустарник.

⁵ На Кавказе растет еще и *тимьян обыкновенный*, или *душистый* — *Thymus vulgaris* L. [194, т. XXXIII, 183].

⁶ См. также комм. 8.

⁷ О том, что и окрестности Пятигорска богаты травами, почти одновременно с наблюдениями Глинки писал немецкий путешественник Егер: «змеится Подкумок, прорываясь чрез травы и цветущие луга» [200, 106].

Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее [80, 85].

Уже в Кисловодске герой Лермонтова верхом, среди трав пробирался к месту дуэли с Грушницким:

Въехали в ущелье, по которому вилась дорога, ползаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем [80, 128].

Возвращаясь теперь к тому, чего еще недоставало Глинке на Кислых водах, напомним его слова: «*в мое время было там еще мало домов*». И действительно, Раджицкий в 1823 г. насчитал здесь только 30 домиков в солдатской слободке¹ — ниже крепости, у берега реки, где комнаты сдавались посетителям курорта; к ним нужно добавить несколько домов близ нарзанного источника, поставленных специально для сдачи курортникам [184]. Правда, как раз в 1823 году неподалеку от источника нарзана по проекту братьев Бернардацци был возведен дом А.Ф. Реброва — большое и красивое деревянное здание с оштукатуренными колоннами, впоследствии ставшее знаменитым в этих местах [66]². Однако вызывает большие сомнения, что этот дом уже был окончательно выстроен и полноценно функционировал ко времени приезда Глинки³. В целом же Горячеводск в то время был застроен куда лучше (см. комм. 5, 6). Зато цены на квартиры в Кисловодске превышали пятигорские, да и отыскать пригодное жилье Глинке и его товарищам было потруднее. В 1828 г. посетитель вод отмечал:

Квартиры здесь еще дороже, нежели на горячих водах. Сначала я и спутник мой [...] не могли нигде найти квартиры: все были заняты. Мы наняли потому большую русскую кибитку с деревянным полом, за которую платили четыре рубля в сутки, а чрез несколько дней отыскали небольшую лачужку о двух покоях, за которую платили по 10 руб. в сутки. Мы заняли задний покой, а в передний пустили еще двух посетителей; таким образом приходилось с каждого только по 2 руб. 50 коп. в сутки

¹ Именно на территории бывшей слободки, по нынешним улицам Подгорной и Кабардинской, сохранились редкие для Кисловодска дома, построенные в первые годы его существования; их мог видеть и Глинка. Позднее дома надстроили, но цокольные этажи остались еще с той давней поры [66].

² В 1829 г. здесь останавливался Пушкин, а в 1837 — Лермонтов.

³ Следует назвать и небольшой турлучный дом под камышовой крышей, принадлежавший генеральше Е.А. Хастатовой (родной сестре бабки М.Ю. Лермонтова, Е.А. Арсеньевой). Здесь будущий поэт останавливался еще одиннадцатилетним мальчиком, в 1825 г. [66; 184].

[...] Насчет своей домашней жизни я не совсем доволен. Заднюю комнату занимаю я и какой-то губернский чиновник, переднюю старинный кавалерист и почтмейстер. Оба страдают почечуем [123, 62-63, 65].

О той же дороговизне писал и В. Броневский тремя годами позже: «В Кисловодске за две или три комнатки платится за 10 дней то же, что в Пятигорске за весь курс» [19, 40]. Количество посетителей было велико и лавинообразно нарастало с каждым годом [123, 74]. А это увеличивало дефицит жилых помещений¹. Поэтому тот, кому не доставалось квартиры, нанимал кибитку:

Все почти жилые дома и кибитки, в коих помещаются посетители, находятся в долине по одну сторону реки; а кислый источник, ванны [...] на другой стороне реки. Зелень, окружающая кибитки, чистый воздух, лежащая пред нами река, с миниатюрным мостиком, делают пребывание в оных весьма приятным; но как в них днем душно, а ночью холодно, то они вообще вредны здоровью [123, 61-62].

Ни музыковеды, ни местные краеведы пока что не выяснили, где конкретно Глинка и его спутники нашли пристанище на Кислых водах. И все же следует полагать, что они были избавлены здесь как от радостей кибитки, так и от крайне стесненных условий в квартире, снятой наспех. Скорей всего, вся компания позаботилась о пристойном жилье заранее — конечно, с учетом той степени комфорта, которую в те времена вообще мог предложить Кисловодск.

Но, несмотря на всю эту бытовую неустроенность, создается впечатление, что не только «местоположение Кисловодска», но и вся курортная жизнь здесь была повеселее, чем в Пятигорске. Ведь Кислые воды слыли своеобразной заключительной точкой рекреации в курортном цикле, предлагавшемся тогда на кавказских минеральных водах, — после трудных водных процедур на Горячих и Железных².

¹ За четыре года после приезда Глинки дело не слишком продвинулось, и Н. Нефедьев писал о выходе, который находили курортники: «За горою скрывается маленькая крепостца с земляным валом и селение, обитаемое семействами солдат; дома их нанимаются приезжающими, ибо собственно для сего находится при самых водах не более осьми домов, из которых наилучшие и удобнейшие принадлежат Г. Реброву» [115, 61-62]. Уже в начале тридцатых годов А. Розен замечал на этот счет: «Далее в стороне от ущелья тянется в одну линию слобода, где всякая конурка, всякий чердак заняты посетителями» [152, 380]. Интересно, что жалобы на дороговизну здешней жизни продолжались и на пороге XX в. [194, т. XV, 157].

² В частности, словарь Брокгауз — Ефрон сообщал, что «К[исловодск] представляет прекрасное место для так называемого последовательного лечения (Nachcur), в дополнение к специальному лечению на других группах, в особенности [...] Пятигорской» [194, т. XV, 157]. См. также I.

Поэтому ехали сюда даже не столько лечиться (хотя и это, конечно, не упускали из виду, что видно на примере Глинки), сколько развлечься [65, 348; 66]. Вот и пестрят весельем наблюдения посетителей Кисловодска первых десятилетий его существования как курорта. Один из них с удовольствием замечал, что «на здешних водах несравненно веселее, нежели на горячих» [123, 65]. Другой констатировал: «Мы живем здесь весело» [26, 66]. Третий (генерал Раевский) обещал дочери, что примет «заблаговременно все меры для приятности жизни», и тут, «кроме пользы здоровья, верно будет весело» [146, 524]. Да и отчего бы не веселиться, если, по наблюдениям одного из первых посетителей, «здесь сцена переменяется», и «те же самые люди, кои едва двигались на водах теплых, чрез несколько времени по прибытии сюда бегают в запуски, взбираются без отдыха на крутизны гор, кушают за четверых — и всякий готов записаться в рыцари» [26, 66]. Последнее замечание заслуживает особого внимания (см. I), и не случайно другой курортник в те времена считал, что на кислых водах «сношения между водопосетителями несравненно обширнее», чем на горячих [123, 85].

Таким образом, Глинка попал в круговорот бурной курортной жизни и самых разнообразных впечатлений. Всего лишь через пять лет после его приезда, по свидетельству очевидца, по утрам и вечерам городок и окрестности наполнялись прогуливающимися, при этом дамы и молодежь являлись в щегольских нарядах [123, 65]. Но и за восемь лет до Глинки здесь «всякой день [...] гулянье, бостон¹; иногда случаются парадные обеды [...], ужины — формальный бал» [26, 66]. Нередко посетители вод сами себе устраивали экскурсии по окрестностям и пикники с «завтраком на траве» — и, бывало, дивились тому, как набрались сил и посвежели. Приведу лишь одно свидетельство за 1815 год:

Иногда, собравшись партией, ездим или на охоту, или осматривать достопамятные места в окрестностях здешних. Вчера, например, мы сделали одно из путешествий самых приятных: мы ездили осматривать положение древней крепости Бургусант², верстах в 20 от кислых вод. Сенатор [...] с дамами семейства своего, находясь в голове колонны нашей, располагал маршем, и ехал, по слабости здоровья, на дрожках; между тем дамы — поверите ли этому? — невзирая на чрезвычайный жар, имели бодрость свершить весь вояж верхом! [...] Мы увидели перед собой крутую, ужасную гору — и, оставя лошадей, большею частию пустились пешком; это однако ж не испугало наших дам. С большим трудом могли мы отыскать маленькую

¹ Здесь — название карточной игры.

² Боргустан, на горе того же имени.

в утесах тропинку, к вершине ведущую; с чрезвычайным утомлением взобрались на плоскость, коронующую это неприступное положение. [...] Налюбовавшись живописными видами с высот Бургусантских, кое-как спустились мы обратно вниз. В некотором расстоянии отсюда, на берегу шумящего Подкумка, под раскинутым наметом ожидал нас почтенный Сенатор с гостеприимством, ему свойственным. Мы возлегли на бархатной мураве вокруг разостланных скатертей. Какая блаженная минута, когда после чрезвычайной усталости, отдыхая под тению в кругу приятной беседы, и чувствуя притом добрый аппетит, находишь перед собою роскошную трапезу!.. Даже Князья Черкесские и Калмыцкие, нас провожавшие, оставя обыкновенную угрюмость свою, развеселились с нами. На возвратном пути в кисловодской стане мы забавлялись зрелищем, и участвовали в военных забавах нашей эскорты [26, 66-68].

Как раз в 1823 году центром притяжения посетителей Кислых вод стала только что построенная Ресторация¹. Ее обустройство регулировалось Предписанием генерала Ермолова генерал-майору Сталю от 11 марта 1823 г., причем был обозначен и достаточно жесткий срок окончания работ — «к первым числам июля» [130, 624-625]. Из чего, между прочим, следует, что Глинка мог быть в числе первых посетителей Ресторации. Документ, в частности, вменял местным властям: «Прежде нежели [...] могут быть возведены прочные здания при Минеральных водах, нет места, где бы посетителям можно было доставить какое-либо увеселение, что в особенности необходимо при Кислых водах, и потому прошу [...] вновь прибывшим из С.-Петербурга архитекторам (братьям Бернардацци. — С.Т.) поручить по приложенному [...] чертежу произвести временное строение для ресторации». Здание следовало построить деревянное, оштукатуренное и обставить его простой, но хорошей мебелью [130, 624-625]. Этот деревянный двухэтажный дом, расположившийся на вершине холма над нарзаным источником, по свидетельствам современников, мог бы украсить лучший из городов; здесь были и гостиничные номера², и буфет, и зал для балов и выступлений артистов-гастролеров³. «В этом-то доме подкрепленные действием вод больные веселятся и танцуют!», — радовался жизни Н. Нефедьев, дополняя эту мысль тем, что «в числе посетителей и посетительниц бывают большею частию молодые люди» [115, 61]. Следы их пребывания ощущал и Печорин: «В ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей

¹ Дом Благородного собрания [80, 118; 115, 60-61].

² Летом 1829 г. тут жил А.С. Пушкин.

³ См.: [54; 74; 115, 60-61; 152, 380; 160, 304]. Здание просуществовало до 1844 г.

квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздается до поздней ночи» [80, 111]. Обратим внимание на примечательную деталь. Ермолов настоятельно рекомендовал относительно нового строения, чтобы «*в нем одна большая комната сделана для танцевания*» [130, 624], и это, конечно, было исполнено архитекторами и строителями с точностью. Вообще-то музыки и танцев на Кислых водах хватало и до возведения ресторации: еще в 1815 г. очевидец отмечал, что здесь они «*всякой день*» [26, 66]. С ее открытием традиция только укрепилась, и уже в 1828 г. посетитель вод писал, что «*вечером играет часто полковая музыка и бывают даже танцы*» [123, 65]. А однажды, 22 августа 1832 г., по воспоминаниям В. Броневского, состоялся блистательный праздник «*каких здесь еще не бывало*»; на нем, в частности, «*разыгрывали прекрасный полонез с хором, сочиненный известным композитором [...] г-ном Алябьевым*» [19, 93-94]¹. Замечу, что на танцах Глинка, при его любви к этому занятию и уже сформировавшихся навыках, конечно, мог развернуться (см. комм. 6)! Но вот сколько-нибудь запоминающихся музыкальных впечатлений, видимо, не осталось: чем тогда объяснить его молчание по этому поводу в «Записках»?

Среди других развлечений на Кислых водах были популярны цирковые артисты — прямо как на советских курортах середины XX века. П. Свиньин писал оттуда летом 1825 года:

Вдобавок к веселостям [...], прибыл туда на днях искусник и вольтижер Финарди, с своею труппою, и тут всего более забавляет публику — удивление, производимое над Черкесами ловкостью его штук (особенно на лошадях). — Черкесы до того изумлены от Финарди, что почитают его *серьезно* сверхъестественным человеком, особенно потому, что все трудности верховой езды, кои известны были одним здесь наездникам, у него делаются — ребятами. Черкесы, весьма скупые на деньги — платят ему с удовольствием по 2 рубля за вход [156, 252-253].

Цирк не покидал Кисловодска и позднее, а с годами, видимо, превращался в местную привычку, которая коснулась и высшего света. Об этом напомнил Лермонтов в дневнике Печорина:

Вчера приехал сюда фокусник *Апфельбаум*. На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что [...] удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера,

¹ А. Алябьев как раз в то время был на водах.

в зале Благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной. Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ее больна, взяла для себя билет [80, 118-119].

Вообще же Глинка, давая оценку Кисловодску, каким увидел его в юные годы, не всегда был вполне единодушен со своими современниками. «Жаль, что здесь так дико и пусто», — писал один из них, посетивший те места в двадцатые годы, причем позднее Глинка [123, 74]. Но Глинке-то как раз вид Пятигорска показался диковатым, а на Кислых водах было все-таки повеселее. Вдобавок тот же современник дополнял свой критический взгляд пожеланием, которое едва ли могло прийти Михаилу Ивановичу по душе: «Если бы окрестности очистились от хищников¹, а на водах поселились бы немецкие колонисты, то пребывание на оных было бы несравненно приятнее» [123, 74]. Правда, в эту заочную дискуссию можно включить и природного немца Б. Егера, который в те же 20-е годы, словно полемизируя с предыдущим автором, сравнивал Кислые воды с Железными и приходил к совершенно определенному выводу в пользу первых: «В любом случае лучше выглядят Кислые воды», где «несколько жилых домов с хорошо устроенной гостиницей построены в прекрасной небольшой долине», а в окрестностях есть «несколько цветущих долин и каньоны, через которые катятся небольшие горные ручьи» [200, 107].

Возможно, реалистичнее всех взвесил перспективы Кислых вод С. Броневский еще в 1810 году:

Дознанная от кислых вод польза заставляет сожалеть, что они еще не в такой славе в России, как того заслуживают. Кажется, что отдаление места не столько тому препятствует, как недостаток в жизненных потребностях, в покое и других выгодах, которые для больных составляют первый шаг к выздоровлению. Однако надеяться должно, что сии воды со временем предпочтены будут многим подобного рода водам, известным в Европе, представляя неоцененную выгоду производить попеременно разные системы лечения, кислыми водами и серными горячими водами, отстоящими оттуда в 35 верстах [21, 37].

Однако повидать своими глазами эту эволюцию Глинке не довелось, и он мог узнавать о ней только из публикаций и рассказов очевидцев.

¹ Автор, как, впрочем, и многие писавшие тогда о Кавказе, называет так горцев-разбойников.

15. И здесь надлежало пить воду и купаться в *нарзан*е (8 град[усов] по Реомюру), — и здесь дело шло столь же неудачно, как и на железных водах. Вскоре я почувствовал лишение сна и аппетита, и доктор Быковский сам убедился, что мне *нарзан* вреден, и, чтобы исправить расстроенный желудок, пользовал меня (не без успеха) горькими, настоянными в вине, травами. Сон же не мог так скоро возвратиться, отчасти оттого, что нелегко успокоить однажды раздраженные нервы, а также и от земляных блох, которые по ночам не давали мне возможности сомкнуть глаз.

Чудодейственный *нарзан* безусловно стал одним из символов бурной эпохи обустройства на Кавказских минеральных водах. В каждом пользователе еще был жив дух первооткрывателя, и многие шли в отношении *богатырской воды*¹ на личные «рекорды». Например, Н. Нефедьев по слухам знал, что «кислую воду пьют вдрут по 12 стаканов, не чувствуя ни мало отягощения». Проведя в Кисловодске лишь часа четыре, он поставил эксперимент над собой и умудрился осушить все 20 стаканов без каких-либо вредных последствий [115, 62]. П. Свинын летом 1825 года с восторгом писал о собственном подвиге: «Я расстался вчерашний день с *Нарзаном*, и признаюсь, распрощался с ним самым нежным образом — просидел в восхитительных струях его более 10 минут, что доселе вряд ли кто другой выдержал, не столько от холоду, увеличивающегося по мере внешнего жара, сколько от силы газа, бьющего по поверхности ванны пузырьками, как шампанское, на четверть и более² в вышину, и производящих приятное щекотание» [156, 250-251]. А вот А.С. Пушкин в 1829 г. проявил большую умеренность и, в общем, не выходил за рамки врачебных ограничений³: за период с 21 августа по 6 сентября (несколько более двух недель) он принял 19 ванн, причем вначале и под конец курса — по одной в день, а в разгар лечения — по две⁴.

Все ждали от чуда-воды чудес исцеления. Эффект был менее фантастическим и легендарным, чем на Горячих водах (см. комм. 10), но зато и более наглядным. А. Розен, в свое время хорошо изучивший кавказские воды, писал:

¹ Русский перевод черкесского слова *нарзан*.

² Около 20 см (1 аршин = 4 четверти = 0,7112 м).

³ О рекомендациях в отношении количества *нарзанных* ванн см.: [52, 241].

⁴ Л. Черейский, приводя эти данные, ссылался на «Журнал принимаемым ежедневно гг. посетителями ваннам, подогреваемым из кислой минеральной воды в продолжение курса 1829 года» [186].

Большую часть больных, встреченных мною в Пятигорске с бледными лицами, двигавшихся едва с помощью палки, видел я под конец курса в Кисловодске со свежестью и с румянцем на лице, бойких во всех движениях; малосильные стали богатырями. Кто пил нарзан несколько недель сряду, тому трудно расставаться с ним. Отъезжающие наполняют им кувшины и возят с собою сколько возможно, а когда допьют последний, то грусть, тоска непобедимая исторгает [...] вздохи, как разлука с другом [152, 380].

А П. Свиньин, вспоминая летом 1825-го о богатырских водах, становился и вовсе сентиментальным:

Вздыхая о Нарзане; [...] с восхищением вспоминаю те наслаждения, кои доставлял он мне в продолжение двух недель, проведенных мною в Кисловодске. Но нет слов, нет выражений к описанию сих вод: выходя из них, чувствуешь не только необыкновенную бодрость, легкость, но приятнейшее расположение духа, — чувствуешь счастье! И так воды сии действуют не только на физический состав человека, но и на дух его. Это всего разительнее заметно с больными, приезжающими сюда с горячих вод: пасмурные лица начинают мало помалу улыбаться, тусклые взоры проясняться, слабые ноги — укрепляться и быстро двигаться [156, 251].

И ведь Раджицкий, словно предвкушая такой замечательный эффект вслед за лечением серно-горячими водами, писал Свиньину еще под Новый год:

В Кисловодске Вы можете напиться богатырской воды Нарзана, сколько угодно, и купаться в углекислом газе, как говорится, по уши: эта животворная вода освежит Вас и прибодрит лучше всяких пастилей и шоколада [144, 126].

Правда, с Глинкой, который тоже начал лечиться нарзаном вскоре после Горячих вод, описанная метаморфоза так и не произошла. Что чувствуется в грустном тоне его повествования; едва ли ему было до улыбок и в разгар лечения, и вскоре после него. Но об этом позже. А пока заметим, что даже сам вид «кипящего» нарзанного источника¹ вызывал у посетителей вод прилив бодрости и, весьма вероятно, мог

¹ Словарь Брокгауз — Ефрон приводил такие общие сведения: «Нарзан [...] — минеральный источник в Кисловодске, пользующийся известностью благодаря обильному содержанию свободной нерастворенной угольной кислоты. Источник течет по [...] трещине в [...] доломите и у выхода его из последней выбрасывается отдельными грифонами. [...] Вода, размыв наносные поверхностные слои гравия, песка, черной глины и др., образовала глубокую выемку в почве» [194, т. XXА, 566]. Источник располагался на расстоянии полукилометра от Кисловодской крепости [52, 238]. Еще в середине XIX века в литературе отмечалось сходство нарзана с киссингенской водой (Бавария) [52, 38]. Напомню, что Глинка в 1847 г., возможно, принял в Киссингене курс водолечения. — См.: [177, 364-366], а также комм. 12.

очень заинтересовать Глинку — как и многих его современников. Вот как поэтично описал дислокацию целебного ключа и его устройство Н. Нефедьев всего через четыре года после того, как тут побывал Михаил Иванович¹:

Самый источник кислых вод, *Нарзаном* называемый, является на правой стороне [...] речки, на гладкой площадке, в виде колодца длиною более сажени (двух метров. — С.Т.), шириною же несколько менее, с деревянным обрубом и перилами. Вода в нем от поверхности земли не далее четверти аршина (около 18 см. — С.Т.) и представляет чудеса, каких надобно было искать только в местах далеких, диких и ужасных: она кипит неизъяснимым образом и в сем отношении превосходнее Шампанского. В близком расстоянии от источника, в особых зданиях помещены ванны, куда проведена вода посредством подземных труб [115, 59-60].

И другой современник — тогда же и о том же:

Вода находится в продолговатом колодце; поверхность кипит и покрыта пеною. Вкус воды довольно приятный, так что ее можно сравнять, если не с шампанским, то по крайней мере с нашими кислыми щами. Потому-то, без сомнения, и находит она столько охотников [123, 63-64].

Много в жизни повидавший А. Розен не переставал удивляться бурной жизни нарзана: «Ключ кипит в полном смысле слова, выбивает белую пену, клубится, подымает воду на полсажени глубиною» [152, 380]. Почти то же впечатление — и в академическом описании профессора Грум-Гржимайло: «Поверхность воды в источнике в непрерывном кипении от исторгающегося из дна углекислого газа. [...] Вода в источнике чиста, прозрачна, имеет приятный, освежающий, кисловатый [...] вкус, отзывающийся железом» [52, 238].

Лечебное действие нарзана по многим параметрам вроде бы подходило Глинке, и поначалу кажется странным, что позитивный эффект, по его словам, так и не был достигнут. Эта вода употреблялась для питья²

¹ Следует полагать, что уже к приезду Глинки питьевой источник был оборудован для удобства курортников. Во всяком случае, летом 1822 г. врачи предлагали генералу Ермолову «сделать над колодцем навес, дабы сохранить удобность воды к внутреннему употреблению также в ненастное время» [149, 620].

² Вот как описал эту процедуру посетитель Кислых вод в 1828 г.: «Для внутренне-го употребления воды надобно запастись стаканом, который привязывают к палочке, так чтобы он висел на аршин от оной. [...] Это делается с некоторою роскошью, именно: зачерпнув стакан воды, пьют одну только пену, а остальную воду выливают в чаны, поставленные у источника. [...] Спив таким образом с двух или трех стаканов пену, прохаживаются по бульвару минут десять, и пьют опять воду, и опять прогуливаются, что продолжают иногда раз по двенадцати или лучше сказать до тех

и для приема ванн¹. Нарзан назначался как средство от *нервных болезней* — «лицам с вялой деятельностью нервной системы, ослабленным более или менее продолжительным лечением горячими ваннами»; при неврастении, неврозах, нервном переутомлении, хронических невралгиях и соляритах [95; 127, 709; 194, т. ХХА, 567]. Еще в середине XIX века Грум-Гржимайло рассматривал действие нарзана как укрепляющее, возбуждающее, успокаивающее: он укреплял нервную систему, был полезен при лечении ипохондрии (как, впрочем, и другие кавказские воды), придавал мышцам крепость и силу [52, 239-240, 242, 263]. Кроме того, по сведениям С. Броневского за 1810 год, кислые воды при внутреннем употреблении «чистят и крепят желудок, расслабленных приводят в бодрость, рождают чрезвычайный позыв на пищу» [21, 36]. Нарзанными ваннами лечили множество *кожных болезней* — в частности, вяло заживающие язвы и хронические сыпи, экзему, а также *диатезы* [127, 709; 194, т. ХХА, 567]. И, что для нас немаловажно, — *золотуху*, после терапии на других курортах Кавказских минеральных вод, для устранения слабости в организме [52, 246]. Нетрудно убедиться в том, что лечение нарзаном было прямо показано Глинке.

Да и климат Кисловодска — здоровый, умеренный, мягкий и словно дышащий воздухом горной местности² — должен бы вполне подходить

пор, что вода начнет действовать [...] Удивительно, что кислая вода, употребляемая в весьма большом количестве внутрь, не токмо не ослабляет, но даже укрепляет желудок» [123, 63-65]. Розен отмечал, что «вода эта живит, подкрепляет, возбуждает аппетит, пьют ее по шестнадцать стаканов в день, не ощущая никакого отягощения в желудке» [152, 380]. Правда, врачи призывали не увлекаться и пить нарзан в количестве от полустакана (120—240 грамм) до шести стаканов в день. — См.: [65, 358]. Отмечу, что и здесь Пушкин дисциплинированно следовал врачебным рекомендациям: летом 1829 года он пил за день по несколько стаканов [186].

¹ Терапевтические механизмы действия нарзанных вод описаны в энциклопедических словарях. Там, в частности, сказано, что нарзан «употребляется *внутрь* как освежающий, слегка возбуждающий и умеряющий жажду напиток», для улучшения перистальтики желудочно-кишечного тракта и секреторной деятельности пищеварительных желез и слизистых оболочек. Но чаще используется в виде углекислых ванн, где «вода, насыщенная углекислым газом, раздражает чувствительные нервы кожи, вызывает усиленный прилив крови к последней (кожа становится красной) и при продолжительном действии притупляет кожную чувствительность». В результате «через 1—11/2 минуты наступает активная гиперемия кожи, улучшается венозное кровообращение; [...] кровяное давление [...] повышается», а у гипертоников — падает; пульс замедляется. Дыхание в ванне становится более глубоким и размеренным. Все это в совокупности оказывает благотворное влияние на центральную нервную систему, значительно повышая ее возбудимость [127, 706; 194, т. ХХА, 567].

² См.: [52, 238; 127, 706; 194, т. XV, 157]. Правда, несколько испортить настроение Глинке могли дожди, которые выпадают здесь нередко [194, т. XV, 157], — но в «Записках» он на них не жалуется.

капризному к погоде Глинке. Как, впрочем, и его современникам. А. Розен вспоминал, как, встретив однажды на Кислых водах своего батальонного командира, жившего там постоянно, «увидев его детей, отличающихся красотой и свежестью», заметил ему, что это следствие действия нарзана. Офицер же отвечал: «Напротив того, [...] ни я, ни дети мои решительно никогда не пьем этой воды, но воздух и местность Кисловодска, верно, к тому содействовали» [152, 380].

Мягкий климат и рельеф местности делали Кисловодск замечательным местом для пеших прогулок, которые так любил Глинка. Недаром еще за год с лишним до путешествия он писал родителям относительно исцеления золотушных высыпаний: «Где же лучше можно их вылечить, как не в деревне? — Воздух, пища, свобода и более всего радость быть вместе с милыми сердцу имеют большее влияние на здоровье наше, нежели самые драгоценнейшие микстуры» [45, 31]. (Здесь Глинка, возможно, впервые в жизни выступает как поборник лечения благоприятными природными факторами). Лермонтов ежедневно бродил в Кисловодске по горам, причем ни жара, ни дождь его не останавливали¹. Уже позднее терренкур (лечебная дозированная ходьба) был признан здесь важным целительным средством [127, 706, 708].

Казалось бы, все благоприятствовало успешному лечению Глинки. Но в чем-то произошел сбой, и его постигла очередная неудача. Попробуем разобраться, в чем ее причины.

Глинка пишет о том, что его заставляли купаться в нарзане температурой «8 град[усов] по Реомюру». Скорей всего, здесь мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда он неточен. Хотя сведения о температуре нарзанных ванн в разных источниках незначительно расходятся, все авторы единодушны в том, что температура цельных нарзанных ванн (без разведения) была 10° по Реомюру или несколько выше: от 10 до 11,5° (от 12,5 до 14° С). — См.: [19, 63; 52, 238; 123, 63; 127, 706; 194, т. XV, 157, т. XXА, 566]. Однако, несмотря на все разночтения, ясно одно: эти ванны были очень холодными и попросту не могли переноситься разными людьми одинаково — одним шли на пользу, а другим только вредили. Если верить Глинке, то он окунался в ванну с температурой 10 °С, но мы-то уже знаем, что в действительности она была на 2,5 — 4° выше. Разница между этими цифрами весьма существенная. Личный опыт автора (как, вероятно, и многих

¹ См. письмо к М.А. Лопухиной. — Приведено по: [160, 285-286].

читателей) показывает, что купание в десятиградусной морской воде действует помягче нынешнего «моржевания», но все же дает сильные, даже экстремальные ощущения — и это при плавании, в движении! Тогда как четырнадцатиградусная вода, конечно, прохладна, и даже очень, но нередко в ней преспокойно резвятся даже дети. Но ведь Глинка в любом случае вынужден был сидеть (лежать) в холодной ванне неподвижно, да еще и повторять эту процедуру неоднократно — по-видимому, в течение нескольких дней. Конечно же, ему было очень холодно! Негативные последствия таких купаний ясно изложены в «Записках». Все это приводит к мысли, что, укладывая Глинку в холодную ванну, врачи совершили ошибку. Какую именно, сказать сейчас трудно. Но обсудить эту тему и предложить некоторые версии мы имеем право.

Во-первых, вполне возможно, что *Глинке по какой-то причине были вообще вредны холодные нарзанные ванны*. Словарь Брокгауз — Ефрон недаром предупреждал: «Купание в холодном бассейне н[арзана] полезно, как укрепляющее средство, но, ввиду сильного влияния на сосудистую и нервную системы, допускается только для лиц, не страдающих болезнями сердца и сосудов, и во всяком случае требует благоразумной осторожности». Попутно, кстати, выяснялось, что и купание в подогретом нарзане может быть вредно для «лиц с чрезмерной раздражительностью нервной системы» [194, т. ХХА, 566]. Считается, что «нарзанные ванны предъявляют ряд серьезных требований к [...] приспособленности физиолог[ических] систем (сердечно-сосудистая, кроветворная, нервная и т. д.)» [127, 709].

Вернемся в середину XIX века и убедимся, что и тогда, как свидетельствует авторитетное мнение профессора Грум-Гржимайло, видели «темные» стороны нарзана: «Холодные ванны [...], особенно ниже + 18 Р., для многих больных невыносимы, и они никак не должны принуждать себя к таким ваннам, иначе могут заболеть лихорадкой, ревматизмом и проч.» [52, 48]. Напомню, что ванны для Глинки наполнялись водою даже на 7 — 8 градусов холоднее указанной здесь! И некоторые его современники ощущали эту опасность, принимая решение о прекращении приема ванн самостоятельно — как, например, один посетитель вод во второй половине 20-х годов:

Вода сия, хотя имеет + 10 град. теплоты по Рео[мюру] [...], однако при наружном употреблении кажется чрезвычайно холодною [...]. Я по сей причине ограничился одним внутренним употреблением сей воды.

— Более нескольких минут редкий в ней высидеть может. [...] За правило принято выходить из воды, коль скоро почувствуешь дрожь; сидеть долее и опасно и бесполезно [123, 63]¹.

Во-вторых, совсем не исключено, что *врачи все же обратили внимание на известные вредные последствия холодных ванн и вовремя прекратили лечение, но, возможно, ими были допущены и какие-то погрешности в режиме пользования ваннами, в частности, в интенсивности их приема — ведь первые медицинские рекомендации по этому поводу еще только вырабатывались.*

Глинка с явным одобрением пишет о действиях доктора Быковского, убедившегося, что нарзан вреден его пациенту, и успешно заменившего минеральную воду горькими травами, настоянными в вине. Теперь мы знаем, что заболевания нервной системы, которыми Михаил Иванович страдал смолоду и на протяжении всей жизни², в ряде случаев могли быть противопоказанием для лечения нарзанными ваннами — особенно «для людей нервного, нежного сложения» [52, 241]. (Здесь сразу же вспоминаются портреты молодого Глинки!) При этом самого пристального внимания требует повышенная нервная возбудимость, которая могла стать и стимулом к непереносимости нарзанных ванн, и одновременно — следствием их приема [113; 127, 709]. Это хорошо знали в позапрошлом веке, и Грум-Гржимайло уже тогда писал, что нарзан «возбуждает и увеличивает раздражительность», и что он «так же действует на нервную систему, как шипучие вина» [52, 57, 242]. Вот отсюда-то, оказывается, и бессонница, преследовавшая Глинку на Кислых водах! — См.: [52, 59, 240, 241; 113]. Неудивительно, что А.Е. Розену, как в свое время Глинке, купаться в нарзане было запрещено: «Он слишком раздражает нервы. Купавшиеся в этой воде уверяли, что, побывав в ней несколько минут, чувствовали как будто иголки кололи по всем порам, тело мгновенно краснело и горело; люди полнокровные получали сильную головную боль [...] Минеральные воды доставили некоторое облегчение больной ноге, но расстроили мои нервы до крайности» [152, 380-381]³.

¹ Однако были и совершенно противоположные, даже радостно-эйфорические оценки именно холодных нарзанных ванн — см. приведенное выше высказывание П. Свинына, а также роман М. Лермонтова «Герой нашего времени», где в дневнике Печорина читаем: «Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!...» [80, 127].

² См. комм. 10, 12, а также ч. I и II «Странствий Глинки».

³ Собственно, современная медицинская литература призывает так и поступать: «В период обострения приходится прерывать прием ванн на несколько дней, заменив

Когда Глинка пишет о расстроенном желудке и об отсутствии аппетита, он заставляет вспомнить о другом медицинском предостережении относительно нарзанных ванн. Грум-Гржимайло отмечал, что нарзан может производить «раздражение в пищеварительных органах», а «излишнее употребление этих ванн может причинять расстройство пищеварения»; потеря же аппетита считалась одним из следствий «излишества или неуместности вод» [52, 50, 52, 242].

Определить, какие ошибки в самом процессе пользования ваннами были допущены в случае с Глинкой, очень сложно. Здесь могу лишь напомнить, что режим дня и в Кисловодске оставался похожим на тот, который приходилось соблюдать на Горячих водах (см. комм. 10). Ванны рекомендовалось принимать по 2 раза в день, общим числом за курс до 20-ти подогретых и до 10-ти цельных [52, 241], что по нынешним представлениям явно много и слишком часто¹. Однако и во времена Глинки, и сейчас непреложным остается следующее требование: «Отрицательная реакция на нарзанную ванну служит сигналом, что ванны больному противопоказаны или необходимо изменить концентрацию нарзана, температуру, продолжительность процедуры и т. д.» [113]. Следует полагать, что в общих чертах, хотя, возможно, и с некоторым опозданием, оно при лечении Глинки было выполнено.

В-третьих, доктора по каким-то причинам не готовили пациента к приему холодных ванн, снижая температуру постепенно, в течение нескольких дней — по примеру того, как это делали с водами горячими (см. комм. 10).

Известно, что, когда в Кисловодске были построены первые купальни (1812 г.), в них принимали ванны только в цельном, холодном нарзане [66]. Но во времена Глинки появилась и возможность подогрева воды, — только осуществлялась процедура достаточно примитивным образом и за отдельную плату². Кстати, подобная методика продолжала действовать и несколькими годами

их другими методами лечения» [113]. Что и сделал почти двести лет назад скромный доктор Быковский с Глинкой, прекратив данное лечение полностью!

¹ К XX веку подход несколько изменился: стали считать, что на курс лечения должно приходиться 15—20 нарзанных ванн, назначаемых 3—4 раза в неделю [127, 706-707]. Ныне оптимальное количество ванн, принятых за курс, еще меньше — 12 (через день). Продолжительность каждой процедуры колеблется от 5—8 до 12—15 минут [113].

² Сначала «за подогрев раскаленными ядрами или самоварами-нагревателями взималась довольно высокая плата — от четырех до семи рублей за ванну». Позднее, в двух казенных кибитках, цена за подогретую ванну составляла уже полтора рубля [65, 357; 66]. Вместе с тем, из документов известно, что Пушкин в 1829 году платил здесь всего по рублю за нагретую ванну. — См.: [186].

позже его приезда: «Так как после ванн горячих принимать ванны кислые, весьма холодные, было бы вредно, то здесь есть огромные деревянные самовары, в которых сначала вода обыкновенно нагревается и потом уже теплота ее, со дня на день уменьшаясь, доводится до натуральной степени», — писал Н. Нефедьев [115, 60]. Уже тогда необходимость «плавного» перехода от ванн теплых к очень холодным отчетливо осознавалась — об этом свидетельствует как предыдущее высказывание, так и следующее наблюдение, относящееся ко второй половине 20-х годов, где вообще предлагается в ряде случаев ограничиться только нагретыми: при некоторых заболеваниях «не берут ванн, дабы от наружного употребления холодной воды не возобновить и не усилить сих болезней, или берут ванны теплые, что однако с большими хлопотами сопряжено, почему чаще ограничиваются одним внутренним употреблением сей воды» [123, 63]. «Большие хлопоты», вероятно, были связаны как со сложностью и ненадежностью «самоваров» или «ядер», использовавшихся как нагревательный элемент, так и с ощутимыми дополнительными финансовыми издержками. Надо сказать, что эти факторы могли в какой-то мере препятствовать и Глинке. Самое же интересное во всей этой коллизии — то, что еще за год до приезда Глинки, в рапорте на имя генерала Ермолова от 24 июля 1822 г., доктор Конради и его коллеги призывали *«на кислых водах [...] сделать приличное устройство для нагревания воды, ибо многие больные не в состоянии и не должны купаться в воде той температуры, как она истекает из своего источника»* [149, 620]. Следует полагать, что эта рекомендация была исполнена в кратчайшие сроки, а главное — о ней не могли не знать доктора Глинки.

Так или иначе, с совершенствованием оборудования укреплялась и уверенность медиков в необходимости поступательного движения к обжигающему холоду цельного нарзана. Тремя десятилетиями позднее водолечения Глинки К. Грум-Гржимайло продолжал настаивать на этом в своем капитальном труде, рекомендуя начинать с температуры 22 — 28° (27,5 — 35° С), и лишь потом, постепенно снижая ее и доводя до 18° (22,5° С), переходить в цельные, неразводные, с температурой 10° (12,5° С) [52, 241]. В принципе этот подход с некоторыми коррективами сохранился и до наших дней. Так, на рубеже 20 — 30-х годов XX в. С. Полонский отмечал: «Первые ванны обычно дают разводные, от 35° (по Цельсию. — С.Т.), а затем переходят к цельным и более прохладным (до 30° и ниже) ваннам» [127, 707]. И ныне в начале лечения рекомендованы разведенные ванны, причем некоторые принимают их до самого конца курса [113].

Между прочим, по высказыванию Глинки из «Записок» мы не можем с точностью судить, не предшествовал ли все же погружению в нарзан какой-либо подготовительный период. Хотя это вряд ли — чем в таком случае объяснить его молчание по этому поводу? Кроме уже названных мною причин отказа от разведенных ванн, помешать их приему могла элементарная нехватка времени на полный курс лечения, либо нетерпеливое ожидание чудодейственного результата, либо какие-то иные факторы, о которых мы даже не догадываемся. Как бы то ни было, но В. Броневский в свое время высказал вполне критический взгляд на методу последовательности ванн, принятую тогда на Кавказских водах: из «кипятка» *Горячих вод* страдальца переводят в *Железноводск*, где, начиная теплыми, кончают холодными.

И, наконец, в *Кисловодске* погружают его в шипящий едкий нарзан в 10 только градусов выше точки замерзания. Такое лечение много походит на Русскую баню: с полка, на котором от жару волосы на голове трещат, да зимнею порою в прорубь; с тою только разницею, что русский мужичок по инстинкту самосохранения из проруби для закали своего железного тела снова лезет на полку, где без милосердия сечет себя веником, трет тело редькою, спиртами. Здесь же разумные люди расслабленное тело из ванны [...] Александровского ключа бросают в богатырскую водицу — и отправляют его в *Россию* с новою небывалою болезнью или, сокращая путь, относят прямо на погост (курсив мой. — С.Т.) [19, 63-64]¹.

Это мрачно-алармистское высказывание по поводу тогдашней кавказской бальнеологии никак нельзя считать целиком справедливым, однако факт остается фактом: Глинка в *Кисловодске* действительно попадал из огня да в полымя — только в холодное! К счастью, без тех грустных последствий, которые, покинув воды, в сердцах сулил уже тяжело больной генерал русской армии.

И под конец о блохах... Эти докучливые насекомые вызвали (наряду с нарзаном!) изматывающую бессонницу, постигшую Глинку на *Кислых водах*, не давая по ночам сомкнуть глаз. Однако что он имел в виду, упоминая именно о земляных блохах, поначалу непонятно. А дело в том, что *блохи земляные* (или земляные блошки), листовые, травянистые, блошаки и проч.² в контексте повествования Глинки начисто отпадают — они все растительноядные

¹ См. также комм. 10, 14. Нельзя не согласиться с современной исследовательницей А.В. Исаевой в том, что в те давние годы опыт лечения кавказскими водами только начинал приобретаться: «В результате местного лечения опытным путем происходила подборка подходящего источника к каждому конкретному заболеванию. Возможность вылечиться была равна возможности приобрести новые болезни. Зачастую излечивались случайно» [65, 357].

² См.: [194, т. IV, 100-102].

и не в состоянии беспокоить человека укусами, хотя являются признанными сельскохозяйственными вредителями. Поэтому почти не вызывает сомнений, что Глинка в его кисловодском обиталище столкнулся с паразитарными кровососущими насекомыми (в частности, возможно, с *блохой человеческой*), прекрасно известными по литературе — как научной¹, так и мемуарной, эпистолярной и даже художественной. Чего стоят, например, грустные воспоминания путешественников об этих паразитах на постоянных дворах Испании (XIX век и ранее), или краткое замечание о них, сделанное Проспером Мериmé в «Кармен»! — См.: [175, 73, 378-379]. А ведь совсем нередко блохи проникали в художественную литературу в метафорическом виде и находили себе место даже в музыке (пример — знаменитая песня Мусоргского). Хорошо известно, что в истории человечества блоха сыграла поистине трагическую роль, будучи одним из важнейших звеньев в распространении ужасных эпидемий чумы².

Примечательно, что как раз летом 1823-го и именно на Кавказе недобрым словом поминал местных блох С. Нечаев:

Жаль, что нет подобного средства, не терпеть пытки от мух и — если смею вымолвить — от такой же тьмы блох. Меня уверяли, что на Калмыцкой степи, за Кумою, совсем не видать этих кровожадных чудовищ. Но в Грузии они иногда до того умножаются, что целые деревни принуждены перемещать место своего поселения, чтоб избавиться от неотразимых их нападений [117, 31].

Как же не появиться блохам на Кислых водах — при такой-то скученности населения, а тем более в войлочных палатках или даже поблизости от них? Поэтому весьма актуальной выглядела рекомендация профессора Нелюбина: перед отправлением в путь на минеральные воды «запасться потребным количеством всякого белья, особенно нижним и постельным, поскольку при употреблении ванн

¹ См., например, несколько статей в словаре Брокгауз — Ефрон [194, т. IV, 96-100].

² В 20-е годы XIX в. чумные карантинные посты еще оставались частью кавказской обыденности — о них писали и Пушкин (в «Путешествии в Арзрум»), и Раджицкий, и многие другие. — См.: [123, 98; 143, 355]. Память о страшной эпидемии чумы, косившей местное население в первом десятилетии века, была еще свежа. Пушкин, автор «Пира во время чумы», писал в «Путешествии в Арзрум» об одном впечатлении по дороге на Владикавказ: «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом» [136, 646]. Чума еще не раз возвратится на Кавказ — недаром одна из глав фундаментального и новаторского по сути исследования истории чумы М.В. и Н.С. Супотницких названа «Лютая чума Русско-турецкой войны (1828—1830)» [164].

переменяемое белье должно быть чистым»¹. Конечно же, санитарные условия в Кисловодске тогда были далеки от идеальных и заметно улучшились лишь к рубежу следующего века [194, т. XV, 157].

16. На обратном пути, расставшись с товарищем в Харькове, я почувствовал, приближаясь к Орлу, лихорадочные припадки и, остановясь по прибытии в Орел у знакомого купца, занемог лихорадкою с нарывами на местах, где были лишаи от рождения. Чрез несколько дней болезнь миновалась сама собою, а с ней исчезли и лишаи. Полагали, что я радикально вылечен, но весьма ошиблись, как это окажется впоследствии.

В начале сентября я возвратился в Новоспасское и, отдохнув, с новым рвением принялся за музыку. Во время путешествия, продолжавшегося 4 месяца, в одном только Харькове у меня было фортепиано, а на скрипке я играл весьма неудовлетворительно. Сверх того, раздражительное действие минеральных вод и множество новых впечатлений возбудили мое воображение...

Глинка и его попутчики покинули Горячие воды, вероятно, в начале (и не позднее середины) августа — см. комм. 5, 14. Следует сказать, что обычно посетители начинали в больших количествах уезжать из Кисловодска (и, соответственно, из Горячеводска) несколько позднее: «Надобно спешить с отъездом, ибо после праздника, назначенного в Кисловодске 22 августа, в день Коронации многие из посетителей собираются в обратный путь», — торопился с отъездом В. Броневский в 1832 г. [19, 93].

Вероятно, путешествие Глинки из Горячих вод в Новоспасское продолжалось около месяца — учитывая остановки в Орле и в Харькове, а также по аналогии со скоростью передвижения в сторону Минеральных вод (см. II). Это еще раз подтверждает предложенную здесь датировку выезда из Горячеводска, так как со слов самого Глинки известно, что он возвратился в Новоспасское в начале сентября. Внесу еще некоторые уточнения. Известно, что Броневский в 1832 г. проехал тот же путь от Пятигорска до Орла за 33 дня, из них 19 пришлось на относительно длительные остановки²; таким

¹ Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб. : 1825. — Приведено по: [114].

² Броневский подробно, в виде таблицы приводит свой маршрут [19, II, 119-120]. По ней можно высчитать и длительность остановок в пути, и время передвижения между главнейшими почтовыми станциями.

образом, «чистое» время в дороге составило две недели. Что касается Глинки, то он мог задержаться на пару дней в Харькове. В Орле, безусловно, была относительно длительная (на несколько дней) остановка в связи с болезнью. От Орла до Новоспасского оставалось еще приблизительно 400 верст — см. «Почтовый дорожник» [129, 274]. На это расстояние могло уйти около пяти суток. Таким образом, мы приходим к тому же сроку, о котором было заявлено ранее: путь от Горячеводска до Новоспасского должен был продолжаться не менее трех недель, но скорей всего около месяца — то есть, примерно столько же, сколько и дорога весною на воды.

Пушкин когда-то заметил: «С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск» [136, 645]. А вот в каком настроении возвращался домой Глинка, сейчас сказать сложно. Вообще же многие посетители вод покидали их со смешанными чувствами. С одной стороны, как не поверить тому же Броневскому, который описал расставание с Кавказом в самых светлых тонах, правда, напоследок по обыкновению подбавив саркастически-фаталистическую краску:

Разъезд с минеральных вод не походит на приезд. Больные, или такими себя почитающие, приезжают в дурном нраве, сумрачны, печальны, со страхом и надеждою: отъезжают в силах — обновленными, в чувствах — радостными, веселыми; и если уже без надежды, то и без страха, ибо страх, как известно, по мере приближения к опасности уменьшается [19, 95].

И продолжил том же духе чуть далее:

Быстро катился экипаж, быстро одни за другими сменялись ландшафтные виды гор, которые как острова со дна океана возникали. Любуясь то двугорбою Верблюжьей горою, то конусообразною голою вершиною Змеиной горы, то с благодарностью измеряя взором зеленью покрытый Машук, мне стало как-то легче, и в моем полумертвом положении, увлекшись приятными мечтами, я несколько минут вопреки действительности был счастлив, весел, доволен [19, 98].

Но что-то подсказывает: все-таки Глинка уезжал не в самом радужном настроении. Чувство полного исцеления, конечно же, не наступило, болезнь просто затаилась, и ощутить это пришлось уже в дороге. Невольно задумываешься над тем, не постигла ли его судьба одного из персонажей рассказа Л. Толстого «Рубка леса», который, считая, что обманулся в своих ожиданиях, скептически замечал: «Все то, от чего я, по преданию, поехал лечиться на Кавказ, все приехало со мною сюда» [170, 66]. К тому же, по мнению В. Броневского, повидавшего на целебных источниках многое, «опыт показал, что все

люди мнительные [...] и особенно *ипохондрики* возвращались с вод в худшем состоянии, нежели в каком приехали в Пятигорск (курсив мой. — С.Т.)» [19, 73]. Данное высказывание вполне можно соотнести с психическим складом Михаила Ивановича. Но к этому у Глинки примешивалась еще и тревога за собственное будущее — ведь какая-то определенность тут не наступила, и он все еще на распутье, не выбрал окончательно своего поприща (это произойдет несколько позднее). Возможно, Броневского, который был и много старше Глинки, и болен гораздо серьезнее, одолевали подобные чувства:

Сборы в возвратный путь, дальняя дорога, осень, грозящая бурями и непогодами, [...] навели на меня такую тоску, что я сам себя не узнаю. Оставляю Пятигорск без сожаления, возвращаюсь в Петербург без удовольствия и, не зная, что со мною будет и что стану делать? [...] Эта неизвестность приводит в смущение мою душу [...] Не исполнившееся ожидание на полное исцеление, всеми эскулапами [...] в сей Божией лечебнице мне обещанное, колебали веру и терпение мое, сильно тревожили и нарушали спокойствие духа [19, 92-93, 96].

Выясняется, что тревоги Глинки не были напрасными, и по дороге его прихватила лихорадка, а потом, в Орле, она же, но «с нарывами на местах, где были лишай от рождения», даже уложила в постель. Правда, в несколько дней лихорадка прошла сама собою, а с нею и лишай. Казалось бы, сбывался позитивный общий прогноз К. Грум-Гржимайло, относящийся к лечению кавказскими водами: «Усиление, в начале лечения, а потом постепенное исчезновение *хронических, особенно лишайных сыпей* (курсив мой. — С.Т.), есть хороший признак действия вод» [52, 56]. Этот знаток бальнеологии считал, что лишай и язвы вообще хорошо лечились на курортах этой группы. — См.: [52, 67]. Но не тут-то было, и сразу же вслед за предыдущим высказыванием Глинка заявляет: «Полагали, что я радикально вылечен, но весьма ошиблись, как это окажется впоследствии». Что же выяснилось через некоторое время?

Уже спустя три года, летом 1826-го, в страшную жару (леса горели!), Глинку измучила бессонница, которую он трактует как «следствие серных кавказских вод» [42, 231]. Весною следующего года физические страдания вновь вернулись, и доктор прописал от «золотушного расположения» некий отвратительный *декохт*¹, который

¹ *Декокт* — отвар из лекарственных трав. Вот как сам Глинка описывает свойства этого поила: «О боже, что это был за декохт! Вяжущий, пряный, густой, отвратительного зелено-болотного цвета. Действовал же весьма сильно, *слабил жестоко*, с мучительною болью, а с другой стороны, не только не освежал, но гнал кровь к голове» [42, 232].

надлежало пить в поистине лошадиных дозах (30 или более бутылок). Результат — полное лишение сна. И выздоровление наступило не вдруг, хотя Глинка лечился «с примерным терпением». В том же году золотуха вновь вернулась «золотушным воспалением в левом глазу [...] от продолжительных приливов крови к голове»¹; подобный приступ прихватил и весной 1828 года, причем как назло в дороге [42, 232, 234]. Вот тут-то Глинка и делает вывод, который почти всегда корректировал его отношение к лечению: «Насильственное употребление внутренних лекарств, видимо, повредило моему здоровью и приготовило новые страдания» [42, 232]. Но ведь и минеральные воды не действовали вечно; выходит, что прав был А. Розен, утверждавший уже после лечения: «Нарзан живит большого и расслабленного, но все на время определенное» [152, 380]. Болезни продолжали одолевать Глинку и в конце 20-х годов, что, в конечном счете, послужило одной из важнейших причин его отъезда в Германию, а потом Италию, где он вновь с прежним азартом и с прежними переживаниями принялся за водолечение. Но об этом мы подробно рассказали во II томе «Странствий Глинки».

И все же будем справедливыми: на протяжении трех лет, прошедших после лечения кавказскими минеральными водами, мы не встречаем на страницах «Записок» ни единой жалобы на здоровье. Срок немалый, а Глинка, как мы знаем, посетовать на болезни всегда был не прочь! Это, конечно, не исключает того, что проблемы здесь оставались, но, видимо, временно потеснились на второй план. Что же так благотворно подействовало на самочувствие? Может быть, охотное и нередко радостное овладение музыкальной профессией и интенсивное творчество тех лет до поры оттеснило болезни? Или, возможно, гидротерапия все-таки принесла позитивный эффект, о котором мемуарист попросту не пишет? Или все вместе? Ведь не случайно Михаил Иванович замечает, что *«раздражительное действие минеральных вод и множество новых впечатлений возбудили [...] воображение»*.

Возвращение в родные места ознаменовано просто потрясающим всплеском творческой активности. Глинка словно изголодался по музыке во время длительной рекреации на водах. И действительно, кроме полковых (духовых) оркестров, игравших на пленэре или на танцах в будущих Пятигорске и Кисловодске (см. комм. 6, 14), Глинка там не слышал вообще никакой профессиональной музыки!

¹ На этот раз Глинку, по его словам, «посадили в темную комнату» и лечили слабительными.

Правда, достоверно известно, что ему довелось повидать черкесский народный танец — безусловно, в инструментальном сопровождении, но, возможно, и с пением; также он мог слышать сольные фольклорные песенные жанры (см. комм. 8). Нельзя исключить того, что Глинка и сам вполне мог с друзьями петь *a' cappella* — подобные примеры находим в его дальнейшей жизни. Но в состоянии ли это заменить живые впечатления от оркестровой музыки, оперы и балета, от самостоятельной игры в оркестре, или на фортепиано, или на скрипке, наконец, от опытов совместного музицирования? А ведь Глинка уже стал привыкать ко всему этому в Петербурге и в Новоспасском¹! Но какого-либо музыкального инструмента у него попросту не было под руками на протяжении трех с половиной месяцев путешествия — ведь последний раз возможность поиграть на фортепиано представилась лишь по пути на Кавказ, в Харькове. Это уже в 1841 году, в Пятигорске, по воспоминаниям современницы, Лермонтов участвовал в вечерах у рояля в доме Верзилиных [160, 289]. Что же касается года 1823-го, то существуют большие сомнения в том, был ли вообще инструмент на Горячих или Кислых водах. Потому-то Глинка и вспоминает, что, передохнув по возвращении, «с новым рвением принялся за музыку». В Новоспасском, вскоре после приезда, он с увлечением учится управлять оркестром, получает первые навыки инструментовки, продолжает «пробы пера» в сочинении [42, 225-226]. По воспоминаниям сестры, с сентября 1823-го до апреля 1824 года «он занимался музыкой очень много [...], и вообще музыка его воскрешала» [188, 35]. А по возвращении в Петербург весной 1824 года «взрывообразно» расширяется круг его музыкальных интересов и профессиональных умений. Процесс накопления предварительных впечатлений окончился, и юный Глинка становился композитором. См. также I.

¹ См.: [42, 214-223].

ЛИТЕРАТУРА

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / [вступ. статья, сост. и подг. текста С.А. Фомичева; коммент. П.С. Краснова и С.А. Фомичева]. — М. : Худож. лит., 1980. — 448 с. — («Серия литературных мемуаров»).
2. Андреев В.А. Из «Воспоминаний из кавказской старины» / В.А. Андреев // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. / [вступ. статья, сост. и подгот. текста С.А. Фомичева; коммент. П.С. Краснова и С.А. Фомичева]. — М. : Худож. лит., 1980. — С. 157 — 159.
3. Андреев-Кривич С.А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова/С.А. Андреев-Кривич [под общ. ред. Н.Л. Бродского]. — Нальчик : Кабардинское гос. изд-во, 1949. — 136 с.
4. Аракелов Х. К вопросу об истоках восточных тем в творчестве Глинки / Х. Аракелов // Памяти Глинки. 1857 — 1957. Исследования и материалы. — М. : АН СССР, 1958. — С. 203 — 223.
5. Арсеньев К. Краткая всеобщая география / К. Арсеньев. — Изд. 6-е, испр. — СПб. : при Императорской Академии Наук, 1831. — 330 с.
6. Ашхотов Б.Г. Неизвестное об известной теме М.И. Глинки / Б.Г. Ашхотов // Музыкальная академия. — 2008. — № 2. — С. 95 — 102.
7. Ашхотов Б.Г. Об онтологических основаниях адыгских нартских пшинатлей / Б.Г. Ашхотов // Первые Международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9 — 12 октября 2007 г.). — Сухум : РЧА «Дом печати», 2011. — С. 401 — 410.
8. Ашхотов Б. Г. Традиционная адыгская песня-плач (гъыбзэ)/ Б.Г. Ашхотов. — Нальчик : Эль-Фа, 2002. — 236 с.
9. Бартенев П. И. Пушкин в Южной России / П.И. Бартенев. — изд. 2-е. — М. : Русский Архив, 1914. — 171 с.
10. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л.М. Баткин. — М. : Наука, 1989. — 272 с. — (Серия «Из истории мировой культуры»).
11. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище: сюжет, семантика, мантика / Б.Х. Бгажноков / [ред. А.Т. Додуева]. — Нальчик : Полиграфкомбинат Госкомиздата КБССР, 1991. — 192 с.
12. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. / Дж. Белл; [пер. Н. Данкевич-Пушиной] // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. / [сост., ред. перев., введ. и вст. статьи к текстам В.К. Гарданова]. — Нальчик : Эльбрус, 1974. — С. 459 — 530.
13. Бестужев-Марлинский А.А. Вечер на Кавказских водах в 1824 году / А.А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2-х т. — М. : Худож. лит., 1981. — Т.1: Повести; Рассказы [сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова]. — С. 255 — 308.
14. Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести [Электронный ресурс] / А.А. Бестужев-Марлинский [сост., статья, коммент. Ф.З. Канунова]. — СПб. : изд. фирма РАН, 1995. — Режим доступа:

<http://ruslit.traumlibrary.net/book/bestuzhev-kavkaz/bestuzhev-kavkaz.html#work016>

15. Блинова М. Научные интересы Глинки (естествознание и география) / М. Блинова // М.И. Глинка: сб. статей / [под ред. Е. Гордеевой]. — М. : Госмузиздат, 1958. — С. 315 — 331.
16. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. — Часть I: Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества/[под ред. В.П. Никольского, сост. Н.П. Поликарпов]. — М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1913. — Т. IV. — 662 с.
17. Болгачев С.В. Архитектура старого Пятигорска [Электронный ресурс] / С.В. Болгачев. — Пятигорск : Снег, 2005. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/arch/index.php>
18. Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография / Н.Л. Бродский. — М. : Гос. изд-во худ. лит., 1945. — Т. I: 1814 — 1832. — 348 с.
19. Броневский В.Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод: в 4-х ч. / В.Б. Броневский. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834. — Часть IV: Поездка на Кавказ. — 132 с.
20. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2-х т. / С. Броневский. — М. : Тип. С. Селивановского, 1823. — Ч. I. — 385 с.
21. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2-х т. / С. Броневский. — М. : Тип. С. Селивановского, 1823. — Ч. II. — 485 с.
22. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности / П. Вайль, А. Генис. — Изд 3-е. — М. : Изд-во Независимая газета, 1999. — 272 с.
23. Васильев А., Елисеев А. Русские соединенные армии при Бородино 24-26 августа (5-7 сентября) 1812 г. [Электронный ресурс] / А. Васильев, А. Елисеев. — Режим доступа: http://www.genstab.ru/oob_bor_ru_8.htm
24. Васин В.П., Попова Г.Д. Основание Пятигорска [Электронный ресурс]/В.П. Васин, Г.Д. Попова//История Пятигорска. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/pyatigorsk/1.php>
25. Веймарн П. Михаил Иванович Глинка. Биографический очерк / П. Веймарн. — М. : Изд. П.Юргенсона, 1892. — 247 с.
26. Влад. Чрнв. Кавказские минеральные воды. (Отрывок из письма от 30 июля) // Вестник Европы. — 1815. — Ч. 83, № 17. — С. 64 — 68.
27. Владимирский В. Железноводск / В. Владимирский // Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Н. А. Семашко. — Изд. 1-е. — М. : Советская энциклопедия, 1929. — Т. IX. — Ст. 778 — 782.
28. Воспоминание о Кавказе. (Отрывок из записок одного путешественника) // Азиатский вестник. — 1826. — № 5. — С. 255 — 259.
29. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 6-го сентября 1824 года // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления

30. Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 630 — 631. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 9-го июня 1823 года // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 487 — 488.
31. Высочайший рескрипт ген. Ермолову, от 2-го октября 1824 года // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 631.
32. г. Харьков 20-тых и 30-тых годов. (XIX-го века) (По воспоминаниям Ф.О. Рейнгардта) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dalizovut.narod.ru/istorii/20_30887.htm
33. Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 года / Г. Габаев. — К. : Тип. Окружного Штаба, 1912. — 299 с.
34. Гадецька Г. Михайло Глінка. Біографія у повсякденності: антураж чи справжність? / Г.М. Гадецька // Часопис НМАУ ім.П.І. Чайковського: Науковий журнал. — К., 2012. — №4 (17). — С. 113 — 123.
35. Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820 / Г.В. Гераков. — Спб. : Тип. Импер. воспитат. дома, 1828. — 172 с.
36. Гершензон М.О. Северная любовь А.С. Пушкина / М.О. Гершензон // Гершензон М.О. Образы прошлого. — М. : Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1912. — С. 1 — 32.
37. Гиндин В. «Не дай мне Бог сойти с ума...». Психопатологическая галерея русских литераторов [Электронный ресурс] / В. Гиндин. — 2004. — 293 с. Режим доступа: <http://www.gindin.ru/pdf/ne-daj-mne-bog.pdf>
38. Гишев Н., Соколова А. Словарь адыгских музыкальных и этнографических терминов / Н. Гишев, А. Соколова // Музыкальная культура Адыгеи. — Майкоп, 2011. — Вып. 1. Творчество композиторов Республики Адыгея: учеб. пособ. / [группа авторов; под общ. ред. А.Н. Соколовой]. — С. 138 — 152.
39. Глинка М.И. Биографические материалы. Комментарии / М. И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 363 — 422.
40. [Глинка М.И.] Записки М.И. Глинки. Рукопись // ОР РНБ. Ф. 190 (М.И. Глинка). Ед. хр. 95. — 246 л.
41. [Глинка М.И.] Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями. — СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1887. — 466 с.
42. Глинка М.И. Записки / М.И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 211—350.
43. Глинка М.И. Записки по географии / М.И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 189 — 191.

44. Глинка М.И. Материалы оперы «Руслан и Людмила» / М.И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 95 — 178.
45. Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. / М.И. Глинка. — М. : Музыка, 1975. — Т. IIА [подгот. А.С. Ляпунова и А.С. Розанов]. — 415 с.
46. Глинка М.И. Полное собрание фортепианных сочинений / М.И. Глинка / [ред., вступ. статья и комм. Н.Н. Загорного]. — Л. : Музгиз, 1952. — 444 с.
47. Глинка М.И. Рисунки М.И. Глинки / М.И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 184 — 185, 197 — 198.
48. Глинка М.И. Указатель имен / М.И. Глинка // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 434 — 467.
49. Город-курорт Пятигорск. Официальный сайт. История [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pyatigorsk.org/city/history/>
50. Грачева И.В. «Путь трудной чести и добра...» (Жизнь и творчество С.Д. Нечаева) / И.В. Грачева / [отв. ред. и сост. Б.В. Горбунов]. — Рязань: Узорочье, 2009. — Т. 22. — 94 с. — (Серия «Материалы и исследования по рязанскому краеведению»).
51. Греч Н.И. Из «Парижских писем» / Н.И. Греч // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А. Орловой] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 353 — 354.
52. Грум К. Полное, систематическое, практическое, описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской Империи: в 2-х ч. / К. Грум. — СПб. : В типографии Департамента внешней торговли, 1855. — Ч. I: Минеральные воды, лечебные грязи и купанья в Российской Империи. — 412 с.
53. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. — СПб., 1997.
54. Два века Кавказских Минеральных Вод: период с 1803 по 1829 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history01.html>
55. Деверилина Н.В., Королева Т.К. «Я открою вам сердце мое» / Н.В. Деверилина, Т.К. Королева. — Смоленск : Смядынь, 2001. — 160 с.
56. Добродеев И. Байрам черкесский (Отрывок из письма к его превосходит. Андрею Зиновьевичу Дурасову) / И. Добродеев // Вестник Европы. — 1828. — Ч. 161, № 15. — С. 222 — 226.
57. Добродеев И. О хозяйственных заведениях при кавказских минеральных водах / И. Добродеев // Вестник Европы. — 1828. — Ч. 162, № 17. — С. 61 — 71.

58. Добродеев И. О хозяйственных заведениях при кавказских минеральных водах / И. Добродеев // Вестник Европы. — 1828. — Ч. 162, № 18. — С. 140 — 146.
59. Дуров В. Русские боевые награды эпохи Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс] / В. Дуров // Genstab.Ru. — Режим доступа: http://www.genstab.ru/nagr1812_oruzh.htm
60. Ерофеева И.А. И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» / И. Ерофеева // Левшин А. И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. — Алматы : Санат, 1996. — С. 534 — 594.
61. Железноводск. Железные воды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/zheleznovodsk/vody.php>
62. Жуковский В.А. К Воейкову: Послание: («Добро пожаловать, певец...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1959 — 1960. — Т. 1: Стихотворения. — 1959. — С. 187 — 194.
63. Зябловский Е. Российская статистика / Е. Зябловский. — Изд. 2-е. — СПб. : В типографии Ильи Глазунова и Ко, 1842. — Ч. 1. — 170 с.
64. Из донесений М.Я. фон Фока // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / [вступ. статья, сост. и подгот. текста С.А. Фомичева; коммент. П.С. Краснова и С.А. Фомичева]. — М. : Худож. лит., 1980. — С. 288 — 291.
65. Исаева А.В. Особенности организации и развития курорта Кисловодск в XIX веке / А.В. Исаева // Туризм и культурное наследие: межвузовский сб. науч. трудов / [под ред. Д.Е. Луконина, Т.В. Черевичко]. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2006. — Вып.3. — С. 346 — 362.
66. Кавказские минеральные воды. Путеводитель: Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки [Электронный ресурс]. — М. : Профиздат, 1987. — 288 с. — Режим доступа: // <http://www.skitalets.ru/books/kavminvody/>
67. Канн-Новикова Е. М.И. Глинка. Новые материалы и документы / Е. Канн-Новикова. — М. — Л. : Музгиз, 1951. — Вып.2. — 190 с.
68. Карманный почтовый атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии с показанием главных почтовых дорог. — СПб. : При собственном Его Императорского Величества Депо карт, 1808. — 36 л.
69. Китанина Т.А. Две заметки о Пушкине и «кавказском тексте» / Т.А. Китанина // Пушкин и его современники: сб. науч. трудов. — СПб. : Нестор-История, 2009. — Вып. 5 (44). — С. 231 — 247.
70. Кобыз [Электронный ресурс] // Belcanto.ru: энциклопедия. — Режим доступа: <http://www.belcanto.ru/kobyz.html>
71. Коваленко А.Н. Иосиф Бернардацци — видописец [Электронный ресурс] / А.Н. Коваленко. — Режим доступа: <http://esmuseum.ru/museum/biblioteka/356-iosif-bernardacci>
72. Козоріз В. Нариси з історії Великого Хутора / В. Козоріз. — Харків, 2011. — 545 с.
73. Колоней Д.В. Розвиток приватної музичної освіти на Слобожанщині у XVIII — початку XX століття / Д.В. Колоней // Краєзнавство:

- научный журнал, 2003. — Ч. 1-4. — С. 74 — 78.
74. Краткая история Кисловодска [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/kislovodsk/history.php>
75. Крылов И.А. Дикie Козы / И.А. Крылов // Крылов И.А. Сочинения: в 3-х т. / [ред. Д.Д. Благого; подг. текста и прим. Н.Л. Степанова (басни), Г.А. Гуковского (стихотворения), С.М. Бабинцева (письма)]. — М. : Гос. издат. худож. лит., 1946. — Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. — С. 161 — 162.
76. Курорты Кавказских Минеральных вод, целебные воды, грязи, курортная медицина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sankurtur.ru/russia/region/423/>
77. Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: в 2-х кн. / О.Е. Левашева. — М. : Музыка, 1987. — Кн.1. — 380 с.
78. Левашева О. Михаил Иванович Глинка: в 2-х кн. / О. Левашева. — М. : Музыка, 1988. — Кн. 2. — 352 с.
79. Лермонтов М.Ю. Аул Бастунджи / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т.2: Поэмы и повести в стихах. — С. 314 — 334.
80. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т.4: Проза и письма. — С. 7 — 152.
81. Лермонтов М.Ю. Измаил-Бей: Восточная повесть / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т.2: Поэмы и повести в стихах. — С. 335 — 400.
82. Лермонтов М.Ю. Кавказский пленник / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т.2: Поэмы и повести в стихах. — С. 179 — 197.
83. Лермонтов М.Ю. Каллы: Черкесская повесть / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т. 2: Поэмы и повести в стихах. — С. 309 — 313.
84. Лермонтов М.Ю. Черкесы / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. — М. — Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1948. — Т.2: Поэмы и повести в стихах. — С. 171 — 178.
85. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; редкол.: В.А. Мануйлов (гл. ред.) [и др.]. — М. : Сов. Энцикл., 1981. — 746 с.: ил.
86. Летопись жизни и творчества М.И. Глинки / сост. А.А. Орлова. — М. : Госмузиздат, 1952. — 541 с.
87. Лозинский А. Кавказские минеральные воды / А. Лозинский // Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Н.А. Семашко. — Изд. 1-е. — М. : Советская энциклопедия, 1930. — Т. XII. — Ст. 55 — 61.
88. Лозинский А. Пятигорск / А. Лозинский // Большая медицинская

- энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Н.А. Семашко. — Изд. 1-е. — М. : Советская энциклопедия, 1934. — Т. XXVIII. — Ст. 138 — 141.
89. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя / Ю.М. Лотман. — Изд. 2-е. — Л. : Просвещение, 1983. — 416 с.
 90. Ляпунова А.С. От составителя / А.С. Ляпунова // Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. — М. : Музыка, 1973. — Т. I: Литературные произведения [подгот. А.С. Ляпунова]. — С. 5 — 28.
 91. Максимович М.А. Воспоминание о Тимковских / М.А. Максимович [предисл. Н. Шугурова] // Киевская старина. — 1898. — Т. 63, № 11. — С. 254 — 272.
 92. [Максимович М.А.] Автобиография М.А. Максимовича // Киевская старина. — 1904. — Т. 86., №3, сентябрь. — С. 322 — 346.
 93. Мамаев С.Г. К вопросу о политическом воспитании Михаила Глинки / С.Г. Мамаев // О Глинке: сб. статей / [ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова]. — М. : Дека-ВС, 2005. — С. 35 — 49.
 94. Маркевич Н.А. Из Записок / Н.А. Маркевич // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А. Орловой] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 119 — 142.
 95. Медицинские показания и противопоказания для лечения на КМВ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.souz-tour.by/objects/kavmin/med_pokazaniya.htm
 96. Медицинские показания и противопоказания для санаторно-курортного лечения взрослых и подростков (кроме больных туберкулезом). Утверждены Министерством здравоохранения Российской Федерации 22.12.1999 №99/227 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sankurtur.ru/officially/item/531/>
 97. Мельгунов Н.А. Глинка и его музыкальные сочинения / Н.А. Мельгунов // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А. Орловой] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 159 — 164.
 98. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1818. — Ч. 1. — 857 с.
 99. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1819: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1919. — Ч. 1. — 927 с.
 100. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1820. — Ч. 1. — 972 с.
 101. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1821. — Ч. 1. — 1019 с.
 102. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1822: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1822. — Ч. 1. — 816 с.

103. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1823. — Ч. 1. — 866 с.
104. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1823. — Прибавление к первой части. — С. 1 — 41.
105. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1824. — Ч. 1. — 912 с.
106. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1825. — Ч. 1. — 896 с.
107. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1826. — Ч. 1. — 938 с.
108. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1827. — Ч. 1. — 983 с.
109. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828: в 2-х ч. — СПб. : Императорская академия наук, 1828. — Ч. 1. — 997 с.
110. Михаил Иванович Глинка глазами современника. Альбом рисунков Н.А. Степанова из собрания Российской национальной библиотеки [Предисл., комм. к рисункам и указ. Н.В. Рамазановой и Е.А. Пережогинной]. СПб. : Российская национальная библиотека, 2005. — 162 с.
111. Московская улица [Электронный ресурс] // Харьков. Новое о знакомых местах. — Режим доступа: <http://the-past.ho.ua/list-3-2-11.html>
112. Музыкальная энциклопедия: в 6-ти т. / под ред. Ю.В. Келдыша. — М. : Советская энциклопедия; Советский композитор. 1974. — Т. 2. — 960 с.
113. Нарзанные ванны Кисловодска. Лечебные факторы Кисловодских Нарзанов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.700d.ru/kmv003.php>
114. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск [Электронный ресурс] / С.И. Недумов / [ред., предисл. и прим. П.Е. Селегея]. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1974. — Режим доступа: http://www.kmvline.ru/lerm/b_5.php
115. [Нефедьев Н.А.] Н...Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. — М. : Типография С. Селивановского, 1829. — 190 с.
116. Нечаев С.Д. Воспоминания / С.Д. Нечаев // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / [изд. подгот. В.А. Архипов, В.Г. Базанов, Я.Л. Левкович]. — М. — Л. : Изд. АН СССР. — 1960. — С. 618 — 628. — (Серия «Литературные памятники»; «Полярная звезда» на 1825 г.).
117. Нечаев С.Д. Отрывок из путевых записок о Юго-Восточной России

- / С.Д. Нечаев // Московский телеграф. — М., 1826. — Ч. 7, № 1. — С. 26-41.
118. Новый Энциклопедический словарь / под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. — Петроград : АО «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. — Т. 26. — 960 стб.
 119. О нынешнем состоянии земель Кавказских (Из Jour. d. Deb.) // Вестник Европы. — 1826. — Ч. 150, № 18. — С. 116 — 133.
 120. Отношение гр. Кочубея к ген. Ермолову от 21-го мая 1823 года // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 625 — 626.
 121. Павловский И.Ф. Полтавцы: Иерархи, государственные и общественные деятели и благодетели. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. / И.Ф. Павловский. — Харьков: Издательство САГА, 2009. — 297 с. — (Репринтное воспроизв. издания Полтава: Т-во Печатн. дела, 1914).
 122. Панисяк И.В. Смолене в битвах 1799 — 1815 годов [Электронный ресурс] / И.В. Панисяк. — Режим доступа: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=740&Itemid=119.
 123. Письма Х. Ш..... к Ф. Булгарину, или Поездка на Кавказ // Северный архив. — 1828. — Ч. 34, № VII. — С. 40 — 109.
 124. План Горячеводска, ныне составляющего часть города Пятигорска, при Кавказских Минеральных водах, составленный А.И. Б. [И. Бернардацци] для путешествия Господ посещающих сии воды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://troja-russkaja.my1.ru/publ/stati_artemija_severina/eholova_arfa_ot_bernardacci_v_pjatigorske_khram_jara/7-1-0-51
 125. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796 — 1825): справочное пособие [Электронный ресурс] / А. Подмазо. — испр. и доп. версия издания 1997 г. — Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/library/podmazo/alfshcom_p.html
 126. Показания полковника Вятского полка, Павла Ивановича Пестеля [Электронный ресурс] // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / [под ред. А.К. Бороздина]. — СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. — Режим доступа: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/pokaz6>
 127. Полонский С. Кисловодск / С. Полонский // Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Н.А. Семашко. — Изд. 1-е. — М. : Советская энциклопедия, 1930. — Т. XII. — Ст. 704 — 710.
 128. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5-ти т. / В.А. Потто. — СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1887. — Том II: Ермоловское время. — 821 с.
 129. Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей. — СПб. : Типография Карла Крайя, 1829. — 485 с.
 130. Предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю от 11-го марта 1823 года

- // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 624 — 625.
131. Пушкин А.С. Орывки из путешествия Онегина / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 5. — С. 199 — 208.
 132. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / А.С. Пушкин. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 3: Стихотворения 1827 — 1836. — 552 с.
 133. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / А.С. Пушкин. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 10: Письма. — 897 с.
 134. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / А.С. Пушкин — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 4: Поэмы. Сказки. — 552 с.
 135. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / А.С. Пушкин. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 2: Стихотворения, 1820 — 1826. — 463 с.
 136. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 6. — С. 636 — 712, 736 — 743.
 137. Пушкин А.С. Роман на Кавказских водах / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 6. — С. 590 — 592, 769 — 772.
 138. Пушкин А.С. Роман на Кавказских водах [Электронный ресурс] / А.С. Пушкин. — Режим доступа: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/06prose/02misc/01misc/0879.htm> и <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/06prose/03edit/0907.htm>
 139. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10-ти т. / А.С. Пушкин. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. — Т. 5: Романы. Повести. — 660 с.
 140. Пыляев М.И. Замечательные чудачи и оригиналы / М.И. Пыляев. — СПб. : издание А.С. Суворина. — 1898. — 449 с.
 141. Раабен Л.Н. Скрипка в оркестре Глинки / Л.Н. Раабен // М.И. Глинка. Исследования и материалы. — М. — Л. : Музгиз, 1950. — С. 170 — 184.
 142. Радожицкий И. Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах / И. Радожицкий. — Нальчик : Журнал «Адыгэ Хэку», 2002. — 64 с.
 143. Радожицкий И. Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст / И. Радожицкий // Отечественные записки. — СПб. : В типографии В. Плавильщикова, 1823. — Ч. 15., № 41, сентябрь 1823. — С. 343-375.
 144. [Радожицкий И.Т.] Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину от Ильи Радожицкого. Сообщ. А.А. Майков // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. — М. : В Университетской типографии Катков и Ко, 1874. — Кн. 2. — Апрель — июнь 1874. — С. 113 — 128.
 145. [Радожицкий И.] Прогулка к Кавказским Минеральным Водам // Отечественные записки. — СПб. : В типографии

146. В. Плавильщикова, 1823. — Ч. 16, № 44, декабрь 1823. — С. 387 — 411.
[Раевский Н.Н.,] Н.Н. Раевский ст. — Е.Н. Раевской // Архив Раевских / [ред. и прим. Б.А. Модзалевского]. — СПб. : Изд-е П.М. Раевского, типогр. М.А. Александрова, 1908. — Т.1: Письма 1791 — 1829 гг. — С. 516 — 525.
147. РАН об этнониме Черкес и топониме Черкесия [Электронный ресурс] // История адыгов. — Режим доступа: <http://www.djeguako.ru/content/view/471/1/>
148. Рапорт исполняющего должность кавказского грузинского гражданского губернатора, статского советника М.А. Малинского Н.Ф. Ртищеву. Георгиевск, 6 августа 1813 г., № 2012, ЦГИА Гр., ф. 2. оп. 1. д. 499, лл. 1 — 14 (подлинник) // Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Документы. — Ереван: АН Арм. ССР, 1965. — С. 351 — 366.
149. Рапорт н.с. Прибиля ген. Ермолову от 24-го июля 1822 года, № 1. Замечания с.с. Кернера, н.с. Прибиля и доктора Конради о средствах к лучшему устройству Кавказских минеральных вод // Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею [ред. Ад. Берже]. — Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. — Т. VI, Ч. 2. — С. 620 — 621.
150. Римский-Корсаков А.Н. Глинка и женщины / А.Н. Римский-Корсаков // Музыкальная летопись. Статьи и материалы. — Л. — М., 1925. — Сб. 3-й. — С. 117 — 127.
151. Розанов А.С. Северная звезда: Жизнь и судьба М.И. Глинки / А.С. Розанов. — СПб. — М. : Нева, ОЛМА-Пресс, 2002. — 288 с.
152. Розен А.Е. Записки декабриста / А.Е. Розен / [изд. подг. Г.А. Невелевым]. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. — 480 с.
153. Русский биографический словарь: в 25-ти т. / А.А. Половцов. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1896 — 1918.
154. Савицька Н.В. Хронос композиторської життєтворчості: монографія / Н.В. Савицька. — Львів : Сполом, 2008. — 320 с.
155. Саша Черный. Кавказский черт / Саша Черный // Солдатские сказки. — Рига : Альбатрос, 1992. — С. 29 — 38.
156. [Свиньин П.П.] Кавказские воды. Письмо П.П. Свиньина к редактору из Ставрополя 26 июля 1825 // Отечественные записки. — Спб. : В типографии А. Смирдина, 1825 — Ч. 23, № 64, август 1825. — С. 250 — 254.
157. [Свиньин П.П.] Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору. Теплые воды, от 15 июля [1825]. Празднование Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. — Спб. : В типографии А. Смирдина, 1825 — Ч. 23, № 64, август 1825. — С. 241 — 250.
158. [Свиньин П.П.] Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году. (По июль) // Отечественные записки. — Спб. : В типографии А. Смирдина, 1825 — Ч. 23, № 64, август 1825. — С. 255—280.
159. Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I / Ф.-П. де Сегюр. / [пер. с фр. Н. Васина, Э. Пименовой]. — Смоленск : Русич. 2003. — 412 с.

160. Селегей П.Е. Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск. Кисловодск. Железноводск / П.Е. Селегей // По лермонтовским местам. Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ / [сост. О.В. Миллер; предисл. И.Л. Андроников]. — Изд 2-е, доп. — М. : Профиздат, 1989. — С. 271 — 312.
161. Список воспитанников Благородного Университетского Пансиона, оставшихся на лицо в Пансионе 1 Января 1820 года, поступивших с сего времени и выбывших по 20 Августа 1825 года // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819 — 1919: материалы по истории С.-Петербургского университета / [под ред. проф. С.В. Рождественского; собр. и изд.: И.Л. Маяковский и А.С. Николаев]. — Петроград : 2-я гос. типогр., 1919. — Т. 1: 1819 — 1835. — С. 416 — 428.
162. Список дворянских родов, внесённых в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Полтавской губернии [Электронный ресурс] // Российское дворянство. Полтавская губерния. — Режим доступа: <http://goldarms.narod.ru/poltawa.htm>
163. Степанов П.А. Воспоминания о М.И. Глинке / П.А. Степанов // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А. Орлов] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 54 — 66.
164. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Лютая чума Русско-турецкой войны (1828-1830 [Электронный ресурс] / М.В. Супотницкий, Н.С. Супотницкая // Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. — М., 2006. — Кн. I : Чума добавактериологического периода. — Режим доступа: <http://supotnitskiy.ru/book/book3.htm#1>
165. [Тимковский В.Ф.] Письмо Василия Федоровича Тимковского (1813) / [предисл. М.А. Максимовича] // Русский Архив. — М., 1871. — Вып. XII. — С. 2118 — 2120.
166. Тимковский Василий Федорович [Электронный ресурс] // Виртуальный музей декабристов. — Режим доступа: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_t
167. Тимченко-Быхун И. Дерево как художественный символ текста «Записок» М.И. Глинки / И.А. Тимченко-Быхун // Новоспасский сборник. — Вып. 10. (Сдано в печать).
168. Тимченко-Быхун И.А. Фортепианные парафразы М.И. Глинки: стилевые процессы в контексте межнациональных взаимодействий : дисс. ... канд. искусствоведения / И.А. Тимченко-Быхун. — К. : НМАУ им. П.И. Чайковского, 2007. — 228 с.
169. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. — Т.4. — 1502 стб.
170. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л.Н. Толстой. — М. : Художественная литература, 1979. — Т. 2: Повести и рассказы. — 406 с.
171. Тышко С.В. «В меру, а не чрез меру». (Некоторые проблемы ХХI века в жизни М.И. Глинки) / С.В. Тышко // Музыкальная академия. — 2006. — №1. — С. 159 — 165.
172. Тышко С.В. Проблема национального стиля в оперном творчестве Глинки. «Руслан и Людмила» / С.В. Тышко // Очерки по истории

- русской музыки. — К., 1995. — С. 72 — 109.
173. Тышко С.В. Уле Буль и М.И. Глинка: встреча в Севилье / С.В. Тышко // Київське музикознавство. Культурологія та мистецтвознавство. — К., 2010. — Вип. 34. — С. 194 — 205.
 174. Тышко С.В. Динамические компоненты национального стиля в опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила» / С.В. Тышко // Київське музикознавство. Культурологія та мистецтвознавство. — К., 2004. — Вип. 16. — С. 118 — 134.
 175. Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 3-х ч. / С.В. Тышко, Г.В. Куколь — К. : Тип. Клякса, 2011. — Ч. III: Путешествие на Пиренеи, или Испанские арабески. — 542 с.
 176. Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 3-х ч. / С.В. Тышко, С.Г. Мамаев. — К., 2000; переиздание: К. : Радуга, 2005. — Ч. 1: Украина. — 214 с.
 177. Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 3-х ч. / С.В. Тышко, С.Г. Мамаев. — К. : Задруга, 2002. — Ч. II: Глинка в Германии, или Апология романтического сознания. — 509 с.
 178. Указ Александра I о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест от 2 октября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. (Собрание 1-е). — Спб., 1830. — Т. 39, № 30078. — С. 551 — 552.
 179. Фесенко Ю.П. Пушкин и Грибоедов: (Два эпизода творческих взаимоотношений) / Ю.П. Фесенко // Временник Пушкинской комиссии, 1980 / [АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис.]. — Л. : Наука, 1983. — С. 101 — 113. — С. 111).
 180. Фоменко В.А. Пятигорье в XV — середине XVIII в. [Электронный ресурс] / В.А. Фоменко. — Пятигорск : Технолог. ун-т , 2002. — Режим доступа: http://www.djeguako.ru/content/view/58/40/1/3/#_ftn14
 181. Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль / Д.И. Фонвизин. — Л. : Художественная литература, 1972. — 152 с.
 182. Фряжское вино [Электронный ресурс] // Путеводитель по Пушкину. — М. — Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1931. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/put-abc/put/put-363f.htm>
 183. Хачиков В.А. Глинка на Водах [Электронный ресурс] / В.А. Хачиков. — Режим доступа: http://www.kmvline.ru/article/a_114.php
 184. Хачиков В.А. КМВ. Профили истории [Электронный ресурс] / В.А. Хачиков. — Пятигорск : МИЛ, 2006. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/lib/pi.php>
 185. Хачиков В.А. Сюрпризы «первой волны» [Электронный ресурс] / В.А.Хачиков // Хачиков В.А. Пятигорск во времени и пространстве. — Ставрополь : Изд-во Кузьминых, 2009. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/lib/pyatigorsk/6.php>
 186. Черейский Л.А. Пушкин и Северный Кавказ [Электронный ресурс] / Л.А. Черейский. — Ставрополь, 1986. — Режим доступа: <http://www.kmvline.ru/pushkin/1.php>

187. Чурей Д.А. Традиционные музыкальные инструменты адыгов [Электронный ресурс] / Д.А. Чурей // Архивы и общество: научно-просветительский журнал. — 29. 06. 2011 — Вып. 2 (50). — Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=182>
188. Шестакова Л.И. Былое М.И. Глинки и его родителей / Л.И. Шестакова // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А.Орловой] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 29 — 47.
189. Шестакова Л.И. М.И. Глинка в воспоминаниях его сестры / Л.И. Шестакова // Глинка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А.А. Орловой] — М. : Госмузиздат, 1955. — С. 47 — 54.
190. Шкерин В.А. Два поэта, две реки. Кавказские Воды в русской литературе 1820-х гг. [Электронный ресурс] / В.А. Шкерин // Родина. — 2011. — № 10. — С. 92 — 95. — Режим доступа: <http://www.blge.ru/gosti/shkerin1.html>
191. Шопен Ф. Письма: в 2-х т. / Ф. Шопен / [сост., предисл., хронограф и комментарии Г.С. Кухарского]. — Изд. 3-е. — М. : Музыка, 1982. — Т. 1. — 464 с.
192. Шувалов Н. Пушкин и балет / Н. Шувалов // Пушкин и искусство: [сборник статей] / отв. ред. Н. Шувалов. — Л.; М. : Искусство, 1937. — С. 58 — 88.
193. Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века / С. Экштут. — М. : Молодая гвардия, 2012. — 426 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
194. Энциклопедический словарь. Брокгауз — Ефрон. — Т. 1 — 86 + 1 — 4 доп. — СПб. : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907.
195. Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929-1994) / С.Е. Эрлих // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. — СПб., Кишинев : Нестор, 2000. — Вып. III. — С. 258 — 313.
196. Bourges Maurice. Troisième concert de M.H. Berlioz. Au cirque des Champs Elysées / Maurice Bourges // Revue et Gazette Musicale. — 1845. — №12, 23 mars.
197. Ford Richard. Handbook for travellers in Spain / Richard Ford. — Third edition. — London: John Murray, 1855. — Part I-II. — 995 p.
198. Fouque Octave. Michel Ivanovitch Glinkâ. D'après ses mémoires et sa correspondance / Octave Fouque. — Paris, 1880. — 107 p.
199. Gregorian islamic Calendar [Electronic resource]. — Mode of access: <http://hical.info/eg.html>
200. Jäger, B. Reise von St. Petersburg in die Krim und die Länder des Kaukasus im Jahre 1825: nebst einer Darstellung des natürlichen Reichthums, der Größe und Bevölkerung der Russischen Provinzen jenseit des Kaukasus / B. Jäger. — Leipzig : Hartmann. 1830. — 162 S.
201. Nouvelles // La France musicale. — 1845 — №10, 9 mars.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абих Г.В. — 174
 Айвазовский И.К. — 139
 Александр I — 21, 52, 104, 171
 Александр II — 14
 Алябьев А.А. — 115, 148, 202
 Андреев-Кривич С.А. — 117, 119
 Аракелов Х. — 139
 Аракишвили Д.И. — 139
 Аракичев Д.И. — см. *Аракишвили*
 Арешев Варлаам — 86, 87
 Ариосто Л. — 12, 13, 27
 Арсеньев К.И. — 11, 14, 18, 70, 123, 197
 Арсеньева Е.А. — 198
 Афанасий Кириллович, повар
 М.И.Глинки — 59, 62, 63, 85, 93
 Ашхотов Б.Г. — 147, 148
 Байрон Дж. Г. — 33
 Бартеков П.И. — 16, 22, 27, 28
 Баталин Ф.А. — 77, 89, 90
 Баткин Л.М. — 5, 12, 17, 26
 Бгажноков Б.Х. — 84, 136, 138
 Бегров К.П. — 155
 Белл Дж. — 137, 138, 140, 143, 146, 147
 Белини В. — 100
 Бём Ф. — 15
 Бернардацци Джованни (Иван) — 80, 155, 195, 198, 201
 Бернардацци Джузеппе (Иосиф) — 80, 86, 88, 152, 155, 195, 198, 201
 Бестужев-Марлинский А.А. — 7 — 9, 28, 31, 39, 40, 42, 96, 133, 180
 Бетховен Л. ван — 186
 Биелли А.А. — 35
 Блинова М. — 13
 Боровков А.Д. — 111
 Боткин В.П. — 40, 192
 Бриссо-Мирбель Ш.Ф. — 196
 Броневский В.Б. — 11, 20, 40, 41, 47, 50, 53, 54, 71, 73, 74, 81, 87, 89, 92 — 94, 96, 97, 100, 107, 125, 128, 150, 153, 157, 158, 160, 164, 165, 168, 170 — 172, 178, 185 — 187, 189, 199, 202, 213, 215 — 217
 Броневский С.М. — 19, 25, 52, 123, 124, 127, 131, 133, 134, 143, 149, 177, 179, 194, 197, 203, 207
 Брюллов К.П. — 96
 Булвер-Литтон Э. — 33
 Бурж М. — 140
 Быковский Л.П. — 59, 61, 63, 68, 90, 97, 167, 170, 185, 204, 210, 211
 Вайль П.Л. — 171
 Вальтер Скотт — 33
 Васко да Гама — 13
 Вейгль И. — 15, 37
 Веймарн П.П. — 95
 Висковатов П.А. — 164
 Витковский И.М. — 47, 48, 59
 Воейков А.Ф. — 112
 Волконский С.Г. — 112
 Воронцов М.С. — 111
 Гааз Ф.П. — 174
 Гавриленков — 66
 Гадецкая А.Н. — 100
 Гейслер Х.-Г.-Г. — 149
 Генис А.А. — 171
 Геништа И.И. — 22
 Гераков Г. В. — 18, 29, 41, 45, 52, 55, 63, 81, 91, 93, 101, 102, 119, 155, 158, 160, 164, 168, 170, 173, 180, 181
 Гершензон М.О. — 32, 33, 36, 47, 75, 119
 Гессе Г. — 58
 Гиндин В.П. — 163, 164
 Гинка А.А. — 15
 Гинка Е.А. — 13, 163
 Гинка И.Н. — 19, 43, 59, 62, 63, 105, 129, 164, 195
 Гинка П.И. — 13
 Глушковский А.П. — 23
 Гоголь Н.В. — 35, 94, 164,
 Голицына М.А. — 36
 Горчаков П.Д. — 191
 Греч Н.И. — 24, 140
 Грибоедов А.С. — 58, 74, 82, 96, 104, 108

- Грум-Гржимайло К.И. — 22, 75,
 79, 95, 96, 156, 159, 162 — 164,
 166 — 170, 172, 182, 185, 206,
 207, 209 — 212, 217
 Гуменюк Т.К. — 6
 Гуммель И.Н. — 59
 Даль В.И. — 151
 Ден З. — 15
 Дидло К.Л. — 23, 141
 Добродеев И. — 75, 84, 93, 117,
 119 — 121, 125, 130 — 132,
 136 — 138, 153, 155 — 157, 161,
 168
 Дон Педро — см. *Педро*
Фернандес Неласко (Ноласко)
Сандино
 Достоевский Ф.М. — 96
 Дюма А. (отец) — 40, 45, 192
 Егер Б. — 55, 56, 76, 78, 80 — 82,
 197, 203
 Ермолов А.П. — 27, 38, 52, 76,
 79 — 81, 107, 108, 111 — 114, 122,
 190, 191, 201, 202, 206, 212
 Ерофеева И.А. — 111, 112
 Жорж Санд (Дюпен А.А.Л.) — 88
 Жуковский В.А. — 14, 30, 38, 73,
 83, 109, 149, 171
 Загорный Н.Н. — 15
 Замбони Л. — 15
 Зембницкий Я.Г. — 196
 Измаил-бей Атажукин — 120
 Илья, крепостной, дядька, сопро-
 вождавший М.И.Глинку в
 поездке на Кавказ — 62, 63, 85
 Исаева А.В. — 213
 Кавос К.А. — 23, 141
 Канн-Новикова Е.И. — 117, 130,
 145
 Киммель — 182
 Киприянов А.И. — 19, 67, 68
 Киприянова (рожд. Потресова) А.В. —
 19, 67
 Китанина Т.А. — 33 — 35, 39 — 41,
 134, 183
 Киш И.И. — 35
 Коваленко А. — 86
 Колмаков И.Е. — 112
 Кологривов — 66
 Колумб Христофор — 13
 Конради Ф.П. — 170, 212
 Крылов И.А. — 150
 Кюхельбекер В.К. — 112
 Левашева О.Е. — 46, 48, 139
 Лермонтов М.Ю. — 8, 28, 33, 38,
 82 — 84, 88, 96, 97, 99, 117 — 121,
 128, 134, 135, 143, 145, 150, 163,
 164, 173, 177, 178, 180, 181, 192,
 194, 196 — 198, 202, 208, 210,
 219
 Лопухина М.А. — 208
 Лотман Ю.М. — 162
 Ляпунова А.С. — 10, 11
 Максимович (рожд. Тимковская) Г.Ф.
 — 108, 113, 114
 Максимович В.И. — 115
 Максимович И.Л. — 115
 Максимович М.А. — 108, 109, 110,
 113 — 115
 Максимович Н.В. — 115
 Макферсон Дж. — 142, 143
 Маркевич Н.А. — 15, 16, 112, 113
 Мартынов Н. — 196
 Маурер Л.В. — 22
 Маяковский В.В. — 194
 Мейер К. — 15
 Мельгунов Н.А. — 14
 Мендельсон-Бартольди Ф. — 15
 Меншиков А.Д. — 104
 Меншиков А.С. — 60, 103 — 112, 114
 Меншиков М.М. — 103
 Мериме П. — 40, 214
 Мерлини — 79, 86, 94
 Моцарт В.А. — 15, 58
 Мусин-Пушкин В.А. — 45
 Мусоргский М.П. — 214
 Мюрат И. — 66
 Наполеон I Бонапарт — 67, 108
 Неверовский Д.П. — 66, 67,
 114 — 116
 Неверовский И.П. — 115
 Недумов С.И. — 86, 90, 99, 122, 191
 Некрасов Н., художник — 155
 Нелюбин А.П. — 19, 43, 44, 45,
 50, 62, 77, 78, 86, 90, 92, 169,

- 170, 183, 214
Нефедьев Н.А. — 55 — 57, 78, 83,
91, 92, 98, 99 — 101, 103, 156,
157, 168, 187, 190, 191, 194,
196, 199, 201, 204, 206, 212
Нечаев С.Д. — 9, 19, 21, 29, 38,
39, 56, 79, 82, 89, 116, 118,
121, 125, 134, 142, 144, 179, 194,
195, 214
Николай I — 104, 171
Новосильцев Н.Н. — 111
Огюст — см. *Пуаро Огюст*
Оман В. — 15
Орешев Варлаам — см. *Арешев*
Варлаам
Орлов — 86
Орлов А.П. — 106
Орлова А.А. — 46
Орловский А.О. — 11, 130
Павелко Е.А. — 6
Паллас П.С. — 143
Паскевич И.Ф. — 95
Пашкевич В.А. — 26
Педро Фернандес Неласко
(Ноласко) Сандино — 71
Пережогина Е.А. — 96
Пестель П.И. — 111
Петр I — 104
Петровский-Муравский Н.И. —
47, 48, 59, 63 — 69, 102, 114,
116, 164, 165, 170, 185
Петровский-Муравский, брат
Н.И. Петровского-Муравского —
59, 68, 69
Плутарх — 108
Поликарпов Н.П. — 66
Полонский С. — 212
Потто В.А. — 38, 126, 128 — 130,
188
Прево д'Экзиль А.Ф. — 13
Пуаро Огюст — 23
Пушкин А.С. — 7 — 11, 16, 20 — 24,
26 — 30, 32, 33, 36, 38 — 42,
44, 45, 47, 49, 52, 54, 63, 70,
74, 75, 80, 81, 83, 84, 102, 110,
118 — 122, 124, 126, 128, 129, 131,
132, 134, 140, 158, 161, 162, 172,
174, 175, 176, 178 — 180, 183,
187, 191 — 193, 198, 201, 204,
207, 211, 214, 216
Пушкин Л.С. — 22
Пыляев М.И. — 104
Раджицкий И. Т. — 8, 19, 23, 25,
29, 31, 34, 36, 39, 40, 41, 49,
51 — 57, 70 — 74, 77 — 79, 81,
87, 89, 97, 99, 105, 118, 123, 134,
141 — 144, 151, 154, 164, 165,
168 — 170, 174 — 177, 180, 182,
184, 188, 190, 198, 205, 214
Раевские — 44, 75, 119, 172, 175,
176, 193
Раевский Н.Н. — 7, 11, 16, 21, 44,
47, 49, 52, 63, 70, 73, 74, 78,
80, 98, 102, 154, 158, 160, 164,
165, 168, 174, 175, 178, 183,
193, 200
Рамазанова Н.В. — 96
Ребров А.Ф. — 86, 198, 199
Рейнгардт Ф.О. — 48, 94
Римский-Корсаков А.Н. — 36
Розанов А.С. — 10
Розен А.Е. — 37, 41, 45, 80,
89, 97, 100, 152, 165 — 167,
175 — 177, 184, 185, 193, 197,
199, 204, 206 — 208, 210, 218
Рубини Дж.Б. — 104, 105
Румянцев Н.П. — 106, 170
Руска Ф.И. — 154
Рылеев К.Ф. — 10
Сабуров Я. — 149
Савенко П.Н. — 183
Савицкая Н.В. — 17, 25
Саша Черный (Гликберг А.М.) —
135, 181, 192
Свинин П.П. — 8, 22, 35, 81, 87,
106, 115, 117, 119, 120, 123,
129 — 132, 135 — 141, 143 — 148,
160, 165, 170, 184, 202, 204,
205, 210
Сегюр Ф.-П. де — 67
Сияльский П. — 139
Смоллетт Т.Д. — 33, 34
Сталь К.Ф. — 189
Степанов Н.А. — 96

- Степанов П.А. — 15, 95
 Султан Керим-Гирей — 130,
 143 — 147
 Супотницкая Н.С. — 214
 Супотницкий М.В. — 214
 Теребенев М.И. — 15
 Тимковская А.С. — 108
 Тимковский В.Ф. — 60, 103, 104,
 107 — 116, 194
 Тимковский Е.Ф. — 108
 Тимковский Иван Федорович —
 108
 Тимковский Илья Федорович —
 108, 111
 Тимковский Р.Ф. — 108
 Тимковский Ф.Н. — 107 — 108, 115
 Тимченко-Быхун И.А. — 6, 31
 Толстой Л.Н. — 8, 9, 38, 121, 122,
 128, 216
 Тормасов А.П. — 176
 Тынянов Ю.Н. — 43, 58, 74
 Тютчев Ф.И. — 92
 Унгебауер — 66
 Фай И.К. — 35
 Фильд Д. — 15
 Фичино Марсилио — 12
 Фок М.Я. фон — 112
 Фоменко В. — 121
 Фонвизин Д.И. — 171
 Форд Р. — 20, 27
 Фук О. — 140
 Хандаков — 87
 Хандакова — 85 — 88, 90, 91, 93,
 94, 175
 Хастатова Е.А. — 198
 Хачиков В.А. — 34, 86, 87, 114,
 152
 Цейнер К. — 15
 Черейский Л.А. — 47, 204
 Чернявский — 86, 92
 Чехов А.П. — 94
 Шевченко Т.Г. — 38
 Шестакова Л.И. — 13 — 15, 113
 Шкерин В.А. — 32, 84, 190, 194
 Шопен Ф. — 15, 88
 Шувалов А.Н. — 23
 Шукшин В.М. — 171
 Эзоп — 150
 Эко У. — 10
 Экштут С. А. — 91, 100
 Энгельгардт В.П. — 96
 Энгельгардт Г.-К.Р. (Е.Ф.) — 195
 Эрлих С.Е. — 111
 Якубович А.И. — 38, 112

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аахен — 169
 Абазия — 187, 194
 Австрия — 20
 Аджи-аул (Аджиев аул) — 102, 117,
 119 — 121, 123, 125, 129, 130, 144
 Азовское море — 11
 Аксай, город — см. *Аксайская,*
станция
 Аксай, р. — 11, 49, 69 — 71, 73
 Аксайская, станция — 9, 49, 59,
 69 — 73
 Александрия — 189
 Александров — 53, 54
 Альпы — 18, 53, 56, 57, 184
 Анапа — 104
 Англия — 20, 132
 Апеннины — 53
 Аранхуэс — 177
 Арарат, г. — 18
 Арзрум — 45, 81
 Армения — 139
 Бавария — 205
 Баден (близ Вены) — 162
 Баден-Баден — 89
 Балканы — 12
 Бат — 20
 Бахмут — 48
 Безопасная — 53
 Белгород — 48
 Березина, р. — 65
 Берёзовка, р. — 187, 193 — 195
 Берлин — 148
 Бессарабская область, Бессарабия —
 108 — 110, 112
 Бешпагир — 53, 188
 Бештау, г. — 8, 18, 25, 27, 32, 38,
 54 — 56, 76, 77, 88, 102, 117,
 120, 121, 144, 154, 161, 173, 174,
 176, 179, 180, 190, 193
 Бешту, г. — см. *Бештау*
 Боргустан — 200
 Бристоль — 20
 Вальядолид — 195, 196
 Вена — 73, 85, 162
 Венеция — 80, 184
 Византия — 123
 Виши — 89
 Владикавказ — 58, 81, 139, 214
 Военно-Грузинская дорога — 191
 Волга, р. — 72
 Воронеж — 49, 68, 70
 Гвадалквивир, р. — 73
 Георгиевск — 19, 45, 49, 51 — 57,
 76, 81, 83, 87, 98, 141, 189,
 190, 216
 Германия — 15, 20, 21, 36, 57,
 73, 218
 Главный Кавказский хребет — 10,
 21, 52
 Горячая, г. — 76, 77, 83, 84, 86, 151,
 152, 155
 Горячеводск — см. *Пятигорск*
 Горячие воды — см. *Пятигорск*
 Гранада — 57
 Грузия — 109, 214
 Гурзуф — 161
 Днепр, р. — 72, 114
 Днепропетровск — см.
Екатеринослав
 Дон, р. — 9 — 11, 19, 49, 59, 69 — 75
 Дрезден — 65, 73
 Дунай, р. — 73
 Египет — 12
 Егорлык — 53
 Екатеринодар — 18
 Екатеринослав — 44, 47
 Ельборус — см. *Эльбрус*
 Ельня — 46
 Эссентуки — 190, 191
 Железная, г. — 25, 172 — 174,
 177 — 180, 193
 Железноводск — 21, 30, 39, 60,
 61, 64, 75, 76, 83, 172 — 175,
 177 — 179, 181 — 187, 199, 203,
 204, 213
 Железные воды — см.
Железноводск
 Эгарь — 113, 114

- Змеиная, г. — 25, 55, 56, 173, 177, 180, 216
Золотоноша — 108, 113, 114, 115
Золотоношский уезд — 107, 115
Изюм — 48
Индия — 13
Иран — см. *Персия*
Ирландия — 12
Испания — 12, 14, 20, 27, 28, 33, 36, 40, 44, 45, 48, 57, 74, 124, 128, 129, 148, 177, 187, 192, 196, 214
Италия — 12, 20, 30, 36, 56, 57, 218
Кабарда — 83, 127, 131
Казбек, г. — 18, 22, 42, 56, 82, 88, 154
Каменная, г. — см. *Развалка*
Каменноброды — 189
Карлсбад — 81
Карпатские горы — 18
Каррас — 92, 93, 173, 175
Каспийское море — 11, 31
Кассада (Хозада), р. — см. *Ольховка*
Кацбах — 66
Киевщина — 74
Кизляр — 18, 86
Кисловодск — 8, 12, 21, 24, 28, 34, 61, 74 — 76, 79, 80, 84, 85, 95, 97, 119, 121, 149, 157, 159, 160, 180, 185 — 187, 190, 191, 193 — 208, 210 — 215, 218, 219
Кислые воды — см. *Кисловодск*
Киссинген — 181, 205
Константиногорск — см. *Пятигорск*
Корея — 11
Крапивна — 114
Краснодар — см. *Екатеринодар*
Кременчуг — 114
Круглолесская, станица — 188
Крым — 104, 119, 120, 140, 161,
Кубань, р. — 123
Кульм — 65
Кума, р. — 55
Курск — 48
Ла-Манча — 74
Лейпциг — 65, 66
Лондон — 20
Лысогорский пост — 173
Мадрид — 57, 85, 148
Малый Кавказ, горы — 10
Мальорка, о-в — 88
Манчжурия — 11
Марокко — 12
Махина — 73
Машук, г. — 25, 56, 57, 76 — 79, 82, 83, 88, 92, 99, 101, 102, 120, 151, 154, 161, 180, 188, 193, 195, 216
Мечук — см. *Пятигорск*
Мечук, г. — см. *Машук*
Милан — 12
Моздок — 18, 49
Монголия — 11
Москва — 22, 49, 68, 89, 109
Неаполь — 12
Неверовщина — см. *Павлившина*
Новокузнецк — 194
Новоспасское — 7, 13, 19, 43, 46, 48, 61 — 63, 68, 129, 149, 193, 195, 215, 216, 219
Новочеркасск — 45, 69, 70,
Оксай, р. — см. *Аксай*
Ольховка, р. — 187, 193 — 195
Орел — 7, 48, 49, 61, 68, 215
Оренбург — 108, 109
Орлеан — 44
Павлившина — 115
Париж — 104, 117, 140, 148
Переяслав — 107
Персия — 104
Петербург (Санкт-Петербург) — 7, 13, 22, 23, 31, 32, 36, 38, 44, 54, 58, 62, 63, 68, 93, 100, 109, 114 — 117, 148, 201, 217, 219
Пиренейские горы — 18, 53
Подкумок, р. — 55 — 57, 76 — 78, 82, 83, 151, 154, 162, 187, 188, 190, 193 — 195, 197, 201
Полтавшина, Полтавская губ. — 68, 69, 74, 107, 115

Польша — 36, 66
 Пятигорск — 5, 8, 12, 18, 21, 34, 37, 45 — 48, 53, 56, 57, 59 — 61, 63, 64, 69, 75 — 90, 92 — 100, 102, 103, 106, 110, 117 — 121, 123, 125, 131, 149 — 152, 155 — 164, 167 — 176, 178, 180 — 182, 186, 187, 189 — 191, 193 — 195, 197 — 200, 203 — 205, 211, 213, 215 — 219
 Пятигорье — 25, 76, 118, 120, 123, 177, 197
 Развалка, г. — 173, 180
 Регенсбург — 73
 Рейн, р. — 72
 Рим — 12
 Рославль — 48
 Ростов-на-Дону — 48, 69, 74
 Рублёвка — 114
 Саксония — 73
 Самусёвка — 114
 Санторини (Санторин, Тира), о-в — 94
 Сегура, р. — 187
 Сенгилеевка — 189
 Серноводск — см. *Пятигорск*
 Сибирь — 38
 Силезия — 51
 Сирия — 12
 Слобожанщина — 74
 Смоленск — 7, 46, 65, 66, 68, 72
 Смоленская губ. — 103
 Средняя Азия — 11
 Ставрополь — 18, 49, 51, 52, 53, 56, 69, 74, 189
 Старая Кастилия — 61, 74, 193, 196
 Старо-Черкасск — см. *Черкасск*
 Сула, р. — 114
 Тбилиси — см. *Тифлис*
 Тверь — 65
 Темижбекская, станица — 188
 Терек, р. — 123
 Тимковщина (Тымкивщина) — 108, 114
 Тифлис — 45, 49, 109, 113
 Туркестан — 11
 Удай, р. — 187
 Украина — 33, 36, 44, 46, 48, 59, 68, 69, 71, 74, 107, 113 — 116, 124, 187
 Улькуш (Елкошу), р. — см. *Берёзовка*
 Урал, р. — 11
 Уральские горы — 11, 18
 Харьков — 46 — 49, 51, 59, 61, 63, 64, 68 — 70, 89, 94, 113, 114, 215, 216, 219
 Царское Село — 58
 Черкасск — 52, 70, 74
 Черкасская обл. — 107
 Черкесия — 143
 Черниговщина — 74
 Черное море — 11
 Чугуев — 48
 Шлангенбад — 177
 Шотландия — 143
 Шотландка — см. *Каррас*
 Эгейское море — 94
 Эльба, р. — 73
 Эльборус, г. — см. *Эльбрус*
 Эльбрус, г. — 8, 18, 22, 28 — 30, 38, 52, 54, 56, 82, 83, 88, 154, 180
 Эмс — 85, 100
 Япония — 12

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. М.И.Теребенёв. Портрет М.И.Глинки. 1824.
2. План Горячеводска (Пятигорска), составленный И.Бернардацци. 1831. Приводится по источнику: [124].
3. Фрагмент плана Горячеводска (Пятигорска), составленного И.Бернардацци. 1831. Приводится по источнику: [124].

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I. О полете Музы к пределам Азии: открытие Кавказа и становление творческой личности	7
Глава II. Маршрут: Новоспасское — Горячие воды (Пятигорск)	43
Фрагмент текста «Записок» М.И. Глинки	59
Комментарий	62
Литература	220
Указатель имен	234
Указатель географических названий	238
Список иллюстраций	241
Оглавление	243

Наукове видання

Тишко Сергій Віталійович

Мандри Глінки
Коментар до «Записок»
Частина IV
Кавказ
(Російською мовою)

Редактор І. Тимченко-Бихун
Дизайнер-верстальник В. Бихун

Підп. до друку 4.03.2015. Формат 64х90/16. Папір офсетний.
Гарнітура AcademyC. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 16,32.
Тираж 300 прим.
Зам. № 9/3-1

ФОП Бихун В.Ю., Видавництво «ЛАТ & К / LAT & K»
вул. Леонтовича, 9, к. 18, м. Київ, 01601, тел./факс: +38 044 2357528
Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 181 від 15.09.2000 р., e-mail: lk@ukr.net

ISBN 978-617-7061-12-9

